

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
(ИНИОН РАН)

СОЦИАЛЬНЫЕ
И
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

СЕРИЯ 4

**ГОСУДАРСТВО
И
ПРАВО
2024 – 4**

Издается с 1974 года
Выходит 4 раза в год
Индекс серии 2.4

Учредитель
Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук

Редакционная коллегия серии «Государство и право»:

Умнова-Конюхова И.А. – гл. ред., д-р юрид. наук, профессор (ИНИОН РАН);
Алферова Е.В. – зам. гл. ред., канд. юрид. наук (ИНИОН РАН); *Алешкова И.А.* –
канд. юрид. наук, доцент (ИНИОН РАН); *Андриченко Л.В.* – д-р юрид. наук,
профессор (ИЗиСП при Правительстве РФ); *Бурдина Е.В.* – д-р юрид. наук, до-
цент (Рос. гос. ун-т правосудия (РГУП)); *Вакула М.А.* – канд. юрид. наук, про-
фессор (Юрид. ин-т РУДН); *Васильева Т.А.* – д-р юрид. наук (ИГП РАН); *Гло-
тов С.А.* – д-р юрид. наук, профессор (ИНИОН РАН); *Грудцына Л.Ю.* – д-р
юрид. наук, профессор (Рос. гос. акад. интелл. собственности, РГАИС); *Егоро-
ва М.А.* – д-р юрид. наук, профессор (Моск. гос. ун-т им. О.Е. Кутафина
(МГЮА)); *Ефременко Д.В.* – д-р полит. наук (ИНИОН РАН); *Карцхия А.А.* – д-р
юрид. наук, профессор (Рос. гос. ун-т нефти и газа (НИУ) им. И.М. Губкина);
Коданева С.И. – канд. юрид. наук, доцент (ИНИОН РАН); *Кравец И.А.* – д-р
юрид. наук, профессор (Ин-т философии и права, юрид. ф-т Новосиб. гос. ун-та);
Красиков Д.В. – канд. юрид. наук, доцент (Сарат. гос. юрид. акад.); *Крысанов-
ва Н.В.* – канд. юрид. наук (ИНИОН РАН); *Лапаева В.В.* – д-р юрид. наук (ИГП
РАН); *Ловцов Д.А.* – д-р техн. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
(ИТМ и ВТ им. С.А. Лебедева; РГУП); *Лужина А.Н.* – канд. юрид. наук, доцент
(РГУП); *Манова Н.С.* – д-р юрид. наук, профессор (Сарат. гос. юрид. акад.);
Пудовочкин Ю.Е. – д-р юрид. наук, профессор (Моск. гос. юрид. ун-т им. О.Е. Ку-
тафина (МГЮА)); *Толстых В.Л.* – д-р юрид. наук, профессор (Моск. гос. юрид.
ун-т им. О.Е. Кутафина (МГЮА)); *Ястребова А.Ю.* – д-р юрид. наук, доцент
(Дипломат. акад. МИД России)

Включен в перечень журналов ВАК и Российский индекс
научного цитирования (РИНЦ)

DOI: 10.31249/iajpravo/2024.04.00

ISSN 2219-861X

Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77-80872 от 21.04.2021

© ИНИОН РАН, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА НАУЧНОЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ, ЦИФРОВИЗАЦИЯ, ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ПРАВО

Статьи и обзоры

<i>Умнова-Конюхова И.А.</i> Трансформация современного права под влиянием научно-технологического развития: общие тенденции и опыт России	9
<i>Коданева С.И.</i> Цифровое право: тенденции, перспективы и проблемы развития правового регулирования отношений в цифровой среде (Обзор материалов Международной научной конференции «Цифровое право – право будущего»)	26
<i>Алешкова И.А.</i> Действие принципов конституционного права в условиях развития биотехнологий	42
<i>Иванова А.П.</i> Цифровые технологии в юридической деятельности: гиперреализм, правовая эволюция и развитие судебной аналитики	55
<i>Белова М.А.</i> Цифровизация в Германии: современное состояние и перспективы развития (на примере Федеральной Земли Бавария)	69
<i>Алферов О.Л., Алферова Е.В.</i> Информационные технологии и «цифровая» преступность (Обзор)	83
<i>Филатова А.О., Сапельченко Н.Е.</i> Организационно-правовые механизмы обеспечения сохранения генетической информации в условиях развития современной биотехнологии	97

Рецензии

<i>Алферов О.Л.</i> Рецензия на книгу: Перспективные направления правового регулирования искусственного интеллекта / под ред. А.В. Минбалеева	111
---	-----

<i>Глотов С.А.</i> Рецензия на книгу: Исаков В.Б., Мамцев Р.В. Правовая аналитика: студенты и искусственный интеллект на экзамене	119
<i>Алферова Е.В., Скурко Е.В.</i> Рецензия на книгу: Искусственный интеллект и нормативные вызовы: международная и сравнительно-правовая перспективы / под ред. А. Корнилакис, Г. Ноускалис, В. Пергантис, Ф. Цимас	128

НОВЫЕ НАУЧНЫЕ ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Статьи и рецензии

Публично-правовые науки

<i>Скурко Е.В.</i> Конвергенция и дивергенция правовых систем в эпоху трансформаций	138
<i>Иванова А.П.</i> Большие данные и право на неприкосновенность частной жизни	149

Частноправовые (цивилистические) науки

<i>Крысанова Н.В.</i> Защита права собственности на недвижимое имущество	164
<i>Крысанова Н.В.</i> Рецензия на книгу: Зайцева Ю.А. Публично-правовые компании в России: проблемы правового статуса ...	176

Международно-правовые исследования

<i>Ястребова А.Ю., Анисимов И.О.</i> Особенности международно-правовой регламентации трудовых, социальных и культурных прав человека на универсальном уровне	184
<i>Алферова Е.В.</i> Новые векторы развития международной системы прав человека в цифровую эпоху	203
<i>Захаров Т.В.</i> Рецензия на книгу: Пети В. Будущее мирового порядка: шесть изменений парадигмы, которые определяют 2050 год	217

**Новые зарубежные книги на полках Фундаментальной
библиотеки ИНИОН РАН**

<i>Иванова А.П.</i> Реферат книги: Кроу Дж. Естественное право и природа права	222
<i>Скурко Е.В.</i> Реферат книги: Таманаха Б.З. Социологические подходы к теориям права	227

CONTENTS

ISSUE THEME SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL DEVELOPMENT, DIGITALIZATION, ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND LAW

Articles and reviews

<i>Umnova-Koniukhova I.A.</i> Transformation of modern Law under the influence of scientific and technological development: general trends and experience of Russia	9
<i>Kodaneva S.I.</i> Digital Law: trends, prospects and problems of the development of legal regulation of relations in the digital environment. (Review of the materials of the International scientific conference «Digital Law – the law of the future»)	26
<i>Aleshkova I.A.</i> The effect of the principles of constitutional law in the conditions of biotechnology development	42
<i>Ivanova A.P.</i> Digital technologies in legal activity: hyperrealism, legal evolution and development of judicial analytics	55
<i>Belova M.A.</i> Digitalization in Germany: current status and development prospects (based on the example of the federal state of Bavaria)	69
<i>Alferov O.L., Alferova E.V.</i> Information technologies and «digital» crime (Review)	83
<i>Filatova A.O., Sapelchenko N.E.</i> Organizational and legal mechanisms for ensuring the preservation of genetic information in the context of the development of modern biotechnology.....	97

Book reviews

<i>Alferov O.L.</i> Book review: Promising areas of legal regulation of artificial intelligence / ed. by A.V. Minbaleeva	111
--	-----

<i>Glotov S.A.</i> Book review: Isakov V.B., Mamaev R.V. Legal analytics: students and artificial intelligence on the exam.....	119
<i>Alferova E.V., Skurko E.V.</i> Book review: Artificial Intelligence and normative challenges: international and comparative legal Perspectives / ed. A. Kornilakis, G. Nouskalis, V. Pergantis, T. Tzimas	128

NEW SCIENTIFIC LEGAL RESEARCH

Articles and reviews

Public law sciences

<i>Skurko E.V.</i> Convergence and divergence of legal systems in the Era of Transformations	138
<i>Ivanova A.P.</i> Big data and the right to privacy	149

Private law (civil law) sciences

<i>Krysanova N.V.</i> Protection of ownership of real estate property. (Article)	164
<i>Krysanova N.V.</i> Book review: Zaitseva YU.A. Public law companies in Russia: problems of legal status	176

International legal studies

<i>Yastrebova A.Yu., Anisimov I.O.</i> Peculiarities of international legal regulation of labor, social and cultural human rights on the universal level	184
<i>Alferova E.V.</i> New vectors of development of the international human rights system in the digital age.....	203
<i>Zakharov T.V.</i> Book review: Petit V. The future of the global order: the six paradigm changes that will define 2050	217

**New foreing books on the shelves of the INION Fundamental
Library of the Russian Academy of Sciences**

<i>Ivanova A.P.</i> Summary of the book: Crow J. Natural law and the nature of law	222
<i>Skurko E.V.</i> Summary of the book: Tamanaha B.Z. Sociological approaches to theories of law (Elements in the philosophy of law)	227

ТЕМА НОМЕРА НАУЧНОЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ, ЦИФРОВИЗАЦИЯ, ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ПРАВО

СТАТЬИ, ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ

УДК 34.04

DOI: 10.31249/iajpravo/2024.04.01

УМНОВА-КОНЮХОВА И.А.¹ ТРАНСФОРМАЦИЯ СОВРЕ- МЕННОГО ПРАВА ПОД ВЛИЯНИЕМ НАУЧНО-ТЕХНОЛО- ГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ: ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ И ОПЫТ РОССИИ

Аннотация. Статья поднимает актуальные аспекты трансформации современного права, происходящей в том числе под влиянием научно-технологического развития. Рассматриваются общие тенденции изменения системы современного права и новые концептуальные подходы к определению круга и статуса субъектов права. Отмечается, что в Российской Федерации, особую актуальность приобрела проблема поиска баланса между законами, программно-стратегическим и экспериментальным правовым регулированием научно-технологического развития. Опыт России не является уникальным, однако, как и в любой другой стране, требует специального анализа сложившейся системы законодательства в этой сфере.

Ключевые слова: трансформация права; научно-технологическое развитие; система права; субъекты права; цифровизация;

¹ Умнова-Конюхова Ирина Анатольевна, главный научный сотрудник отдела правоведения ИНИОН РАН, доктор юридических наук, профессор.

биотехнологии; программно-стратегическое регулирование; экспериментальное правовое регулирование.

UMNOVA-KONIUKHOVA I.A. Transformation of modern Law under the influence of scientific and technological development: general trends and experience of Russia

Abstract. The article raises topical aspects of the transformation of modern law, which is taking place under the influence of scientific and technological development, among other things. The general trends of changes in the system of modern law and new conceptual approaches to determining the range and status of subjects of law are considered. It is noted that in the Russian Federation, along with the indicated trends, the problem of finding a balance between laws, program-strategic and experimental legal regulation of scientific and technological development has become particularly relevant. Russia's experience is not unique, however, as in any other country, it requires a special analysis of the existing system of legislation in this area.

Keywords: transformation of law; scientific and technological development; legal system; subjects of law; digitalization; biotechnology; program and strategic regulation; experimental legal regulation.

Для цитирования: Умнова-Конюхова И.А. Трансформация современного права под влиянием научно-технологического развития: общие тенденции и опыт России // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2024. – № 4. – С. 9–25. – DOI: 10.31249/iajpravo/2024.04.01

Введение

XXI век, обозначив амбициозные векторы научно-технологического прорыва (информационные, цифровые, биологические, медицинские, энергетические, транспортные, когнитивные, квантовые, нано-, нейро- и прочие наукоемкие технологии), вступил в этап развития, именуемый Четвертой промышленной революцией, преобразующей количественные показатели в новое качество жизни. По мнению президента Всемирного экономического форума К. Шваба, самостоятельность Четвертой промышленной революции обусловлена, во-первых, темпами экспоненциального разви-

тия, во-вторых, широтой и глубиной, и в-третьих, системным характером воздействия на общественные отношения¹.

Изменения в цивилизационном развитии не могли не затронуть и право. Под влиянием научно-технологического прогресса современный этап развития права характеризуется не только расширением масштабов, но и существенным изменением содержания правового регулирования, трансформацией системы права и сменой приоритетов правового регулирования. Открылись уникальные процессы конвергенции основных элементов системы права (отраслей, подотраслей и институтов), которые повлекли за собой их сегментацию, синтез и преобразование в новые правовые комплексы. Научная оценка, диагностика и прогнозирование происходящих процессов заставляют задуматься как о современном праве, так и о праве будущего, о его сущности и содержании, о субъектах и объектах права. Человечество получило прорывные технологии, но не изучило последствий их влияния на человеческую жизнь, не сформировало в необходимой мере базисные правила адаптации к технологическим переменам. В итоге право, как средство защиты людей и упорядочения взаимоотношений между ними, оказалось слабым и в определенных случаях просто бессильным инструментом перед лицом новых технологий. Среди вызовов праву, предопределяющих его глубинные изменения, в особом осмыслении нуждаются процессы цифровизации, внедрения искусственного интеллекта, биоинженерии, нейро-технологий, медицинских и так называемых природоподобных технологий. Технологизация вышла за пределы инструментального предназначения и стала влиять на судьбы людей и человечества, определять не только скорость и рациональность существования, но и ценностную значимость и форму человеческого бытия. Новые технологии не просто затронули процессы усовершенствования и оздоровления человека, они создали проблему сохранения человека как такового с его физическими, духовно-нравственными, интеллектуальными, биологическими, генетическими, психическими и иными характеристиками и качествами. При этом, как верно отмечается в современной юридической литературе, одним из столпов нынеш-

¹ См.: Шваб Клаус. Четвертая промышленная революция: пер. с англ. – Москва, 2018. – С. 11.

них дискуссий о научно-технологических процессах является вопрос экзистенциальных ценностей современного человека¹.

Изменение структуры и типологии отраслей современного права в условиях научно-технологического развития

В современную эпоху происходит беспрецедентная трансформация системы права. В условиях стремительного научно-технологического развития происходит переформатирование основных и производных отраслей права путем бинарных процессов интеграции (сегментации и синтеза) и диверсификации смежных институтов. Например, из медицинского права вычлняются био-право, нейроправо, генетическое право и др., из экологического права – климатическое право, противопандемийное право, антивирусное право и др., из информационного права – сетевое право, интернет-право, киберправо, из финансового и валютного права – блокчейн право, криптоправо и пр.

Под влиянием научно-технологического развития по-другому структурируется и сама система отраслей права. В системе права представляется целесообразным выделять *фундаментальные, институциональные* (образуемые в результате преобразования правового института (институтов) в новую отрасль права), *функционально-инструментальные* и *инструментально-технологические* (вспомогательные, обслуживающие) отрасли права².

Группа функционально-инструментальных и инструментально-технологических отраслей права возникла именно под влиянием научно-технологического развития. Эти отрасли права определяют социально-правовые технологии регулирования, реализации и развития права, являются служебным, вспомогательным правом, обслуживающим другие отрасли права с применением постоянно совершенствующихся методологий и технологий. Приме-

¹ См. об этом, напр.: Васильева Л.Н., Григорьев А.В. Цифровизация общества и перспективы конституционного развития // Журнал российского права. – 2020. – № 10. – С. 40–58; Цифровизация общества и будущее христианства: материалы V Междунар. науч. конф. (24 января 2019 г., Москва) / отв. ред. И.П. Рязанцев; ред.-сост. Р.М. Плюснин. – 2019.

² Подробнее см.: Умнова-Конюхова И.А. Генерология и футурология права: тенденции и прогноз развития / РАН, ИНИОН. – Москва, 2023. – С. 118.

ром функционально-инструментальных отраслей права являются коллизионное право и медиационное право, к инструментально-технологическим отраслям права относятся цифровое право, техническое право, дескриптивное право и пр.

Цифровое право как отрасль права нового поколения – следствие воздействия цифровизации на право. Пока что есть смысл говорить о цифровом праве как о правовом комплексе, эта отрасль права еще только формируется. Но уже сейчас стоит спрогнозировать дифференциацию цифрового права. Например, использование в цифровом праве принципиально новых регуляторов – алгоритмов позволяет некоторым исследователям заявлять об алгоритмическом обществе и, соответственно, об алгоритмическом праве¹. Юридизация такого института, как программирование, и таких новых регуляторов, как программный код, предопределяет формирование права программирования. При этом возможна интеграция названных правовых комплексов в «информационно-технологическое (ИТ) право» или «право информационных технологий».

Роль инструментально-технологической отрасли права состоит в обслуживании других – фундаментальных, институциональных и функционально-инструментальных – отраслей права. Применительно к цифровому праву речь идет, к примеру, о развитии с его помощью методологий юридической науки, позволяющих изучать право с позиции соотношения реального и виртуального; о создании институтов электронной власти, электронных выборов и электронного правосудия; о формировании цифрового правового мониторинга; об оцифровке юридических технологий, применяемых в правотворчестве, юридическом прогнозировании и моделировании; об экспертизе и цифровой обработке проектов нормативных правовых актов и др.

С развитием цифрового права в перспективе могут возникнуть и другие отрасли инструментально-технологического права, что отражает общую тенденцию технологизации права. Так, в юридическом обиходе все чаще используется термин «техническое

¹ См., напр.: Кравец И.А. Конституционализм и участие в алгоритмическом обществе (российский, сравнительный и международный контекст) // Журнал Сибирского федерального ун-та. Гуманитарные науки. – 2024. – № 17 (6). – С. 1036–1046.

право», под которым понимается совокупность технических нормативов и стандартов в отраслях промышленности, сельском хозяйстве, экологии, биологии, медицине и т.д. (строительные нормы и правила, правила устройства оборудования, санитарно-эпидемиологические правила, экологические нормативы, правила пожарной и технологической безопасности, правила благоустройства и ландшафтного дизайна и иные нормативы социально-технического характера).

Возрастает значение так называемого «дескриптивного права» – карт, схем, таблиц, графиков, диаграмм и прочих дескриптивно-графических описательно-аналитических документов, иллюстративно описывающих состояние и динамику регулируемых отношений. Уже сейчас дескрипции активно используются в стратегиях и программно-проектных документах, являются основанием для постановок новых целей развития и регулирования прав и свобод человека. В частности, графики роста кривых о заболевании COVID-19, ежедневно публиковавшиеся во время пандемии для всеобщего сведения в средствах массовой информации и в Интернете, стали основанием для определения ограничительных мер в реализации прав и свобод.

Несмотря на то что технологизация права как общая тенденция развития очевидна, она еще не оценена в должной мере законодателями и юристами-практиками. Главная опасность этой тенденции состоит в снижении уровня социальности и доступности права, его наполнения нормами нравственности, социальной этики, гарантиями защиты традиционных цивилизационных ценностей. В связи с этим важное значение имеют установление пределов техничности права, затрагивающих права и свободы, формирование институтов гражданского и экспертного контроля за техническим и технологическим правотворчеством.

Таким образом, процессы трансформации современного права под влиянием научно-технологических достижений свидетельствуют о значительном изменении системы права, формировании новых правовых комплексов (институтов и подотраслей), комплексных отраслей права, в той или иной степени отражающих значимость правовых технологий, функционально-инструментальных и инструментально-технологических функций права. Данные процессы не могут быть произвольными. Важное значение имеет

формирование правил технологизации и процедур согласования технологических нововведений. В противном случае в системе права начнут преобладать регуляторы, которые поглотят фундаментальное право и его производные, традиционно с помощью принципов и норм права, определяющих фундаментальный смысл существования и развития человеческой цивилизации.

Субъекты права и их правовой статус в условиях научно-технологического развития

Научно-технологическое развитие оказывает значительное влияние на сложившиеся концепции носителей прав и свобод, на правопонимание самого круга субъектов права, заставляет пересматривать некоторые традиционные представления и искать новые критерии для установления содержания их правового статуса.

Например, расширение использования искусственного интеллекта (далее – ИИ) привело к возникновению термина «виртуальный (цифровой) субъект права». Среди ученых ведется спор о том, кого же считать таковым: одни склоняются к тому, что виртуальным субъектом выступает физическое или юридическое лицо, другие предлагают разграничивать мир материальный и электронный. Так, Е.С. Аничкин считает, цифровой субъект – это лицо, которое является носителем цифровых прав и соответствующих им обязанностей¹. Однако в конституциях и законодательстве государств о таких субъектах и их правах пока ничего не говорится.

Интересная дискуссия развернулась вокруг вопроса: являются ли субъектами цифровых отношений так называемые виртуальные или электронные «личности»-роботы². В реальной жизни уже возникали прецеденты формирования правового статуса «элек-

¹ См.: Аничкин Е.С. Модернизация конституционно-правового статуса личности в условиях цифрового пространства // Конституционное и муниципальное право. – 2019. – № 12. – С. 19–22.

² См.: Талапина Э.В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. – 2018. – № 2. – С. 17; Хабриева Т.Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. – 2018. – № 9. – С. 12; Зорькин В.Д. Providentia или о праве будущего в эпоху цифровизации // Государство и право. – 2020. – № 6. – С. 7–19.

тронной личности». В 2016 г. в Европарламент был представлен свод правил, согласно которому роботы с ИИ получают статус «электронной личности» и наделяются определенными правами и обязанностями. Саудовская Аравия стала первой в истории человечества страной, «предоставившей» в 2017 г. антропоморфному роботу «София» гражданство. Правда, это выглядело как реклама компании Hanson Robotics, создавшей и представившей «Софию» на панельной дискуссии конференции Future Investment Initiative. Эксперты тут же задались вопросами, будут ли у «Софии» те же права, что и у обычных граждан страны, или Саудовская Аравия разработает особую систему правил, касающихся роботов¹.

Робот – наиболее яркий представитель ИИ. Голландский профессор Роберт Ховен ван Гендерен (Юридический факультет, Центр права и Интернета, Свободный Университет Амстердама, Нидерланды) призывает определиться с тем, создает ли сотрудничество между автономными роботами и физическими лицами юридическое взаимное обязательство, основанное на доверии, и соответствующие правовые отношения²? Представляется важным при таком взаимодействии различать оказание юридических услуг посредством применения элементарных правовых знаний с использованием ИИ (роботов) и компетенцию по осуществлению юридически значимых действий, которая может реализовываться только человеком или иерархически выстроенным коллективом людей (должностным лицом, органом публичной власти, юридической компанией). Полагаю, что в случае признания юридической компетенции у робота имеет место подмена субъектов права на объект права. Ответственность должен нести не робот с многоцелевыми задачами, а создатели такого робота и те, кто им пользуется на основе инструкций, т.е. соответствующие юридические и физические лица.

¹ См.: Кудрявцев Н. Человекоподобный робот получил гражданство Саудовской Аравии. – URL: <https://www.techinsider.ru/technologies/news-393732-chelovekopodobnyy-robot-poluchil-grazhdanstvo-saudovskoy-aravii/?ysclid=ljztbuai4l833826623> (дата обращения: 02.08.2024).

² См.: Hoven van Genderen R. Do We Need New Legal Personhood in the Age of Robots and AI? // Artificial intelligence in medical imaging. – 2019. – P. 43.

Для целей права важно также разграничивать роботизированные объекты и роботы, имитирующие человека. Соединение цифровых и бионейро-технологий дает основание говорить о роботах-получеловеках не только с точки зрения внешнего сходства. Создание сверхразумных существ биоцифрового характера – это явление, пока не известное человечеству. И, несмотря на то что робот еще не является сверхинтеллектуальным, по мнению Роберта Ховена ван Гендерена, его можно рассматривать как динамично развивающуюся концепцию будущего субъекта права, которая постоянно эволюционирует в сторону развития искусственного интеллекта и, возможно, на более поздней стадии трансформируется в сверхразумную или полугуманоидную систему¹.

Сегодня предстоит четко обозначить пределы виртуальности субъекта права для правовой среды. Полагаю, что, во-первых, не может быть субъектом права лицо, не связанное с юридически значимой идентификацией в цифровом виртуальном пространстве и потому не способное нести правовую ответственность. У государства не может быть отношений, обязательств с лицом, которое не идентифицировало себя как личность, оно не может гарантировать человеку права и свободы или привлечь к ответственности того, кто за «никнеймом» скрывает свои реальные персональные данные. Во-вторых, у государства не может быть правовых отношений с роботом или ИИ. В реальности оно выстраивает правовые связи с тем лицом или лицами (коллективом), которые оперируют данным роботом (ИИ) в виртуальном пространстве в определенных целях и обслуживают его функционирование.

В связи с расширением биологических и медицинских технологий новое звучание приобретает и статус самого человека. Его характеристики как субъекта и объекта правового регулирования дифференцируются и затрагивают различные элементы тела, психики, разума и других особенностей человека как биосущества (например, эмбрионы, клетки, кровь, плазма, человеческие органы и ткани и пр.).

Человек в социобиологическом измерении рассматривается правом уже не в традиционном понимании как живое физическое и интеллектуальное (обладающее разумом) лицо, приобретающее

¹ См.: Hoven van Genderen R. Ibid. – P. 43–44.

правосубъектность с момента рождения, а значительно раньше. Развитие новых биотехнологий, методов пренатальной (дородовой) диагностики и медицины предопределило появление дискуссии о правовом положении эмбрионов и распространении на них гарантий прав и свобод человека.

Например, согласно ст. II Конституции Венгрии 2011 г., жизнь зародыша защищается с момента зачатия. Закон ФРГ о защите эмбрионов определяет эмбрион как оплодотворенную, способную развиваться яйцеклетку человека с момента слияния половых клеток, а также любую тотипотентную клетку, взятую из эмбриона, способную при определенных условиях делиться и развиваться в индивидуум (ст. 8). Независимо от стадии развития эмбриону предоставляется единый правовой режим защиты, который включает признание права на защиту человеческого достоинства и право на жизнь.

С учетом непрерывно развивающихся медицинских технологий актуализируются аспекты правосубъектности человека, находящегося в коме (условия и пределы нахождения в коме, правила ухода и т.д.), субъектом и одновременно объектом права выступает умерший, чье право на сохранение генетической неприкосновенности и защиту достоинства должно обеспечиваться и после смерти.

Научно-технологическое развитие меняет и отношение к правосубъектности животных. Профессор Маниша Декха, заведующая кафедрой права в Университете Виктории (Канада), призывает заменить классификацию собственности на животных, связанную с эксплуатацией, новым преобразующим правовым статусом или субъективностью, называемой «бытийностью»¹. На фоне развития новых технологий среди правоведов растет число сторонников естественно-правовой концепции прав и свобод животных². При этом защитники животных считают, что их права, закрепленные во Всемирной декларации прав животных, объявленной ЮНЕСКО в 1978 г. по представлению Международной ли-

¹ См.: Deckha M. Animals as Legal Beings. Contesting Anthropocentric Legal Orders. – 2021. – С. 3–4.

² См.: Stucki S. One Rights: Human and Animal Rights in the Anthropocene. – 2023. – Р. 1.

ги прав животных, должны быть расширены и конкретизированы. Саксия Стаки, исследователь Института сравнительного публичного и международного права имени Макса Планка в Гейдельберге (Германия), считает, что права животных – это моральные и / или юридические права, которые защищают определенные аспекты существования животного, его благополучие, внутреннюю ценность, неприкосновенность или другие интересы. По мнению С. Стаки, сегодня необходимо введение понятия «фундаментальные права и свободы животных» аналогично тем, которые имеются в отношении человека¹. В этом контексте актуальны права на защиту биологической идентичности, биобезопасности и генетической неприкосновенности животных (например, недопустимость биологических, и особенно генетических, экспериментов и пр.).

Благодаря технологическим вмешательствам в отношения между органическим и механическим происходят радикальные изменения в образе жизни животных, что привело к появлению множества различных форм «технологических существ», таких как генно-инженерные мыши и крысы для экспериментов, свиньи с органами для трансплантации или клонированные овцы. Более того, сами люди все сильнее модифицируются в сторону искусственных созданий. В связи с этим современные правоведы ставят вопрос о признании гибридных форм существования, в которых органическое сочетается с механическим и соответственно о регулировании их особого статуса². Возможность улучшения человека с помощью генетики и робототехники по-другому ставит вопрос о смысле человеческого существования. По мнению Эрика Вальдеса (президент и один из основателей Международной сети биологического права) и Якоба Даль Рендторффа (профессор Университета Роскилле, Дания), конечным следствием биотехнологического развития является то, что мы сами будем решать, какими людьми хотим быть, и что в итоге мы станем полными хозяевами своей судьбы. И в этом контексте вопрос заключается в том, есть ли что-то в человеке и человеческом виде в целом, что мы хотели бы со-

¹ См.: Stucki S. One Rights: Human and Animal Rights in the Anthropocene. – 2023. – P. 1.

² См.: Valdés E., Rendtorf J.-D. Biolaw, Economics and Sustainable Governance. – 2022. – P. 95–97.

хранить для потомков¹. Данные вопросы выводят на необходимость корреляции правового регулирования с учетом признанных в обществе норм нравственности, религиозных и иных социальных норм.

Одним из привлекательных направлений научных исследований в области генной инженерии и биомедицины является вопрос о продлении жизни и в конечном итоге о человеческом бессмертии. Наука продолжает искать ген возраста человека, который позволит манипулировать им для значительного увеличения продолжительности жизни. Другим направлением является тема воскрешения людей путем клонирования с полным восстановлением их идентичности и индивидуальности, а также с сохранением памяти о прошлой жизни. Э. Вальдес и Я. Рендторфф ставят вопрос о правовой определенности в этом направлении. По их мнению, государство и общество должны определиться, можно ли рассматривать земное, телесное бессмертие как важную политическую задачу, которая станет предметом общественного обсуждения и совместного принятия политических решений².

Таким образом, научно-технологическое развитие в современную эпоху послужило импульсом для возникновения дискуссий о субъектах права и их правовом статусе. Во-первых, появилось много новых профессий и функций, обеспечивающих реализацию тех или иных научно-технологических процессов, а следовательно, ставится вопрос о правовом статусе их носителей. Во-вторых, выдвигаются идеи расширения круга субъектов права, в том числе путем их перевода из объекта права в субъект и наделения их специальной правосубъектностью (животные, «гибридные существа»). В-третьих, предлагается пересмотреть этические границы трансформации человека как главного субъекта права, обсудить вопросы его модификации, в том числе путем гибридизации и / или установления пределов соединения в нем органического и механического.

¹ См.: Valdés E., Rendtorf J.-D. Biolaw, Economics and Sustainable Governance. – 2022. – P. 95–97.

² См.: Ibid. – P. 95–96.

О сочетании законодательного, программно-стратегического и экспериментально-правового регулирования научно-технологического развития (на примере Российской Федерации)

Среди актуальных аспектов трансформации современного права стоит также выделить изменение роли традиционной формы права – законов и повышение влияния программно-стратегического и экспериментально-правового регулирования. В условиях расширения программно-стратегического регулирования сфер научно-технологического развития возникает вопрос о допустимости девальвации закона. На примере Российской Федерации можно показать, как сочетается законодательное, программно-стратегическое и экспериментально-правовое регулирование научно-технологического развития.

Законодательной основой научно-технологического развития в Российской Федерации является Конституция РФ и Федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «О науке и государственной научно-технической политике» (далее – Федеральный закон № 127-ФЗ). Конституция РФ в редакции 2020 г. включила «научно-технологическое развитие» в предмет ведения Российской Федерации (п. «е» ст. 71), наделила Правительство РФ компетенцией обеспечивать его государственную поддержку, сохранение и развитие научного потенциала (п. «в. 1» ч. 1 ст. 114). Были закреплены такие новые сферы федерального правового регулирования, как «информационные технологии», «обеспечение безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных» (ст. 71).

Предметом вышеназванного Федерального закона № 127-ФЗ являются отношения между субъектами научной и / или научно-технической деятельности, органами государственной власти и потребителями научной и / или научно-технической продукции (работ и услуг), в том числе по предоставлению государственной поддержки инновационной деятельности. К сожалению, правовой смысл этих терминов не раскрыт в должной мере на федеральном законодательном уровне, отсутствует ясность в порядке взаимоотношений между участниками научной деятельности, правовой ста-

тус предусмотрен лишь у отдельных участников такой деятельности, например, Российской академии наук. В этих условиях центр регулирования смещается в сторону программно-стратегических документов, исполнению которых уделяется более пристальное внимание, чем федеральным законам. Эти документы определяют цели и задачи, приоритетные направления деятельности и формируют систему ответственных за их реализацию субъектов права. Среди них: Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 г., утвержденная Указом Президента РФ от 09.05.2017 № 203; Стратегия развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2025 г., утвержденная Указом Президента РФ от 06.06.2019 № 254 (ред. от 27.03.2023), а также указы Президента РФ: от 28.11.2018 № 680 (ред. от 29.12.2022) «О развитии генетических технологий в Российской Федерации»; от 08.02.2021 № 76 (ред. от 23.10.2023) «О мерах по реализации государственной научно-технической политики в области экологического развития Российской Федерации и климатических изменений»; от 25.04.2022 № 231 (ред. от 18.07.2024) «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия науки и технологий»; от 18.06.2024 № 529 «Об утверждении приоритетных направлений научно-технологического развития и перечня важнейших наукоемких технологий» и др. В свою очередь Правительством РФ принимаются соответствующие акты, направленные на реализацию данных указов, связанные с финансированием, проведением комплекса соответствующих мероприятий, формированием системы управления, определением направлений выделения грантов и субсидий и пр.

Вышеназванные стратегические документы имеют не только правоприменительное, но и нормативно-правовое значение. Так, упомянутый Указ Президента РФ от 18.06.2024 № 529 ввел перечень критических и сквозных технологий, в отношении которых будет осуществляться приоритетная государственная поддержка и формироваться национальные проекты. К критическим технологиям отнесены, в частности: технологии создания высокоэффективных систем генерации, распределения и хранения энергии (в том числе атомной), создания энергетических систем с замкнутым топливным циклом; биомедицинские и когнитивные технологии здорового и активного долголетия, технологии лекарственных

средств, медицинских изделий и платформ нового поколения; технологии здорового питания и повышения продуктивности сельскохозяйственных животных, урожайности сельскохозяйственных культур; цифровые технологии; технологии сохранения окружающей среды и природы; социально-психологические технологии формирования и развития общественных и межнациональных отношений.

В какой-то мере рост значения программно-стратегических документов в регулировании научно-технологического развития предопределен Федеральным законом от 28.06.2014 № 172-ФЗ (ред. от 13.07.2024) «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Этот Закон создал правовую базу для программно-стратегического регулирования актуальных вопросов научно-технологического развития.

Несмотря на смещение акцентов в сторону программно-стратегического регулирования в отдельных сферах уже сформирована развитая федеральная законодательная база, определяющая как условия развития новых технологий, так и границы научно-технологического вмешательства в традиционную жизнедеятельность людей. Так, в Российской Федерации технологии клонирования ограничены Федеральным законом от 20.05.2002 № 54-ФЗ (ред. от 29.03.2010) «О временном запрете на клонирование человека». Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 25.12.2023, с изм. и доп., вступ. в силу 01.04.2024) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» закрепляет не только цели развития высокотехнологичной медицинской помощи, включающей в себя применение новых уникальных методов лечения, в том числе клеточных технологий, роботизированной техники, методов геномной инженерии и др., разработанных на основе достижений медицины и смежных отраслей науки и техники, но и определяет условия суррогатного материнства, аборт и других медицинских услуг, основанных на современных технологиях. Федеральный закон от 23.06.2016 № 180-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «О биомедицинских клеточных продуктах» регулирует отношения, связанные с исследованиями, экспертизой, государственной регистрацией, производством, контролем качества, донорством биологического материала в целях производства биомедицинских клеточных продуктов, их реализацией, применением, хранением,

транспортировкой, ввозом и вывозом, а также уничтожением биомедицинских клеточных продуктов. Федеральный закон от 05.07.1996 № 86-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности» регламентирует отношения в сфере природопользования, охраны окружающей среды, обеспечения экологической безопасности и охраны здоровья человека, возникающие при осуществлении генно-инженерной деятельности. Более поздний Федеральный закон от 03.12.2008 № 242-ФЗ (ред. от 14.02.2024) «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» регулирует государственную геномную регистрацию в целях идентификации личности человека. При этом указывается, что проведение государственной геномной регистрации не должно представлять опасность для жизни и здоровья человека, унижать его честь и достоинство.

Серьезный импульс научно-технологическому развитию может дать Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации». Используя зарубежный опыт, российский федеральный законодатель ввел институт «регуляторных песочниц», которые являются инструментом «умного регулирования» и направлены на создание благоприятной правовой среды для развития цифровых инноваций. Реализация указанного Федерального закона поставит в перспективе задачи как расширения использования механизма экспериментальных правовых режимов в Российской Федерации, так и учета положительного опыта правовых экспериментов для совершенствования действующего законодательства. При этом одна из основных целей «регуляторных песочниц» заключается в том, чтобы сделать правовое регулирование более гибким.

Таким образом, наряду с трансформацией правовой системы и с кардинальным изменением подходов к пониманию субъектов права и их правового статуса, происходят процессы изменения роли регулятивных механизмов управления обществом, государством и людьми в условиях современного научно-технологического развития. Самое общее требование к формированию и совершенствованию российского законодательства в этом направлении состоит, как представляется, в том, чтобы создать

согласованную между собой систему нормативных правовых актов федерального и регионального уровней, обеспечивающих регулирование и реализацию «под ключ» основных целей данного развития на ближайший период и на отдаленное будущее.

Заключение

Трансформация современного права в условиях интенсивного научно-технологического развития в XXI в. предопределяет возникновение разнообразных правовых проблем. Их анализ обуславливает необходимость выявления наиболее актуальных базисных аспектов правовых исследований. Среди общих тенденций глубокую исследовательскую оценку должны получить, как представляется, процессы трансформации самой системы права и изменения концептуальных подходов к определению круга и статуса субъектов современного права.

Применительно к Российской Федерации, наряду с указанными тенденциями, особую актуальность приобрела задача поиска баланса между законами, программно-стратегическим и экспериментальным правовым регулированием научно-технологического развития. Опыт России не является уникальным, однако, как и в любой другой стране, требует специального анализа сложившейся системы правового регулирования в этой сфере, оценки его эффективности и определения путей совершенствования.

КОДАНЕВА С.И.¹ ЦИФРОВОЕ ПРАВО: ТЕНДЕНЦИИ, ПЕРСПЕКТИВЫ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ (Обзор материалов Международной научной конференции «Цифровое право – право будущего»)

Аннотация. Международная научная конференция «Цифровое право – право будущего», проводимая в рамках II Форума «Право будущего», состоялась в ИНИОН РАН в июне 2024 г. Круг рассматриваемых на ней вопросов довольно широкий: перспективы формирования такой отрасли права, как цифровое право; правовое регулирование внедрения цифровых технологий в разные сферы деятельности человека, общества и государства; права человека в цифровом пространстве; правовые инструменты борьбы с дезинформацией в Интернете; использование цифровых инструментов в деятельности органов власти; особенности защиты персональных данных; опыт зарубежных стран в сфере цифровизации и др. В данном обзоре кратко освещаются выступления участников этой Конференции.

Ключевые слова: цифровое право; права человека; персональные данные; цифровая демократия; искусственный интеллект.

KODANEVA S.I. Digital Law: trends, prospects and problems of the development of legal regulation of relations in the digital environment. (Review of the materials of the International scientific conference «Digital Law – the law of the future»)

¹ Коданева Светлана Игоревна, ведущий научный сотрудник отдела правоведения ИНИОН РАН, кандидат юридических наук.

Abstract. The international scientific conference «Digital Law – the law of the Future», held within the framework of the Second Forum «The Law of the Future», was held at INION RAS in June 2024. The range of issues considered at it is quite wide: prospects for the formation of such a branch of law as digital law; legal regulation of the introduction of digital technologies into various spheres of human activity, society and the state; human rights in the digital space; legal instruments of struggle the fight against disinformation on the Internet; the use of digital tools in the activities of government authorities; features of personal data protection; the experience of foreign countries in the field of digitalization, etc. This review briefly highlights the presentations of the participants of this Conference.

Keywords: digital law; human rights; personal data; digital democracy; artificial intelligence.

Для цитирования: Коданева С.И. Цифровое право: тенденции, перспективы и проблемы развития правового регулирования отношений в цифровой среде. (Обзор материалов Международной научной конференции «Цифровое право – право будущего») // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2024. – № 4. – С. 26–41. – DOI: 10.31249/iajpravo/2024.04.02

Введение

Стремительное развитие технологий трансформирует все сферы жизни человека, общества и государства. Формируются принципиально новые общественные отношения, что требует выработки новых механизмов правового регулирования, а существующие правовые институты нуждаются в пересмотре и актуализации с учетом потребностей общественной жизни. Эти изменения затрагивают международное и национальное право, конституционные основы государства, правовое регулирование административных и гражданских отношений. Иными словами, происходит формирование новой комплексной отрасли права, характеризующейся своеобразием предмета и метода правового регулирования – цифрового права. Эти процессы ставят перед юридическим сообществом комплекс сложных правовых вопросов как фундаментального, так и прикладного характера, обсуждению которых была

посвящена конференция «Цифровое право – право будущего», проводимая в рамках II Форума «Право будущего» в июне 2024 г. в ИНИОН РАН. В работе конференции приняли участие более 50 ученых-исследователей из России, Белоруссии, Бразилии, Индии, Эквадора и Китая, которые представили свое видение наиболее актуальных проблем и вызовов, связанных с бурным технологическим развитием последних лет. В данном обзоре кратко формулируются основные положения докладов участников конференции.

Цифровое право как новая отрасль права

Наиболее дискуссионным среди участников конференции оказался вопрос о том, можно ли говорить о формировании новой отрасли – цифровом праве. Прозвучал весь спектр суждений – от признания до полного отрицания существования особого предмета правового регулирования отношений, складывающихся в цифровой среде как аннигиляции смысла права. Совпадение взглядов состояло в том, что правовое регулирование катастрофически отстает от реальных общественных отношений, что порождает необходимость формирования правовых и квази-правовых инструментов их регулирования.

С пленарным докладом на тему «Цифровое право как отрасль права нового поколения: генезис, особенные черты и прогноз развития» выступила **И.А. Умнова-Конюхова**, главный научный сотрудник отдела правоведения ИНИОН РАН, доктор юридических наук, профессор. Отметив бинарную тенденцию глобализации и дифференциации права, постоянного усложнения и диверсификации правового регулирования всех сфер жизни общества и появления, в этой связи, отраслей права нового поколения, она предложила подразделять их на фундаментальные, институциональные, функционально-инструментальные и инструментально-технологические (вспомогательные, обслуживающие) отрасли права. Цифровое право докладчик предложила относить к последней группе, рассматривая его как правовой комплекс, производный от информационного права и способный в перспективе выделиться в виде отрасли права четвертого поколения. На данный момент правовое регулирование процесса цифровизации и вирту-

альных отношений существенно отстает от потребностей, а систематизация предмета и институтов цифрового права – задача непростая, так как имеет место проникновение операционных цифровых отношений в предмет традиционных отраслей права.

Основной задачей правоведов в условиях развития цифрового права является сохранение базовых человеческих ценностей. И.А. Умнова-Конюхова подчеркнула, что цифровое право должно опираться на аксиологию, онтологию и таксономию как классических отраслей права (конституционное, гражданское, уголовное и др.), так и других отраслей права нового поколения (экологическое право, право мира, право безопасности, право развития и др.), формирующих приоритеты и баланс публичных и частных интересов, определяющих статус государства, общества и человека, цели и задачи развития. В связи с этим, по ее мнению, необходимо выработать основные принципы и правила пределов цифровизации, которые бы создали *non grata axiology* или *аксиологический фильтр* цифровизации. Актуальным видится также усиление нравственно-этического контекста права для снижения негативного влияния новых цифровых технологий на фундаментальные ценности, основные права и свободы человека.

В.И. Кресс, заведующий кафедрой теории права Тверского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, опираясь на концепцию позитивного права, уверен, что право не меняет своей онтологической сути под влиянием цифровизации. С его точки зрения, новые технологии просто трансформируют существующие отношения. При этом он считает, что нет никакой необходимости в формировании новой отрасли права, поскольку эти трансформированные отношения полностью подпадают под сферу действия существующего правового регулирования, которое нуждается в актуализации и уточнении. Таким образом, по его мнению, переход от обычного права к цифровому, если и возможен, то в очень отдаленном будущем.

О.А. Степанов, главный научный сотрудник ИЗСП при Правительстве РФ, доктор юридических наук, профессор, напротив, уверен, что общественные отношения, связанные с развитием цифровых технологий, уже сложились и нормативное регулирование запаздывает и даже препятствует их развитию. Поэтому от юристов сегодня требуется оперативная реакция и работа по акту-

ализации законодательства. Речь идет не о создании новой отрасли права или принятии «цифровой конституции», а о своевременном внесении изменений в действующее законодательство, отражающие существующие реалии.

К.А. Ишеков, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, доцент, полагает, что вопросы развития технологий и связанных с ними общественных отношений являются предметом правового регулирования различных отраслей права, в том числе и конституционного. На сегодняшний день сложилось несколько подходов к определению термина «цифровая конституция», начиная от широкого понимания (международный экстерриториальный характер) – до узко-прикладного значения. По мнению докладчика, говорить о принятии цифровой конституции как какого-либо отдельного документа пока рано, однако этот феномен необходимо изучать, поскольку многие новые отношения уже сложились и существуют исключительно в цифровой среде (например, электронное государство, цифровые права и т.д.). Таким образом, цифровая конституция уже существует не как юридическая, а как фактическая, которая пока не нашла отражения в праве. Поэтому конституционное регулирование необходимо приводить в соответствие с этой фактической конституцией.

С.А. Грачева, старший научный сотрудник ИЗСП при Правительстве РФ, кандидат юридических наук, соглашаясь с тем, что цифровые отношения являются сложившимся фактом, указала на то, что они требуют гносеологического осмысления. В современной науке существуют различные взгляды на цифровое право, однако накопленные знания в доктрине советского права позволяют увязать эти различные трактовки. Нормотворчество в данной сфере очень активное, но оно имеет отраслевой подход. В то же время, по мнению докладчика, цифровое право следует понимать в значении цифровых субъективных прав, поэтому оно является ренессансом прав человека. Эти две непересекающиеся плоскости (отраслевой подход и субъективные права человека) ложатся тяжелым бременем на судебную систему, которая вынуждена балансировать интересы публичного и частного. В этой связи, как подчеркнула докладчик, приобретает актуальность охранительная функция права, которую советские правоведы связывали со стабильностью права в широком его понимании, т.е. выходя за преде-

лы предмета регулирования отдельных правовых норм, но рассматривая его как часть социальной среды.

Е.А. Савченко, научный сотрудник ИЗСП при Правительстве РФ, кандидат юридических наук, посвятила свой доклад проблемам соотношения виртуального и правового пространства, отметив, что использование термина «цифровизация» является неверным, поскольку это только технология, а с точки зрения правового регулирования речь идет об отношениях, складывающихся в виртуальном пространстве, которое охватывает не только территорию государства, но и распространяется за ее пределы. Виртуальное пространство – это сфера обмена данными, поддающимися интерпретации, представленными в формализованном виде, пригодными для передачи, связи и обработки между вычислительными устройствами, компьютерами, серверами, маршрутизаторами и другим оборудованием или программным обеспечением. В настоящее время необходимо уточнение системы понятий и терминов, связанных с виртуальным миром, и практики их использования, а также упорядочение правового регулирования этого пространства. Объектами правового регулирования виртуальной реальности являются отношения, которые возникают при обмене данными. Положение субъектов характеризуется двойственностью, предполагающей законодательные и договорные механизмы, сочетание императивности и равноправия субъектов. Модели правового регулирования виртуального пространства только разрабатываются и могут быть различными, поэтому экспериментальные правовые режимы являются подходящим инструментом для апробирования различных моделей в ограниченном масштабе.

Продолжая тему, **С.И. Коданева**, ведущий научный сотрудник отдела правоповедения ИНИОН РАН, кандидат юридических наук, обращает внимание на то, что правовой эксперимент становится методом правового регулирования. Это связано с тем, что, как было отмечено ранее другими участниками дискуссии, общественные отношения в сфере использования новых технологий формируются быстрее, чем правоведы успевают их осознавать. Поэтому возникает потребность в поиске новых моделей правового регулирования, т.е. в использовании метода моделирования. Этот метод опирается на общеправовые (соблюдение конституционных прав и свобод, единство экономического пространства), межотрас-

левые (обеспечение безопасности личности) и отраслевые (открытость и прозрачность экспериментального правового режима; определенность по кругу лиц и в пространстве) принципы. Своеобразие этому методу придают используемые способы правового регулирования, основанные на дуализме публичного и частного, императивного и диспозитивного начал, а также принципиально новом для традиционного права способе изъятия из общеправового регулирования.

Цифровое право и права человека

Наиболее оживленную дискуссию вызвало обсуждение влияния цифровых технологий на отдельных индивидов и общество в целом, а также вопроса о том, каким образом они влияют на права человека: создают ли новые возможности, либо порождают риски и неопределенности.

Так, **Э.Р. Хогеманн** (Edna Raquel Hogemann), декан Центра юридических и политических наук Федерального университета штата Рио-Де-Жанейро (Бразилия), доктор юридических наук), посвятила свой доклад вопросам развития цифровизации жизни, проблемам, которые это явление создает для современных обществ и правопорядков, а также способам их решения. Она обратила внимание на то, что новые технологии приводят к возникновению различных рисков для традиционных прав человека и, соответственно, государственная политика должна быть направлена на минимизацию этих рисков. В качестве примера она рассмотрела правовое регулирование защиты персональных данных в Евросоюзе и Бразилии, подчеркнув важность закрепления четких правовых гарантий в этой сфере.

Н.А. Фролова, профессор Брянского филиала РАНХиГС при Президенте РФ, Российского нового университета, заслуженный работник высшей школы РФ, доктор юридических наук, профессор, продолжила тему роли цифровых технологий в системе обеспечения безопасного развития личности, общества, государства. Развитие социальных сетей, отметила ученый, приводит к формированию «селфицентричной» культуры, когда ценности реальной жизни замещаются погоней за «лайками», что, в конечном итоге, приводит к одиночеству. Иными словами, по ее мнению,

социальные сети имеют антисоциальную направленность. Это повышает значение не только информационной, но и психологической безопасности личности, поскольку теневые информационные структуры через интернет-ресурсы пропагандируют девиантное поведение и девальвацию духовных ценностей. Таким образом, обеспечение информационно-психологической безопасности личности является элементом обеспечения национальной безопасности государства.

С.А. Глотов, ведущий научный сотрудник отдела правоведения ИНИОН РАН, доктор юридических наук, профессор, подчеркнул важность выработки концепции защиты прав человека и гражданина в цифровой среде и отметил ту роль, которую государство должно в этом играть, поскольку информационные и цифровые технологии, с одной стороны, создают благоприятную почву для распространения деструктивного контента, наносящего вред, прежде всего, молодому поколению. С другой стороны, поспешное, массовое и непродуманное внедрение этих технологий в социально значимые сферы (медицина, образование и т.д.) на практике приводит не к повышению качества услуг, а, напротив, создает сложности и даже препятствия для части населения в доступе к ним. В результате в законодательстве появляются новые права человека, которые не гарантированы на практике.

В свою очередь, **Н.В. Варламова**, ведущий научный сотрудник ИГП РАН, кандидат юридических наук, доцент, остановилась на вопросе о том, следует ли говорить о новых цифровых правах или об обеспечении традиционных прав человека в цифровой среде. По мнению докладчика, речь должна идти именно о трансформации традиционных прав, поскольку в противном случае эти «новые цифровые права» окажутся незащищенными до тех пор, пока не найдут закрепления в конституциях и судебной практике. При этом она продемонстрировала, что наиболее обсуждаемые цифровые права (право на доступ к Интернету, право на защиту персональных данных и право на забвение) производны от традиционных прав.

Крайне актуальной проблемой, по мнению участников конференции, является усиление деструктивного влияния Интернета на людей, связанное с разрушением традиционных ценностей и

распространением агрессивной, ложной, а зачастую и опасной информации.

Так, **П. Сингх** (Prabhpreet Singh), профессор факультета права Христианского университета в Лавасе (Индия), и **С. Анто** (Sebastian Anto), доцент факультета права Христианского университета в Лавасе (Индия), посвятили свой доклад проблематике ответственности цифровых платформ за распространение дезинформации. Докладчики подчеркнули, что изначально целью платформ было соединять людей, с тем чтобы они могли свободно обмениваться своими мнениями и взглядами. Поэтому правовое регулирование было демократичным, основанным на принципе свободы слова: платформы не могли удалять никакие посты. Однако после выборов США в 2016 г. вопросы дезинформации в Интернете стали подниматься во всем мире. Так, в 2017 г. в ФРГ был принят Закон, ограничивший свободу слова на платформах и установивший ответственность за фейк-новости, в том числе для платформ. Этот Закон стал примером для других стран, которые стремились ввести аналогичное правовое регулирование. Но только в период пандемии COVID-19 на международном уровне была дана рекомендация для платформ удалять фейковую информацию. Платформы, реализовали это с помощью искусственного интеллекта (ИИ), что привело к удалению не только фейковых, но и вообще любых сообщений о коронавирусе, т.е. к массовому нарушению свободы слова. В результате законодательство ряда стран, в том числе и ФРГ, поменялось, опираясь на принципы пропорциональности, гласности и подотчетности (теперь платформы должны готовить отчеты, объясняя, почему они удалили тот или иной контент). В США, напротив, платформы обладают абсолютным иммунитетом в модерировании контента. Модель Сингапура уникальна, поскольку в этой стране ответственное министерство не требует удаления контента, но предлагает его отредактированный вариант. Докладчик подчеркнул, что изучение столь разного опыта других стран необходимо для выработки оптимального правового регулирования в данной сфере.

Продолжая тему, **Е.В. Алферова**, заведующая отделом правоведения, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН, кандидат юридических наук, отметила, что мир изменяется и люди уже живут в условиях цифровой среды. Это не только создает новые воз-

возможности, но и порождает новые риски, одним из которых является массовое распространение дезинформации, фейков, создаваемых, в том числе, с помощью таких технологий, как ИИ. Фейк – это специально созданная новость, событие или журналистский материал, содержащий ложную информацию, которая дискредитирует определенного человека или группу лиц в глазах аудитории. Фейковые материалы распространяются с целью ввести индивидуума в заблуждение, вызвать агрессию, поколебать его позиции, усомниться в реальных фактах, посеять панику, запугать аудиторию, убедить ее в чем-то. Докладчик привела ряд ярких примеров массового распространения фейков и подчеркнула, что ключевую роль в борьбе с дезинформацией играют просвещение и воспитание, формирующие устойчивую внутреннюю позицию.

С ней согласилась **Е.В. Ковалева**, директор института правоведения и международных отношений Международной академии бизнеса и управления, которая обосновала важность функции правовой культуры в цифровом измерении, особенно для молодежи. Правовая культура этой группы должна формироваться с помощью тонких инструментов, поскольку обычные запреты не будут работать. В качестве примера докладчик рассмотрела традиционные ценности, которые размываются в Интернете посредством агрессивной информационной повестки западного общества. Как показало исследование Института демографических исследований РАН, в сознании российской молодежи нивелируется ценность брака. Напротив, в среде мигрантов, которые гораздо меньше времени проводят в Интернете и больше общаются внутри своих диаспор, сохраняются традиционные взгляды на семью. Это подчеркивает важность формирования собственных социальных сетей, которые бы способствовали сохранению традиционной культуры и ценностей.

И.А. Алешкова, ведущий научный сотрудник отдела правоведения ИНИОН РАН, кандидат юридических наук, продолжая тему, остановилась на таком аспекте, как информационная культура, которая включает знание современных информационных продуктов, умение использовать их в своей деятельности, включая умение искать и обрабатывать информацию. Докладчик провела аналогию с ответственностью при управлении транспортным сред-

ством, поскольку, по ее мнению, информационные технологии – это такие методы и средства сбора, обработки, накопления и распространения информации, используя которые необходимо осознавать все риски. Поэтому формирование информационной культуры должно стать неотъемлемой составляющей образовательного процесса в школах и вузах. В связи с этим докладчик предложила ввести в учебных учреждениях факультатив «Этика информационного общения».

Развивая тему дипфейков (подделка; англ. deepfake) **Д.Е. Аржиловский**, старший преподаватель кафедры теоретических и публично-правовых дисциплин Института государства и права Тюменского государственного университета, начал с определения данной технологии как метода генерации изображения или голоса человека с помощью ИИ, имитирующего реального человека или вымышленного персонажа. Эти технологии опасны прежде всего тем, что они позволяют получить доступ к персональным данным и имуществу человека тогда, когда для этого используются биометрические данные; совершать общественно опасные действия от имени другого лица, а также распространять клевету, дезинформацию в отношении конкретного человека с целью его дискредитации. Докладчик обратил внимание участников конференции на то, что законодательство РФ не содержит норм, обеспечивающих охрану голоса человека, в отличие от его изображения. В связи с этим он сформулировал следующие предложения: 1) включить «голос» в перечень личных нематериальных благ (ст. 150 ГК РФ); 2) запретить использование ИИ для имитации голоса государственных деятелей и известных лиц; 3) установить ограничения использования голоса человека в качестве биометрических персональных данных; 4) внести изменения в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство с целью расширения возможностей проведения экспертизы для установления подлинности голоса; 5) включение в качествеотягчающего признака использование ИИ при совершении преступлений.

В несколько ином аспекте эту проблему осветил **С. Акурио дель Пино** (Santiago Acurio del Pino), профессор Технологического университета Равноденствия (UTE) (Эквадор), рассказавший о проблемах правового регулирования секстинга (пересылки личных фотографий, сообщений интимного содержания посредством со-

временных средств связи – сотовых телефонов, электронной почты и т.п.) в Эквадоре. Конституционный суд этой страны, рассматривая дело о размещении в социальных сетях откровенных фотографий, сформулировал следующую позицию: предотвращать подобную практику должны Министерство образования и образовательные учреждения посредством информирования и просвещения учащихся о рисках обмена такого рода фотографиями. В Эквадоре предотвращение секстинга нормативно определено как обязанность именно системы образования. Что касается проблемы в более широком плане, а не только применительно к детям и подросткам, то распространение любого порочащего контента признано уголовно наказуемым деянием. Также в 2021 г. были внесены поправки в Конституцию Эквадора и принято специальное законодательство, закрепившее подход к защите персональных данных, аналогичный принятому в Евросоюзе.

Опыт зарубежных стран в сфере цифровизации

О. Перейра де Лима (Oswaldo-Jr. Pereira de Lima), научный сотрудник Федерального университета Рио-де-Жанейро, доктор юридических наук, профессор (Бразилия), посвятил свое выступление этическим вопросам регулирования использования ИИ в странах Глобального Юга. Он отметил, что ИИ несет в себе риски неравенства и отчуждения. Это связано с двумя аспектами: цифровым разрывом (отсутствие доступа к технологиям) и этическим разрывом (преимущества для тех, кто владеет правами на новые технологии). В частности, докладчик обратил внимание на то, что ТНК имеют возможности не только зарабатывать на этих технологиях, но и получать с их помощью доступ к данным, собираемым, в том числе, в странах Глобального Юга. Для преодоления этих вызовов, докладчик предложил реализовать модель многополярности через парадигму эмансипации, т.е. ИИ должен быть демократизирован через социальные движения, добивающиеся открытого доступа к технологиям ИИ для всего человечества при одновременной выработке единых этических стандартов и норм, регулирующих этические вопросы использования ИИ.

Т.А. Васильева, главный научный сотрудник ИГП РАН, доктор юридических наук, доцент, рассказала о тех возможностях,

которые цифровизация предоставляет в области народной демократии в странах Латинской Америки. Важной особенностью этого региона является то, что парламенты стран постоянно обмениваются опытом, передавая платформы друг другу. В частности, в Перу был создан виртуальный парламент – форум, где размещаются все законопроекты, а любой зарегистрированный пользователь может их обсуждать и голосовать. В Чили создана платформа «виртуальный конгресс», на которой размещаются справки о содержании проектов и опросники по их основным положениям, а также есть возможность выдвижения гражданской законодательной инициативы. В Бразилии каждая палата имеет собственную платформу с широким функционалом, охватывающим все области работы парламента. Однако докладчик подчеркнула, что работа подобных цифровых платформ эффективна только при условии закрепления в регламенте процедуры взаимодействия через них с населением.

М.А. Белова, зам. заведующего кафедрой, доцент РГУП, кандидат юридических наук, в своем выступлении сосредоточила внимание на опыте государственного управления в области цифровизации в федеральной земле Бавария, где этот процесс происходит довольно активно: принят «Цифровой регламент Баварии», в котором декларируется, что всё общество Баварии берет курс на цифровизацию и провозглашаются лозунг «Цифровизация – прежде всего» («Digital first») и Хартия цифровых прав граждан Баварии, в которой закреплены такие права, как право на защиту от всеобщей блокировки Интернета, право на собственную цифровую идентификацию, право на то, чтобы все административные процедуры осуществлялись в цифровом пространстве. Создан Альянс органов власти по борьбе с дезинформацией, задача которого – повышение цифровой грамотности общества, поэтому на его ресурсах размещены инструкции, как выявлять дезинформацию в сети Интернет.

А.Ф. Дырина, научный сотрудник отдела Европы и Америки ИНИОН РАН, представила доклад о цифровизации польского общества. В этой стране реализуются проекты по обучению женщин пользованию ИКТ с целью их развития в цифровой индустрии, проект по внедрению цифровой доступностью государственных учреждений, по увеличению количества специалистов в

области ИТ (в частности планируется создать «хакерский щит» от кибератак) и др. С 1 июля 2024 г. Национальная система электронных счетов-фактур станет обязательной для активных плательщиков НДС, а до 2028 г. бумажные счета-фактуры должны полностью выйти из оборота. Однако в Польше актуальным является вопрос о защите информационных данных, особенно на фоне политического скандала и судебного разбирательства из-за использования шпионского программного обеспечения против политических оппонентов. Подводя итог, докладчик отметила, что процессы цифровизации в Польше постепенно внедряются в разные сферы жизни польских граждан и, безусловно, осознаются правительством как необходимые и отвечающие духу времени, однако нельзя не сказать, что пока Польша отстает от многих других стран Евросоюза по части внедрения и использования цифровых технологий.

Проблемы правового регулирования внедрения цифровых технологий

Н.В. Крысанова, старший научный сотрудник отдела правоведения ИНИОН РАН, кандидат юридических наук, отметила, что в Российской Федерации получают развитие как официальные, так и коммерческие системы правовой информации. Законодательно урегулирован гражданско-правовой институт цифровых прав и цифровых объектов. Дискуссионным является проблема определения искусственного интеллекта как субъекта или объекта правоотношений.

В свою очередь, анализируя проблематику правового регулирования ИИ, **Т.В. Захаров**, научный сотрудник отдела правоведения ИНИОН РАН, обратил внимание собравшихся на тот факт, что надлежащее развитие данной технологии подразумевает ее подчинение юридической технике. Человек и алгоритм могут приходиться к одинаковым выводам, однако достигается это принципиально разными средствами. Следовательно, традиционная квалификационная модель права (квалификация фактов согласно действующим нормам) вступает в конкуренцию с характерной для цифрового алгоритма моделью последовательного выдвижения и тестирования статистических зависимостей в серии гипотез. Новое

правовое понимание должны получить вопросы социальности, объяснимости и ответственности правового регулирования.

А.О. Филатова, старший научный сотрудник отдела правоведения ИНИОН РАН, доцент Калужского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России), кандидат юридических наук, осветила практику формирования Государственной информационной системы (ГИС) в области обеспечения биологической безопасности. Такая система пока еще не создана. Существуют отдельные информационные системы, которые не взаимосвязаны между собой и не обеспечивают обмена информацией между всеми уровнями власти и управления. Поэтому докладчик представила результат своей научной разработки – проект структуры ГИС.

Поднимая проблематику использования цифровых технологий в торговле, **К.К. Краулин**, аспирант Государственного академического университета гуманитарных наук, обратил внимание на злоупотребления владельцев маркетплейсов. Как отметил выступающий, в Российской Федерации специальное правовое регулирование в этой области отсутствует, однако в судебной практике формируются инструменты борьбы с такими злоупотреблениями. Докладчик в обоснование своего мнения привел три примера: затягивание с ответами на обращения продавцов в случаях уменьшения количества товара по вине маркетплейса, самовольное снижение маркетплейсом цены на товар и взимание с покупателей комиссии за возврат товара ненадлежащего качества. Во всех трех случаях суды вставали на сторону пользователей платформ. Таким образом, докладчик пришел к выводу, что принятия какого-либо специального регулирования деятельности рынка онлайн-продаж не требуется, поскольку оно, в большинстве своем, будет дублировать существующее общее регулирование. В настоящее время гораздо важнее формирование судебной практики применения этих общих норм к этим торговым площадкам.

И.С. Шихамиров, младший юрист Адвокатского бюро г. Москвы «RussianLegal», магистрант РАНХиГС при Президенте РФ, в своем выступлении остановился на правовых проблемах наследования аккаунта в сети Интернет. Докладчик на примере практики США и ФРГ показал различие подходов к правовому регулированию прав наследников на аккаунт и возникающие в связи с этим проблемы. В России Федеральная нотариальная пала-

та рекомендует нотариусам не отказывать во включении в наследство аккаунта, однако это не решает проблему имущества и имущественных прав, связанных с аккаунтом, поэтому он предложил закрепить в Гражданском кодексе РФ, что аккаунт – это имущество, которое можно наследовать.

Заключение

Представленный обзор показывает, что вопросы цифровизации затрагивают все аспекты жизни общества, в том числе право. Это требует от юристов, с одной стороны, оперативного реагирования, а с другой – глубокого изучения сути происходящих трансформаций и выработки концептуальных подходов к их правовому регулированию. Докладчики представили широкий спектр теоретических и прикладных исследований в данной области, а также конкретные предложения по совершенствованию действующего законодательства РФ, что может быть полезным для использования в работе органов власти, бизнеса и научного сообщества. По общему мнению участников конференции, подобные содержательные и конструктивные обсуждения проблематики цифрового права необходимо проводить на регулярной основе.

АЛЕШКОВА И.А.¹ ДЕЙСТВИЕ ПРИНЦИПОВ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ БИОТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация. Статья посвящена анализу действия принципов конституционного права в условиях внедрения новых биотехнологий. Исследуются модели конструирования принципов конституционного права и обеспечения прямого и непосредственного действия этих принципов при решении проблем правового регулирования тех областей жизнедеятельности, которые испытывают наиболее сильное влияние инновационных технологий. Утверждается, что потенциал системы принципов конституционного права до сих пор полностью не раскрыт. Вместе с тем очевидным является формирование на их основе доктрины приоритета общего блага (публичного интереса), важного для обеспечения биологической безопасности.

Ключевые слова: принципы конституционного права; действие принципов; прямое действие принципов; биотехнологии; биологическая безопасность.

ALESHKOVA I.A. The effect of the principles of constitutional law in the conditions of biotechnology development

Abstract. The article is devoted to the analysis of the operation of the principles of constitutional law in the context of the introduction of new biotechnologies. Models for constructing the principles of constitutional law and ensuring the direct and immediate effect of these

¹ Алешкова Ирина Александровна, ведущий научный сотрудник отдела правоповедения ИНИОН РАН, заведующий сектором НБИ по социальным наукам, кандидат юридических наук.

principles in solving problems of legal regulation of those areas of life that are most strongly influenced by innovative technologies are explored. It is argued that the potential of the system of principles of constitutional law has not yet been fully revealed. At the same time, it is obvious that on their basis the doctrine of the priority of the common good (public interest) is important for ensuring biological safety.

Keywords: principles of constitutional law; operation of principles; direct operation of principles; biotechnology; biological safety.

Для цитирования: Алешкова И.А. Действие принципов конституционного права в условиях развития биотехнологий // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2024. – № 4. – С. 42–54. – DOI: 10.31249/iajpravo/2024.04.03

Введение

Прогресс в области биотехнологий открывает как новые возможности в области сельского хозяйства, медицины, косметологии и других отраслей жизнедеятельности человека, так и порождает новые биологические риски. Они обуславливают потребность в организации не только комплекса мер, направленного на обеспечение прав человека, защиту населения и охрану окружающей среды от воздействия опасных биологических факторов, на предотвращение биологических угроз (опасностей), но и актуализируют вопрос о том, на основании какого критерия будет выбран в правовом регулировании приоритетный объект защиты.

В целом формирование мер, устанавливаемых для минимизации или противодействия биологическим рискам и угрозам в рамках определенного конституционного порядка, реализуется на основе общепризнанных принципов права, особо значимым из которых определяется принцип уважения и защиты достоинства человека, недискриминации и уважения частной жизни¹, а действие

¹ См.: Toomey J. Constitutionalizing Nature's Law: Dignity and the Regulation of Biotechnology in Switzerland // Journal of Law and the Biosciences. – 2020. – Vol. 7, Issue 1. – P. 1–33. – URL: <https://academic.oup.com/jlb/article/7/1/saa072/5981714> (дата обращения: 11.08.2024); Варламова Н.В. Права человека как принципы права // Сравнительное конституционное обозрение. – 2023. – № 6 (157). – С. 146–

(непосредственное и опосредованное) принципов конституционного права выступает как гарантия защиты указанных конституционных ценностей. Вместе с тем наряду с вышеуказанными ценностями значимыми являются и законные интересы публичного порядка, закрепленные в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ.

На важность обеспечения конституционного правопорядка в государстве обращают внимание многие ученые и практики¹, в том числе и занимающиеся исследованием вопросов защиты прав человека при внедрении в практику новых технологий².

Существующие научные исследования закладывают основу для понимания проблем правового регулирования, обосновывают возможные варианты их решения, в том числе вызванных внедрением в практику биотехнологий. Однако по-прежнему остается актуальным вопрос о механизме прямого действия и применения

171; Умнова-Конюхова И.А. Экология человека, биоправо и право биобезопасности: межотраслевые и междисциплинарные взаимосвязи // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2024. – № 2. – С. 7–25; Scott R. New Reproductive Technologies and Genetic Relatedness // *Modern Law Review*. – 2024. – Vol. 87. – P. 280–316 и др.

¹ Авакян С.А. Проблемы прямого действия и применения Конституции Российской Федерации 1993 г. // Конституционное и муниципальное право. – 2018. – № 12. – С. 18–26; Колосова Н.М. Прямое действие Конституции Российской Федерации и ограничение конституционных прав и свобод человека и гражданина в контексте судебной практики // Журнал российского права. – 2019. – № 8. – С. 36–47; Дудко И.А. «Нет ничего важнее мелочей», или Проблемы исполнения решений Конституционного Суда РФ // Сравнительное конституционное обозрение. – 2024. – № 1. – С. 183–206 и др.

² См.: Богданова Е.Е., Малесина М.Н., Ксенофонтова Д.С. Отдельные проблемы защиты прав граждан при использовании геномных технологий // *Lex russica*. – 2020. – № 5. – С. 129–142; Barroso L.R. Technological Revolution, Democratic Recession, and Climate Change: The Limits of Law in a Changing World // *International Journal of Constitutional Law*. – 2020. – Vol. 18, № 2. – P. 334–369; Никитина Е.Е. Система прав и свобод человека в условиях технологической революции // Журнал российского права. – 2020. – № 8. – С. 27–44; Park S., Lee D.S., Son J. Regulatory Reform in the Era of New Technological Development: The Role of Organizational Factors in the Public Sector // *Regulation & Governance*. – 2021. – Vol. 15. – P. 894–908; Алферова Е.В. Мир без войн и конфликтов – возможен ли? Вопросы, волнующие ученых // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2023. – № 1. – С. 40–54 и др.

конституционных предписаний¹. Также одним из наиболее актуальных является вопрос о выборе принципа или их совокупности, если они равные по значимости, а также вопрос о пределах ограничения прав и свобод.

Устоявшейся, для решения вопроса о допустимости ограничения прав и свобод, является модель аргументации, при которой используется тест на пропорциональность². В литературе его компонентами считают: 1) установление цели данного правоограничения и оценку ее правомерности; 2) определение его пригодности как средства достижения этой цели; 3) выявление его необходимости, т.е. отсутствия менее обременительного средства достижения цели; 4) определение соразмерности правоограничения в узком смысле (балансирование ограничиваемого права и цели правоограничения)³.

В основу указанной модели положен принцип пропорциональности, обеспечивающий действие конституционных предписаний. Типичным способом его выражения является формула веса, созданная и популяризированная Робертом Алекси. Формула включает: (а) интенсивность вмешательства в основные права и степень выполнения конфликтующих прав и общественных интересов; (b) их абстрактные веса; и (с) степень надежности эмпирических и нормативных предпосылок (т.е. эпистемическую неопределенность)⁴.

Вместе с тем использование принципа пропорциональности для обеспечения действия принципов конституционного права в

¹ См.: Бондарь Н.С., Джагарян А.А. Прямое действие Конституции: генерация и гарантирование конституционным правосудием // Сравнительное конституционное обозрение. – 2016. – № 3. – С. 52–78; Жуйков В.М. Новые проблемы прямого действия Конституции Российской Федерации и доступа к правосудию в целях защиты прав и свобод человека // Закон. – 2022. – № 7. – С. 79–86 и др.

² См.: Троицкая А. Пределы прав и абсолютные права: за рамками принципа пропорциональности? Теоретические вопросы и практика Конституционного Суда РФ // Сравнительное конституционное обозрение. – 2015. – № 2 (105). – С. 45–69, 46.

³ Цит. по: Кряжкова О.Н., Рут Ю.А. Расстановка мест слагаемых в решениях конституционных судов: почему сумма меняется? // Сравнительное конституционное обозрение. – 2015. – № 5 (108). – С. 126.

⁴ См.: Alexy R. Law's Ideal Dimension. – Oxford, 2021. – P. 154–174.

условиях неопределенности биотехнологических рисков не представляется возможным, ибо именно неясность последствий их применения не позволяет с точностью ответить на вопрос о том, что важнее – свобода выбора или безопасность?

Рациональность как главная цель при формировании регулирования в условиях неопределенности последствий новых технологий

В научной литературе всё больше специалистов отмечает важность определения не просто цели, а именно главной цели при формировании правового ответа на биологические риски и угрозы¹, а также прямую ответственность органов публичной власти за последствия регуляторной реформы, осуществляемой в ответ на новое технологическое развитие².

П. Ондржейек и Ф. Хорак, специалисты в области прав человека юридического факультета Карлова университета в Праге, Чешская Республика, предлагают в условиях неопределенности последствий рисков руководствоваться принципом предосторожности, который способствует достижению более значимой цели (смягчить и предотвратить опасность (кризис)). Ученые обращают внимание на то, что этот принцип следует понимать, как «принцип заботы прежде, чем действовать»). Он был впервые применен в политике охраны окружающей среды в 1970-х годах в

¹ См.: Кравец И.А. Телеологический конституционализм, конституционная идентичность и публичный правопорядок (научное знание, российский, сравнительный и международный контексты) // Вестник Томского гос. ун-та. – 2019. – № 439. – С. 203; Purpose Definition as a Crucial Step for Determining the Legal Basis under the GDPR: Implications for Scientific Research / Becker R., Chokoshvili D., Thorogood A., Dove E.S., Molnar-Gabor F., Ziaka A., Tzortzatou-Nanopoulou O., Comande G. // Journal of Law and the Biosciences. – 2024. – Vol. 11, Issue 1. – P. 1–30. – URL: <https://academic.oup.com/jlb/article/11/1/lxae001/7595866> (дата обращения: 10.08.2024).

² См.: Park S., Lee D.S., Son J. Regulatory Reform in the Era of New Technological Development: the Role of Organizational Factors in the Public Sector // Regulation & Governance. – 2021. – Vol. 15. – P. 902.

Германии и широко используется в международном экологическом праве¹.

Предупредительный подход стал предметом активных научных дискуссий, начиная с 2002 по 2006 г., ученых интересовали проблемы, которые возникали при применении принципа предосторожности в управлении рисками и оценке рисков. Так, например, специальный выпуск «Журнала исследований риска» (Journal of Risk Research) был посвящен принципу предосторожности². В результате исследователи достигли консенсуса о необходимости и желательности превентивных мер для предотвращения вреда³. Предупредительный подход, в основу которого был положен универсальный принцип предосторожности, формируется не только на этом принципе, в качестве концепта выделяется также принцип доверия к закону и действиям государства. Однако именно недоверие к вакцинам стало одной из главных проблем мирового здравоохранения во время пандемии COVID-19. Анализ научной литературы о недоверии к вакцинам с поведенческой точки зрения, проведенный с 2015 по 2022 г.⁴, заставил ученых задуматься о важности принципа поддержания доверия граждан к закону и действиям государства. Также следует отметить, что в научной литературе в последние годы стал одним из активно рассматриваемых риск-ориентированный подход. «Риск, – по мнению профессора

¹ См.: Ondřejek P, Horák F. Proportionality During Times of Crisis: Precautionary Application of Proportionality Analysis in the Judicial Review of Emergency Measures // European Constitutional Law Review. – 2024. – Vol. 20, Issue. 1. – P. 27–51.

² См: Five Charges Against the Precautionary Principle / P. Sandin, M. Petersson, S.O. Hansson, C. Ruden, A. Juthe // Journal of Risk Research. – 2002. – Vol. 5 (4). – P. 287–299; Adams M.D. The Precautionary Principle and the Rhetoric Behind it // Journal of Risk Research. – 2002. – Vol. 5 (4). – P. 301–316; Graham J.D., Hsia S. Europe's Precautionary Principle: Promise and Pitfalls // Journal of Risk Research. – 2002. – Vol. 5 (4). – P. 371–390; Risk-based Decision Analysis in Support of Precautionary Policies / M.L. Dekay, M.J. Small, P.S. Fischbeck, R.S. Farrow, A. Cullen, J.B. Kadane, K. Takemura // Journal of Risk Research. – 2002. – Vol. 5 (4). – P. 391–417 и др.

³ См.: Implementing the Precautionary Principle: Perspectives and Prospects / ed. by E. Fisher., J. Jones and R. von Schomberg. – 2006. – 352 p.

⁴ Bibliometric Analysis of Vaccine Hesitancy Research from Behavioural Perspectives (2015–2022) / S. Acharya, T. Aechtner, S. Venaik, S. Dhir // Journal of Risk Research. – 2024. – Vol. 27, Issue 2. – P. 238–253.

Потсдамского университета, Германия (Potsdam University, Germany) К.С. Йегера, – новое явление, побочный продукт наших всё более сложных и мощных технологий. В бизнесе, политике и повседневной жизни он требует нового взгляда на технологическую и экологическую, в том числе и биологическую неопределенность»¹.

В последнее время на основе риск-ориентированного подхода формируется оперативное правовое регулирование, под которым понимаются управленческие решения (инструкции, приказы, распоряжения), вырабатываемые и принимаемые субъектами управления в соответствии с конкретно складывающейся обстановкой. Такое регулирование получило название *«адаптивное регулирование»*. Действующее на основе принципа предосторожности как универсума, во взаимосвязи с принципом поддержания доверия к закону и действиям государства, такая модель управления через установки, повествующие о конкретных правилах, позволяет эффективно реагировать на изменяющуюся обстановку. Таким образом формируется алгоритм, определяющий следующий порядок действия принципа рациональности: универсум – принцип предосторожности; концепт – поддержание доверия к закону и действиям государства и нарратив – содержит информацию о вводимых правилах применительно к конкретной ситуации в целях достижения рациональной модели правового регулирования и адаптивного управления.

В рамках этого подхода требование рациональности стало основной целью; например, ограничение прав человека в области использования биотехнологий возможно только в тех ситуациях, которые характеризуются большим риском причинения вреда жизни и здоровью. Чтобы определить, достаточно ли высок риск причинения вреда, следует оценить неопределенность, создаваемую риском. Риск традиционно рассматривают как ситуацию или событие, в котором что-то, имеющее человеческую ценность (включая самих людей), особенно значимо и где результаты неопределенны.

¹ См.: Risk, Uncertainty and Rational Action (Earthscan Risk in Society) / C.C. Jaeger, T. Webler, E.A. Rosa, O. Renn. – 1 st ed. – 2001. – С. 320.

На современном этапе общественного развития принцип рациональности зачастую используется при осуществлении правового регулирования и государственного управления в области биоинженерии, но особую востребованность он получил в сфере экологических и экономических правоотношений. Исходя из этого принципа, модернизируется правовая система и структуры экологического менеджмента¹.

Полагаем, что на основе такого алгоритма можно формировать порядок действия принципов конституционного права в условиях технологической революции в биоинженерии.

Принципы конституционного права и константа, определяющая порядок их действия в условиях развития биотехнологий

Принципы конституционного права, традиционно воспринимаемые учеными как долженствование², лежат в основе правового регулирования многих областей жизнедеятельности человека, общества и государства. Множественность принципов конституционного права и широта охватываемых ими сфер регулирования неизбежно сопровождаются дискуссией о том, какой из принципов конституционного права является главным при регулировании и аргументации правовой ситуации.

Многие специалисты едины в том, что принципы конституционного права – инструмент, способствующий интеграции этического, гуманитарного и правового аспекта при формировании регулирования по вопросам внедрения в практику новых биотехнологий. Однако в научной литературе редко поднимается вопрос о том, каков алгоритм их действия и константы, обеспечивающие их функционирование.

¹ См.: Xie Z. China's Historical Evolution of Environmental Protection Along with the Forty Years' Reform and Opening-up // Environmental Science and Ecotechnology. – 2019. – Vol. 1. – URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC9488037/> (дата обращения: 27.04.2024).

² *Правила и принципы* – это категории норм, включенные в понятийный аппарат большинства современных теоретиков права. Lopes P.M. The Syntax of Principles: Genericity as a Logical Distinction between Rules and Principles // Ratio Juris. – 2017. – Vol. 30. – P. 471–490.

Сталкиваясь с потребностями, которые включают необходимость удерживать биотехнологический прогресс на этическом и гуманитарном путях, избегать рисков конституционным ценностям и не допускать нарушения правопорядка, все чаще в практике обращаются к принципам конституционного права. Объясняется это тем, что именно принципы конституционного права способствуют формированию механизма конституционно-правовой защиты, в том числе биологической, обеспечению биологической безопасности, а также стимулируют ответственное отношение к соблюдению комплекса мер, вводимых в целях предотвращения неблагоприятного воздействия опасных биологических факторов на окружающий мир.

Представляется, что обеспечение конституционной законности в государстве в условиях технологической революции в биотехнологии необходимо формировать посредством действия принципов конституционного права. Однако открытым остается вопрос о том, какие из принципов могут обеспечить создание рациональной модели правового регулирования общественных отношений, связанных с реализацией биотехнологий.

Представляется, что действие принципов конституционного права в условиях биологических рисков и угроз проявляется:

1) в непосредственном или опосредованном их действии, обеспечивающем правомерные ожидания или результат, который имеет значение для правового регулирования и направлен на защиту конституционных ценностей;

2) в достижении фактических и правовых последствий, позволяющих нейтрализовать биологические риски и угрозы;

3) в закреплении эффективного правового режима применения биотехнологий.

Для разрешения определенной ситуации в качестве константы действия принципов конституционного права предлагается рассматривать совокупность принципов (т.е. их определенную модель), нацеленную на сохранение конституционного правопорядка и разрешение проблем, возникающих в условиях развития новых технологий, в том числе и биотехнологий. Видится, что такая модель состоит из следующих элементов.

1. *Конституционный универсум* (определяет главную цель регулирования, например, обеспечение безопасности человека, общества, государства).

2. *Конституционные концепты* (позволяют обосновать использование того или иного правового режима обеспечения безопасности).

3. *Конституционные нарративы* (информируют о требованиях (долженствованиях), важности выполнения как правовых, так и моральных обязанностей, о мерах, принимаемых для минимизации биологического риска и противодействия угрозам биологических опасностей и др.).

Совокупность указанных элементов определяет специфику константы действия принципов конституционного права.

В научной литературе подчеркивается, что принципы конституционного права призваны выполнять интегративную функцию, определять и контролировать границы действий публичной власти¹. Именно высокая степень политической независимости суда как на внутригосударственном, так и на наднациональном уровне способствует обеспечению в судебной практике прямого применения конституционных принципов и норм², созданию на основе принципов конституционного права конституционно-правовых режимов.

Институт правовых режимов получил достаточно широкое распространение в юридической литературе и практике. Его существование и развитие связаны с решением, урегулированием и обеспечением практической реализации ряда важнейших комплексных проблем, относящихся преимущественно к сфере безопасности.

Конституционный принцип, являясь элементом системы правового регулирования, выступает как универсальный регулятор, обладающий прямым действием в рамках национального публичного порядка. При этом все принципы конституционного права

¹ См.: Zhou Han-Ru Legal Principles, Constitutional Principles and Judicial Review // American Journal of Comparative Law. – 2019. – Vol. 4. – P. 1–57. – URL.: <file:///C:/Users/HP/Downloads/ssrn-4175760.pdf> (дата обращения: 11.08.2024).

² Somek A. Parchment Barriers: The Constitution as Law // European Constitutional Law Review. – 2024. – Vol. 20, N 1. – P. 120–145.

имеют одинаковую природу, но не все принципы имеют одинаковую значимость. Принципы, определяющие основы конституционного строя, или принципы, указанные в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ как конституционные ценности, можно относить к категории конституционных универсумов.

На наш взгляд, посредством конституционных поправок, в том числе введения в Конституцию РФ ст. 75.1, был расширен существующий перечень принципов конституционного права и сформированы конституционные концепты и нарративы, призванные обеспечить, в частности, право на безопасное будущее в условиях технологической революции. В их числе принципы взаимного доверия государства и общества, защиты достоинства граждан; сбалансированности прав и обязанностей, социальной солидарности и др. Они необходимы не только для реализации мер, направленных на обеспечение безопасности человека, общества и государства, но и объединения граждан ради достижения общей цели – безопасности.

Взаимосвязь национальной и биологической безопасности четко прослеживается в законодательстве. Так, например, согласно п. 9 Основ государственной политики Российской Федерации в области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу, утвержденных Указом Президента РФ от 11.03.2019 № 97, «... в Российской Федерации обеспечивается химическая и биологическая безопасность. Вместе с тем наличие опасных химических и биологических факторов может привести к ухудшению санитарно-эпидемиологической, ветеринарно-санитарной, фитосанитарной и экологической обстановки, состояния химической и биологической безопасности, а также национальной безопасности в целом».

Здесь важно подчеркнуть, что при обеспечении безопасности зачастую сочетаются элементы индивидуальных и коллективных прав, индивидуального и коллективного законного интереса, соответственно, главная задача конституционно-правового воздействия на систему регулирования отношений в области обеспечения биологической безопасности состоит в создании конституционно-правового равновесия при формировании комплекса мер, направленных на защиту человека, населения и охрану окружающей среды от воздействия опасных биологических факторов, на предот-

вращение биологических угроз (опасностей), а также согласованности позитивных и негативных обязанностей.

Соответственно, обеспечение биологической безопасности следует рассматривать как конституционный универсум.

Вместе с тем такие конституционные принципы, как: социальная солидарность; социальное благополучие; согласованность прав и обязанностей, единство системы прав человека надлежит рассматривать как конституционные концепты. Конституционными нарративами, как представляется, являются следующие принципы: сочетание интересов и ответственности личности, общества и государства в области обеспечения безопасности; соответствие мер государственного регулирования в области обеспечения безопасности существующим угрозам (опасностям); рациональное использование природных ресурсов; своевременное реагирование на возникающие угрозы (опасности) и др.

Конституционные концепты обеспечивают прямое действие конституционных универсумов и взаимосвязь конституционных установлений. Концепты, выражаемые в конституционном праве через категорию «принцип», во-первых, выступают как элемент, содержащий семантическую информацию, сформировавшуюся в результате развития взаимоотношений человека, общества и государства; во-вторых, являются обобщенным выражением конституционных ценностей, требующих правовой обеспеченности и правовой защиты.

Принципы как конституционные нарративы (основные регулятивные смыслы) используются с целью взаимосвязи ряда конституционных постулатов, обозначающих в совокупности то, что способствует достижению главной цели, и то, что необходимо сделать для ее достижения. Так, например, социальная солидарность как конституционный нарратив сочетает в себе нравственные и правовые качества, необходимые для консолидации общества¹. Соответственно, социальная солидарность в коллективе выражается посредством добросовестного соблюдения определенных принципов и правил (нормативных обязательств), например,

¹ Пермиловский М.С. Солидарность – новая конституционная ценность или классический принцип права? // Государственная власть и местное самоуправление. – 2022. – № 7. – С. 3–6.

охраны здоровья граждан и окружающей среды от воздействия опасных биологических факторов, соблюдения норм законодательства по обеспечению биологической безопасности и др.

Обеспечение биологической безопасности предполагает не только позитивные обязательства государства, но и гражданскую ответственность каждого. Безусловно, государство является основным гарантом обеспечения биологической безопасности, вместе с тем каждый должен содействовать реализации принимаемых мер, гарантирующих биологическую безопасность, например, посредством ответственного отношения к своему здоровью, выполнения устанавливаемых в области общественного здравоохранения обязанностей и т.д.

Заключение

Принципы конституционного права, регулирующие отношения в сфере биотехнологий, направлены на обеспечение биобезопасности и сохранение жизни на Земле. Обеспечение биологической безопасности является общей национальной целью (конституционным универсумом), для достижения которой необходимы как конституционные концепты, так и конституционные нарративы. Их совокупность можно определить как константу действия конституционных принципов.

Адаптивная конструкция управления биорисками, описанная в статье, и ее правовое регулирование основываются на таких конституционных принципах биобезопасности, как: принципы предосторожности и должной осмотрительности, рациональности; социальной солидарности, ответственности и др. Действие этих принципов направлено на принятие превентивных мер, на снижение риска нанесения необратимого ущерба окружающей среде и здоровью человека.

ИВАНОВА А.П.¹ ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ЮРИДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ГИПЕРРЕАЛИЗМ, ПРАВОВАЯ ЭВОЛЮЦИЯ И РАЗВИТИЕ СУДЕБНОЙ АНАЛИТИКИ

Аннотация. За последние десятилетия цифровизация затронула все сферы человеческой жизни, включая право. С каждым этапом развития технологий юристы получают новые инструменты, которые не просто помогают им в профессиональной деятельности, но и порой могут полностью заменить их. В статье рассматриваются различные аспекты цифровизации юридической деятельности, начиная с влияния технологий на эволюцию права и заканчивая появлением нового этапа правового реализма – гиперреализма.

Ключевые слова: информационное право; теория права; правовой реализм; юридические технологии; защита персональных данных; судебная аналитика.

IVANOVA A.P. Digital technologies in legal activity: hyperrealism, legal evolution and development of judicial analytics

Abstract. Over the past decades, digitalization has affected all spheres of human life, including law. With each stage of technology development, lawyers receive new tools that not only help them in their professional activities, but sometimes can completely replace them. The article examines various aspects of the digitalization of legal activity, starting with the influence of technology on the evolution of law and ending with the emergence of a new stage of legal realism – hyperrealism.

¹ Иванова Ангелина Петровна, младший научный сотрудник отдела правоведения ИНИОН РАН.

Keywords: information law; theory of law; legal realism; legal technologies; personal data protection; judicial analytics.

Для цитирования: Иванова А.П. Цифровые технологии в юридической деятельности: гиперреализм, правовая эволюция и развитие судебной аналитики // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер.: Государство и право. – 2024. – № 4. – С. 55–68. – DOI: 10.31249/iajpravo/2024.04.04

Введение

За последние два десятилетия список технологических инструментов, применяемых в юриспруденции, неуклонно увеличивается и трансформирует юридическую профессию. Первый этап цифровизации правовой деятельности несильно отличался от более общей цифровизации бизнес-практик (например, обработки текстов, составления электронных таблиц и т.п.), которая распространилась в самом начале цифровой эры. Ранние виды юридических технологий помогали адвокатам вести документацию, отслеживать результаты командной работы и автоматизировать административные задачи бэк-офиса¹, такие как регистрация клиентов и выставление счетов.

Второй этап технологического развития связывают с внедрением новых информационно-коммуникативных инструментов непосредственно в рабочие процессы юристов. Так, быстро развивающейся областью являются технологии, способствующие выявлению закономерностей и аномалий в больших массивах правовых текстов, – например, поиск отклонений от установленных нормативных стандартов (правил) при анализе договоров.

Третий этап технологического прогресса может значительно превзойти предыдущие, благодаря продолжающимся достижениям в области обработки естественного языка². Действительно, новые

¹ *Бэк-офис* (англ. *back-office*) – внутренние отделы организации, осуществляющие обслуживание внешнеэкономической деятельности и не взаимодействующие с клиентами.

² Обработка естественного языка (англ. *natural language processing, NLP*) – одно из направлений искусственного интеллекта, задачей которого является разработка методов и систем, обеспечивающих взаимодействие с компьютерами на естественном языке.

мощные модели автоматической обработки текстов (Natural Language Processing, NLP), такие как BERT от Google или GPT-3 от OpenAI, позволили рассматривать право как форму данных¹.

Помимо простых задач, касающихся поиска по электронной почте или анализа контрактов, новые инструменты юридических технологий, основанные на обработке естественного языка, позволяют автоматизировать более сложные юридические процессы, такие как формирование правовой позиции, составление процессуальных документов по существу дела, судебная аналитика и т.п. Именно в этом направлении можно ожидать наиболее значительных скачков вперед, поскольку искусственный интеллект (ИИ) все больше помогает юристам в их профессиональной деятельности, а порой даже заменяет их.

Использование систем ИИ в юридической деятельности

Как отмечает Е.А. Березина, доцент кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университета им. В.Ф. Яковлева, актуальной темой научных исследований является изучение практики использования систем ИИ в юридической деятельности, которое может быть рассмотрено как разновидность правовой технологии². К.В. Синкевич, старший преподаватель кафедры гражданского права юридического факультета Белорусского государственного университета, отмечает, что влияние технологий ИИ на юридическую сферу с каждым годом усиливается³. В настоящее время можно привести конкретные примеры из отечественной и зарубежной практики, демонстрирующие использование ИИ в правовой деятельности.

¹ The New Judicial Governance: Courts, Data, and the Future of Civil Justice // DePaul Law Review. – Chicago, 2023. – Vol. 72, N 2. – P. 200.

² Березина Е.А. Использование искусственного интеллекта в юридической деятельности // Актуальные проблемы российского права. – Москва, 2022. – Т. 17, № 12. – С. 27.

³ Синкевич К.В. К вопросу о влиянии искусственного интеллекта на юридическую профессию в цифровую эпоху // Журнал Белорусского гос. ун-та. Право. – Минск, 2021. – № 3. – С. 51.

Так, технологический стартап DoNotPay¹ создал юридический сервис на основе ИИ, который помогает клиентам оспаривать привлечение к ответственности, включая наложение штрафов, за нарушение правил дорожного движения. Предполагается, что клиенты будут носить умные очки, которые будут наблюдать за происходящим и использовать ИИ (в том числе ChatGPT), чтобы сообщать пользователю, что сказать дорожному инспектору, через небольшой динамик в ухе. Указанный сервис, а точнее ИИ, интегрированный в него, должен был выступить в суде с иском в Калифорнии в феврале 2023 г., однако позднее иск был отозван после того, как несколько ассоциаций адвокатов штата пригрозили санкциями за несанкционированную адвокатскую практику².

В то же время, подчеркивает Х. Сайран, кандидат юридических наук и сотрудник юридической клиники Школы права Университета Кейс Вестерн Резерв (США), генеративный ИИ³ в настоящее время не может в полной мере применяться в правовой деятельности. Использование этой технологии для функций, выходящих за рамки простых, однообразных задач, нанесло бы значительный вред правовой системе, который перевешивает любые потенциальные выгоды⁴. Во-первых, отмечает Х. Сайран, развитие права требует участия человека. Правовая эволюция происходит как реакция на изменения в социальной политике. Теоретически закон должен отражать коллективные моральные убеждения, которые общество рассматривает как «справедливость».

Н. Айзек, профессор Гарвардской школы бизнеса, описал этот процесс как «циклический», понимая под этим то, что правовая эволюция постоянно колеблется между застоем, эволюцией

¹ Подробнее о сервисе DoNotPay см.: Искусственный интеллект готовится помочь подсудимому защищаться в суде // Новая наука. – URL: <https://new-science.ru/iskusstvennyj-intellekt-gotovitsya-pomoch-podsudimomu-zashhishatsya-vsude/?ysclid=lv55ekhouu265662689> (дата обращения: 12.04.2024).

² Cyran H. New Rules for a New Era: Regulating Artificial Intelligence in the Legal Field // Journal of Law, Technology, & the Internet. – Cleveland, 2024. – Vol. 15, N 1. – P. 15.

³ Генеративный ИИ – это форма ИИ, способная генерировать текст, изображения или другие медиаданные (новый контент) на основе данных, на которых выполняется обучение.

⁴ Cyran H. Op. cit. – P. 17.

как реакцией на стагнацию и возвращением к застою¹. Сначала законодательство вступает в «строгий» период, когда оно уточняется главным образом путем толкования смысла правовых терминов, расширяющего значения этих слов для решения возникающих проблем. Однако со временем этого становится недостаточно, и закон вступает в период «справедливости», в целях отражения общепринятых в этот период ценностей, т.е. наступает момент, когда некоторые правила теряют свою актуальность и общество понимает необходимость их обновления или отмены. Затем, как только закон изменен и дополнен новыми положениями, правовая эволюция приостанавливается до тех пор, пока закон не устареет, т.е. не соответствует текущей политической, экономической и социальной практике.

В свою очередь, генеративный ИИ, как считает Х. Сайран, может привести к длительной стагнации эволюции системы права поскольку этот вид ИИ ограничен данными, на основе которых он обучается. По своей сути данный ИИ не способен разрабатывать дальновидную социальную политику, как люди².

Кроме того, замыслы и идеи людей, как правило, чаще всего актуальны и формируются, развиваются и трансформируются перманентно исходя из их опыта и знаний. Например, несмотря на то что американская научно-исследовательская организация OpenAI обучала свой продукт – искусственный интеллект ChatGPT – на массивных наборах данных, которые включали различные мнения и соображения социальной политики, эти данные отражали только социальную политику того периода времени. Это привело к «смещению концепций», когда устаревшие данные сделали ИИ неточным, потому что текущие данные отличаются³.

Для решения этой проблемы требуется генеративный ИИ, который постоянно наполняет свой набор данных актуальной информацией. Однако создавать подобный ИИ, подчеркивает Х. Сайран, непрактично, потому что очень сложно и дорого постоянно обеспечивать безопасные и надежные данные. Этот ИИ требует

¹ Cyran H. Op. cit. – P. 18.

² Ibid.

³ Kleinings H. What is Continuous Machine Learning? // Levity. – URL: <https://levity.ai/blog/what-is-continuous-machine-learning> (дата обращения: 12.04.2024).

вмешательства человека и больших наборов данных, чтобы оставаться точным и не причинять вреда. Таким образом, поскольку подобная технология «хороша настолько, насколько хороши данные, на основе которых она обучена», наличие ИИ, который точно отражает сегодняшние человеческие ценности, в настоящее время иррационально¹. ИИ не имеет морального «компаса». Даже если бы ИИ мог постоянно обновлять данные, люди все равно имеют больший потенциал в осуществлении эволюции системы права и направлении ее развития. Хотя генеративный ИИ может функционировать и составлять тексты на естественном языке, он «не понимает значения [текста]»². Это сравнимо с тем, когда ребенок впервые слышит ругательство и повторяет его; ребенок не понимает значения этого слова, а просто использует его в своей речи.

Кроме того, ИИ не способен чувствовать «моральный контекст» задаваемых ему вопросов. Моральное суждение – это уникальная человеческая черта, сформированная способностью понимать, как действия одного человека влияют на других. Люди выносят оценочные суждения, основанные на своем опыте, чтобы определить, что правильно, а что нет. ИИ не может выработать истинный «моральный компас»³, потому что у него нет уникального опыта, подобного человеческому. Таким образом, направление правовой эволюции должно оставаться задачей человека, поскольку ИИ не может воспроизвести моральные убеждения и опыт каждого индивидуума. Более того, один из недостатков генеративного ИИ заключается в том, что он «относится к человеческим предпочтениям так, как если бы они были однородными и статичными»⁴. Но это не отражает все конкурирующие точки зрения, поскольку мораль субъективна.

Таким образом, чтобы иметь здоровую правовую систему, которая развивается в соответствии с текущей социальной, экономической, юридической политикой, важно сохранить оригинальную человеческую мысль в юридической литературе. Хотя эффективность делает генеративный ИИ привлекательным для правового

¹ Cyran H. Op. cit. – P. 20

² Ibid.

³ Ibid. – P. 22.

⁴ Ibid. – P. 23.

поля, закон должен продолжать отражать, прежде всего, актуальные ценности общества.

Статистика и судебная аналитика – основной фокус современных юридических технологий

Д.Ф. Энгстром, профессор права Стэнфордской школы права, и Р.Дж. Фогт, научный сотрудник Центра гражданского правосудия им. Д.Л. Род этой же школы права, отмечают, что на данный момент наиболее многообещающие инструменты из нового поколения юридических технологий, включая ИИ, позволяют решать две основные задачи¹.

Первая задача – это юридические исследования и аналитика. Самые основные из них можно рассматривать как средства поиска и сбора информации, которые помогают юристам собирать соответствующие сведения и материалы, часто сопровождаемые комментариями ИИ, поясняющими их связь с рассматриваемым делом. Продвинутое версии позволяют решать более целенаправленные запросы, представляющие собой систему вопросов и ответов на естественном языке. Эти инструменты обеспечивают более быструю и надежную поддержку адвоката и других заинтересованных участников в начале судебного разбирательства, собирая основной набор данных, который требуется ему для работы. Наиболее поздние, усовершенствованные технологии выходят за рамки первоначального сбора информации и изучения законодательства о делах и оценивают результат работы юриста – процессуальный документ – после его создания. Самыми эффективными, но все еще находящимися в стадии разработки, являются инструменты, которые сами создают рабочий продукт, генерируя первоначальные проекты исковых заявлений, запросов и ходатайств².

Вторая – прогнозирование исходов дела – во многих отношениях суть адвокатской и прокурорской деятельности. Как в свое время заметил судья О. Холмс, право, лишенное своей претензионности, представляет собой не более чем предсказание того, как

¹ Engstrom D.F. Op. cit. – P. 200.

² Ibid. – P. 201.

суд вынесет решение¹. В современном мире больших данных, где решения судей и действия адвокатов противоположной стороны и прокуроров могут быть количественно оценены и сведены в упорядоченную статистику, базовая статистическая грамотность является важнейшей частью юридических исследований и практики².

Развивающаяся область судебной аналитики является хорошим примером того, как адвокаты могут эффективно анализировать статистику. Инструменты прогнозирования исхода дела принимают различные формы, но большинство из них работает путем анализа определенного набора юридических и связанных с ними материалов – например, прошлых дел и решений, личности противоположной стороны, соответствующей юрисдикции – и затем рассчитываются вероятность или набор вероятностей для различных случаев, возможные исходы. Российские юридические компании также применяют ИИ, который может рассчитать продолжительность дела и предсказать его исход, анализируя тысячи схожих дел из открытых данных³.

Д.Б. Феррейра, генеральный директор Бразильского центра медиации и арбитража, и Е.А. Громова, заместитель директора по международному сотрудничеству Южно-Уральского государственного университета, в контексте судебной аналитики обращаются к движению правового реализма и считают, что новые технологии вдохнули в него новую жизнь, возродив в качестве гиперреализма⁴.

¹ Цит. по: Engstrom D.F. Op. cit. – P. 201.

² James C. What's in a Number? Basic Statistical Literacy for Lawyers // Michigan Bar Journal. – Lansing, 2023. – Vol. 102, N 11. – P. 42–43.

³ Кравчук М.В. Влияние ИИ на деятельность современных компаний и юридическую профессию // Социальное управление. – Челябинск, 2023. – Т. 2, № S2. – С. 170.

⁴ Ferreira D.B., Gromova E.A. Hyperrealistic Jurisprudence: the Digital Age and the (Un) Certainty of Judge Analytics // The International Journal for the Semiotics of Law. – Dordrecht, 2023. – Vol. 36. – P. 2270.

Гиперреализм – новый виток реализма в эпоху судебной аналитики

Движение юридического реализма зародилось в 1930 г. и было основано на междисциплинарном подходе к праву, использующему достижения социологии, психологии и других областей знаний в анализе юриспруденции. Основой реалистических правовых концепций является онтологизация социального опыта или социальных отношений, которые рассматриваются, во-первых, как независимая от человеческого сознания сфера бытия и, во-вторых, в этом качестве они рассматриваются как более достоверный источник права, чем рациональные построения¹. В то же время, в период появления и расцвета реализма его сторонникам не хватало цифровых инструментов для достижения желаемых результатов с помощью эмпирических исследований².

Но времена изменились. Четвертая промышленная революция и сдвиг в научно-техническом укладе привели к расцвету цифровых технологий и инноваций. Эти технологии уже меняют жизнь людей и могут трансформировать восприятие старых идей.

За последние десятилетия было опубликовано значительное количество работ в области анализа правового реализма, а также по использованию технологий в правосудии. Одни авторы утверждают, что новый правовой реализм – это эмпирическое исследование, не ограничивающееся принятием судебных решений (добавляя, например, арбитраж), оно фокусируется также на политической идеологии судьи. Другие исследователи подчеркивают, что новый правовой реализм имеет тенденцию концентрировать эмпирические исследования в федеральных судах низшей инстанции. Третий тип исследований сосредоточен на тезисе о том, что новый правовой реализм – это просто современное использование эмпирических исследований, которое подразумевает использование той же старой парадигмы реалистов 1930-х годов, ко-

¹ Груздев В.С. Правовой реализм: проблема типологизации и трактовки // Право и государство: теория и практика. – Москва, 2020. – С. 6.

² Ferreira D.B., Gromova E.A. Op. cit. – P. 2262.

которые пытались оценить судебную деятельность с помощью социальных наук¹.

Напротив, Д.Б. Феррейра и Е.А. Громова утверждают, что правового реализма в современном мире не существует. Однако существует гиперреализм, который представляет собой оптимизацию старых основ юридического реализма с помощью новых инструментов, которые дают юристам «полную картину судов в высочайшем разрешении»².

Аналитику данных в правосудии, в зависимости от данных и направленности анализа, можно разделить на две большие группы: аналитику судов и аналитику судей.

Аналитика судов играет решающую роль в современной правосудии. Она использует технологии для анализа различных аспектов судебного разбирательства. *Аналитика судей*, в свою очередь, представляет собой особую и наиболее обсуждаемую часть судебной аналитики. Эксперты объясняют ее как инструмент, способный выявлять закономерности в решениях конкретного судьи, например, аргументы, к которым он более восприимчив. Указанная информация позволяет этим системам прогнозировать возможный исход дел, сравнивать работу разных судей, снижать риски отрицательного результата разбирательства и разрабатывать эффективную стратегию.

Аналитика судей доказывает, что реалисты были правы в начале XX в., и может помочь создать «гиперреальный» образ современного суда и судей.

Растущая популярность аналитики судей может быть объяснена тем фактом, что стороны процесса могут добиться лучших результатов, когда они больше знают о конкретном судье, рассматривающем их дело.

Существующие инструменты судебной аналитики, такие как Context by LexisNexis, Supralegem.fr, Westlaw Edge, Litigation Analytics, Jurimetry и Predictice, способные предоставить следующие данные (как утверждают их разработчики): (а) правовые позиции, прецеденты других судей, которые конкретный судья считает наиболее убедительными; (б) «конкретную логику», обычно

¹ Ibid. – P. 2262.

² Ferreira D.B., Gromova E.A. Op. cit. – P. 2263.

используемую при удовлетворении или отклонении ходатайства определенного типа; (с) насколько велика вероятность того, что дело пользователя будет рассмотрено конкретным судьей; (d) сколько времени требуется конкретному судье для принятия решения по заявлению или ходатайству определенного типа; (е) как конкретный судья обычно выносит решение по определенному типу дел; (f) как часто решение подтверждается или отменяется (полностью или частично) при подаче апелляции; (g) анализ результатов по полу и расе; (h) сравнительная функция (статистические данные о судье в сравнении с другими судьями или в среднем по суду)¹.

В то же время, несмотря на вышеупомянутые преимущества и потенциал, которыми обладает аналитика судей, она представляет собой наиболее противоречивый инструмент среди существующих в сфере правосудия. В отличие от аналитики судов, аналитика судей фокусируется на самих людях, принимающих решения, и их поведении. Ввиду этого аналитика судей вступает в противоречие, в первую очередь, с правом судей на неприкосновенность частной жизни и конфиденциальность.

Ярким примером указанного противоречия является сервис *SupreLegem* и практика его применения. Разработанная бывшим французским налоговым юристом международной аудит-консалтинговой корпорации *Deloitte*, указанная платформа смогла выявить процент судебных отказов в некоторых категориях дел². Так, в отчете, опубликованном создателями *SupreLegem* в 2016 г., был сделан вывод о том, что судебная мера по депортации зависела от судьи, который рассматривал дело: «У некоторых судей был очень высокий коэффициент отказа в предоставлении убежища (близкий к 100%, с сотнями дел в год), в то время как другие судьи из того же суда имели низкий коэффициент»³.

Именно этот отчет, основанный на аналитике *SupraLegem.fr*, привел к запрету указанного аналитического инструмента во Франции. Статья 33 Закона 2019–222 (*Loi № 2019–222*) «Разработ-

¹ Ferreira D.B., Gromova E.A. Op. cit. – P. 2271.

² Ibid. – P. 2273.

³ Benesty M. The Judge Statistical Data Ban – My Story // Artificial Lawyer. – 2019. – URL: <https://www.artificiallawyer.com/2019/06/07/the-judge-statistical-data-ban-my-story-michael-benesty/> (дата обращения: 24.07.2024).

ка программ и реформирование системы правосудия» установила, что идентификационные данные судей и судебного аппарата не могут повторно использоваться с целью оценки, анализа, сравнения или прогнозирования их фактической или предполагаемой профессиональной практики¹.

Несмотря на то что многие правоведы не согласны с подобным решением законодателя Франции, они также признают уязвимости в средствах судебной аналитики.

Во-первых, при использовании подобных инструментов стоит принимать во внимание ограничения в наборах данных. Не все действия судей регистрируются и не все судебные протоколы доступны в цифровом формате. Пропущенные данные потенциально могут повлиять на точность статистики. Кроме того, если информации слишком мало, результаты не будут статистически значимыми и не будут содержать полезной информации. Например, если судья был назначен на должность в течение прошлого года, вполне вероятно, что он просто не вынес решения по достаточному количеству заявлений, чтобы получить статистически значимые данные.

Во-вторых, в процессе применения технологий необходимо принимать во внимание возможность взлома программы и влияния злоумышленников на работу алгоритма.

В-третьих, Д.Б. Феррейра и Е.А. Громова отмечают такую уязвимость аналитических технологий, как «качество» данных. Основная проблема здесь заключается в том, что алгоритмы могут быть предвзятыми, поскольку данные, загружаемые для обучения технологии, могут основываться на человеческих предубеждениях. Поскольку исходные данные ИИ поступают из нефильтрованных открытых источников данных, разработчики не могут избежать «проблем предвзятости». Более того, подчеркивает Е.А. Березина, недостаточность квалификации самого разработчика ИИ в области права может привести к появлению «грязного» набора данных (датасета), содержащего неверно размеченные примеры, что, в свою

¹ Article 33 LOI n° 2019–222 du 23 mars 2019 de programmation 2018–2022 et de réforme pour la justice.

очередь, обусловит некорректную работу технологии при дальнейшем ее использовании в юридической практике¹.

Следовательно, чтобы применять аналитику судей, необходимо тщательно поработать над качеством этого средства и надежностью используемых данных. Поскольку принятие судебных решений происходит публично, а судьи имеют высокий профессиональный и социальный статус, аналитические технологии должны находиться под контролем государства.

Заключение

Таким образом, траектория развития юридических технологий и текущие возможности современных инструментов legaltech позволяют нам увидеть их трансформационный потенциал.

Вместе с тем указанные инновации влекут за собой и отрицательные последствия: начиная стагнацией системы права и заканчивая нарушением прав судей на неприкосновенность частной жизни. Ввиду этого регулирование новых юридических технологий представляется важным и насущным вопросом в настоящее время.

В первую очередь, применение любых технологий, в том числе и в сфере юриспруденции, требует соблюдения определенных этических принципов. Краеугольными этическими ориентирами должны быть ценности, направленные на человека: справедливость, неприкосновенность частной жизни и безопасность, надежность, прозрачность и объяснимость, состязательность и подотчетность². Так, например, этические правила использования аналитики судей могут быть внедрены в действующие законы о статусе судей³, а правила применения ИИ – в кодексы профессиональной этики юридических профессий⁴.

Некоторые авторы предлагают установить сертификацию юридических технологий и разработку стандартов их приме-

¹ Березина Е.А. Указ. соч. – С. 27.

² Ferreira D.B., Gromova E.A. Op. cit. – P. 2274.

³ Ibid. – P. 2274.

⁴ Cyran H. Op. cit. – P. 36.

ния¹, другие – сформировать новую экосистему, в которой будут задействованы не только юристы, но и ученые, профессиональное сообщество, предприниматели, инвесторы и другие субъекты хозяйственной деятельности²; реализовать междисциплинарное взаимодействие законодателей, ведомств и ученых³.

Все указанные варианты представляются подходящими для минимизации и исключения негативных сторон цифровизации юридической деятельности. Комплексное применение указанных мер позволит подготовить правовую систему и юридическое сообщество «к эффективному ответу на модернизационные процессы с учетом специфических особенностей цифрового сценария развития»⁴.

¹ Ferreira D.B., Gromova E.A. Op. cit. – P. 2274.

² Джикия М.Д., Шкаленко А.В., Джикия А.А. Роль «LegalTech» в модернизации профессиональной юридической деятельности // Вестник Московского ун-та МВД России. – 2021. – № 6. – С. 118.

³ Нестеров А.В. Цифровая трансформация юридической деятельности и законодательства // Правовое государство: теория и практика. – Уфа, 2020. – Т. 16, № 4–1. – С. 49

⁴ Джикия М.Д., Шкаленко А.В., Джикия А.А. Указ. соч. – С. 118.

**БЕЛОВА М.А.¹ ЦИФРОВИЗАЦИЯ В ГЕРМАНИИ: СОВРЕ-
МЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ (НА
ПРИМЕРЕ ФЕДЕРАЛЬНОЙ ЗЕМЛИ БАВАРИЯ)**

Аннотация. В статье проводится сравнительный анализ уровня развития цифровизации в Германии и других странах Европы, анализируются причины низкого уровня цифровизации в ФРГ, рассматривается опыт федеральной земли Бавария по определению нормативной основы цифровизации общества, а также разработки мер с целью повышения осведомленности широких слоев населения об опасности дезинформации и целенаправленных манипуляций в сети Интернет.

Ключевые слова: Германия; Бавария; цифровизация; цифровые права; цифровая конкурентоспособность; цифровизация общества; информационная безопасность; дезинформация.

BELOVA M.A. Digitalization in Germany: current status and development prospects (based on the example of the federal state of Bavaria)

Abstract. The article conducts a comparative analysis of the level of digitalization development in Germany and other European countries, analyzes the reasons for the low level of digitalization in Germany, considers the experience of the federal state of Bavaria in defining the regulatory framework for the digitalization of society, as well as the development of measures to raise awareness among the

¹ © Белова Марина Анатольевна, доцент кафедры конституционного права им. Н.В. Витрука ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», кандидат юридических наук.

general population about the dangers of disinformation and targeted manipulation on the Internet.

Keywords: Germany; Bavaria; digitalization; digital rights; digital competitiveness; digitalization of society; information security; disinformation.

Для цитирования: Белова М.А. Цифровизация в Германии: современное состояние и перспективы развития (на примере федеральной земли Бавария) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер.: Государство и право. – 2024. – № 4. – С. 69–82. – DOI: 10.31249/iajpravo/2024.04.05

Введение

В результате прогрессивного развития цифровизации сегодняшнее общество сталкивается с существенными изменениями как в профессиональной сфере, где цифровые процессы и бизнес-модели все чаще заменяют традиционные формы, так и в частной – использование цифровых источников информации стало неотъемлемой частью повседневной жизни. Комплексное применение больших данных, внедрение новых технологий, таких как искусственный интеллект или блокчейн, создают новые основы для всех сфер экономики и общества.

Сам термин «цифровизация» достаточно сложен и многогранен. Так, согласно экономическому словарю издательства SpringerGabler (Gabler Wirtschaftslexikon), цифровизация означает: 1) «цифровое преобразование и представление [...] информации и коммуникации или цифровая модификация инструментов, устройств и транспортных средств»; 2) «цифровая революция, известная также как третья революция или цифровой поворот»; 3) «информационный век и компьютеризация»¹. По мнению К. Аганиной, однозначного определения цифровизации не существует. Под цифровизацией, цифровыми преобразованиями понимается большой тематический комплекс, состоящий из множества аспектов, включающих, например, расширение рынка телекоммуникаций, дистанционное обучение, электронное правительство,

¹ Gabler Wirtschaftslexikon. – URL: <https://wirtschaftslexikon.gabler.de/definition/digitalisierung-54195> (дата обращения: 26.06.2024).

электронную коммерцию, электронное здравоохранение, удаленную работу и использование облачных приложений, а также большие данные, искусственный интеллект, умный дом, финансовые технологии, прогнозирующее обслуживание, крупные технологические компании, беспилотные автомобили и виртуальную реальность¹. С. Энгельбрехт, Й. Гербер понимают под цифровизацией включение цифровых технологий в процессы социального, политического и экономического значения с целью их улучшения путем оптимизации и модернизации, но, прежде всего, посредством оцифровки и тем самым обеспечения доступности этих процессов для широких масс населения². Ф. Клазен отмечает: «Если раньше цифровизация означала лишь процесс преобразования данных в цифровой формат, то в XXI в. цифровизация означает гораздо больше – модернизацию и улучшение процессов в бизнесе, политике и обществе. Таким образом, цифровизация превратилась из чисто технического развития в позитивный, ориентированный на будущее собирательный термин для различных областей повседневной жизни и профессиональной деятельности и представляет собой преобразующий процесс, который оказывает решающее влияние на устоявшиеся в обществе структуры и существенно меняет межличностное и рабочее взаимодействие»³.

В Германии цифровизация часто подвергается критике, среди прочего по причине того, что расширение сетей и цифровое управление развиваются крайне медленно. Фраза бывшего канцлера ФРГ Ангелы Меркель, сказанная в разговоре с Баракком Обамой в 2013 г.: «Интернет для нас всех – это неоткрытая страна»⁴, по

¹ Aganina K. Digitalisierung in Deutschland: Wie ist der aktuelle Stand? – URL: <https://www.ratbacher.de/blog/digitalisierung-stand-deutschland/> (дата обращения: 18.07.2024).

² Digitalisierung in Deutschland. Ein Vergleich zu Südkorea und Singapur / Engelbrecht S., Gerber J., Gyollai M., Rosch Ph., Schulz C.C., Selzer A. // Datenschutz und Datensicherheit. – 2023. – № 6. – S. 343.

³ Klasen F. Digitalisierung in Deutschland: Wie digital sind wir 2024? – URL: <https://techminds.de/magazin/digitalisierung-in-deutschland/> (дата обращения: 26.06.2024)

⁴ Цит. по: Klasen F. Digitalisierung in Deutschland: Wie digital sind wir 2024? – URL: <https://techminds.de/magazin/digitalisierung-in-deutschland/> (дата обращения: 26.06.2024).

мнению Ф. Клазена, по-прежнему реалистично отражает отношение Германии к цифровизации сегодня, десять лет спустя. ФРГ уже много лет отстает в плане цифровизации не только по сравнению с Европой, но и в мировом масштабе¹.

В отчете Научно-консультативного совета при Федеральном министерстве экономики и энергетики ФРГ «Цифровизация в Германии – уроки коронакризиса» отмечено: «Германия отстает от многих других стран ОЭСР как в расширении цифровой инфраструктуры, так и в использовании цифровых технологий и услуг. Кризис, вызванный коронавирусом, привел к значительному, хотя и незапланированному, ускорению цифровизации. В некоторых сферах (например, удаленная работа) удалось за короткое время перейти на цифровую коммуникацию и использование цифровых процессов, в других областях (например, школа и здравоохранение) это получилось лишь с трудом или не удалось совсем... Это вызывает беспокойство, поскольку внедрение цифровых технологий может повысить производительность, усилить устойчивость экономики и открыть новые возможности ценообразования...»².

Теме цифровизации, считают Й. Кун, Ф. Штайнер, Н. Фойгт, также не уделялось существенного внимания в ходе предвыборной кампании в Бундестаг. В настоящее время вопросами цифровизации занимается трехпартийная коалиция Социал-демократической партии Германии, Свободной демократической партии Германии (СвДП) и партии Союз 90 / Зеленые (Ampel-Koalition), что объясняется большим количеством молодых избирателей у партии Союз 90 / Зеленые и особенно у Свободной демократической партии. В указанной коалиции федеральный министр транспорта Фолькер Виссинг (СвДП) также отвечает за цифровую инфраструктуру и цифровую политику, координирует новую цифровую стратегию федерального правительства, разработанную совместно со всеми

¹ Цит. по: Klasen F. Digitalisierung in Deutschland: Wie digital sind wir 2024? – URL: <https://techminds.de/magazin/digitalisierung-in-deutschland/> (дата обращения: 26.06.2024).

² Digitalisierung in Deutschland – Lehren aus der Corona-Krise. Gutachten des Wissenschaftlichen Beirats beim Bundesministerium für Wirtschaft und Energie (BMWi). – URL: https://www.bmwk.de/Redaktion/DE/Publikationen/Ministerium/Veroeffentlichung-Wissenschaftlicher-Beirat/gutachten-digitalisierung-in-deutschland.pdf?__blob=publicationFile (дата обращения: 18.07.2024).

министерствами. Ожидается, что благодаря цифровой стратегии Германия войдет в десятку лучших в Европейском индексе цифровой экономики и общества (DESI). На данный момент ФРГ находится лишь на 13-м месте¹.

Цифровизация: Германия vs Европа

В отчете Digital Riser Report² за 2021 г., сформированном на основании данных Всемирного экономического форума, Всемирного банка и Международного союза телекоммуникаций, прогресс отдельных европейских стран (групп стран) рассматривается исходя из двух факторов: 1) насколько существенного прогресса добились страны за последние три года; 2) лучший цифровой опыт в девяти группах стран. Такая цифровая конкурентоспособность измеряется по двум параметрам – локальная экосистема и тип мышления нации. Согласно указанному отчету, Франция, например, за год добилась большого прогресса в цифровой конкурентоспособности, набрав 28 баллов, тем временем Германия несет существенные потери в плане цифровизации, потеряв 176 пунктов. В то время как такие страны, как Литва и Польша, являются лидерами цифрового развития, Германия опускается на предпоследнее место, опережая только Албанию³. Такая низкая оценка цифровой конкурентоспособности Германии, по мнению Ф. Клазена, обусловлена, прежде всего, плохо развитой цифровой локальной экосистемой⁴.

Сдерживающими факторами внедрения цифровых государственных услуг в Германии признаются также то большое внимание, которое уделяется в ФРГ охране персональных данных, и стремление к более строгой защите данных в цифровом простран-

¹ См.: Kuhn J., Steiner F., Voigt N. Die Digitalstrategie der Ampel. – URL: <https://www.deutschlandfunk.de/digitalstrategie-der-bundesregierung-102.html> (дата обращения: 26.06.2024).

² The European Center for Digital Competitiveness. Digital Riser Report 2021. – URL: <https://digital-competitiveness.eu/#studies> (дата обращения: 26.06.2024).

³ Ibid.

⁴ Klasen F. Digitalisierung in Deutschland: Wie digital sind wir 2024? – URL: <https://techminds.de/magazin/digitalisierung-in-deutschland/> (дата обращения: 26.06.2024).

стве. Научно-консультативный совет при Федеральном министерстве экономики и энергетики ФРГ в отчете «Цифровизация в Германии – уроки коронакризиса» указал следующее: «В Германии защита данных часто рассматривается как ценность, имеющая абсолютный приоритет по сравнению с другими законными интересами. Это серьезно ограничило использование цифровых возможностей во время пандемии COVID-19... Споры о компетенции между федеральным правительством и землями также значительно задержали введение единых процедур и стандартов, особенно в сфере государственного управления»¹. Так, Цифровой отчет 2022 Европейского центра цифровой конкуренции (Digitalreport 2022, European Center for Digital Competitiveness)² иллюстрирует катастрофически низкий уровень цифровизации государственных учреждений и органов власти в Германии.

Еще одной причиной ограниченного развития цифровизации в ФРГ, по мнению К. Аганиной, является недостаточная доступность быстрого интернета в офисах более трети компаний в ФРГ, а также острая нехватка квалифицированных кадров³. В связи с этим Ф. Клазен, например, предлагает поощрять «местные таланты» и создать лучшую цифровую инфраструктуру в немецких школах, среднеспециальных и высших учебных заведениях⁴.

Вместе с тем следует отметить значительное продвижение вперед в вопросах цифровизации южной группы федеральных земель Германии: Баден-Вюртемберг и Бавария. Этому способствовало принятие 1 августа 2022 г. Закона Баварии о цифровых тех-

¹ Digitalisierung in Deutschland – Lehren aus der Corona-Krise. Gutachten des Wissenschaftlichen Beirats beim Bundesministerium für Wirtschaft und Energie (BMWi). – URL: https://www.bmwk.de/Redaktion/DE/Publikationen/Ministerium/Veroeffentlichung-Wissenschaftlicher-Beirat/gutachten-digitalisierung-in-deutschland.pdf?__blob=publicationFile (дата обращения: 18.07.2024).

² European Center for Digital Competitiveness. Digitalreport 2022. – URL: <https://digital-competitiveness.eu/#studies> (дата обращения: 26.06.2024).

³ Aganina K. Digitalisierung in Deutschland: Wie ist der aktuelle Stand? – URL: <https://www.ratbacher.de/blog/digitalisierung-stand-deutschland/> (дата обращения: 18.07.2024).

⁴ Klasen F. Digitalisierung in Deutschland: Wie digital sind wir 2024? – URL: <https://techminds.de/magazin/digitalisierung-in-deutschland/> (дата обращения: 26.06.2024).

нологиях¹, который регулирует цифровое управление и, впервые в национальном масштабе, определяет нормативную основу цифровизации общества в целом.

Закон Баварии о цифровых технологиях. Цифровой план Баварии

В общей части Закона Баварии о цифровых технологиях декларируются цифровые цели федеральной земли Бавария, которые также составляют основные направления баварской цифровой политики. Бавария разрабатывает и продвигает цифровизацию всего общества в целом в интересах граждан, общества и экономики посредством целенаправленных мер, особенно в сферах бизнеса, технологий, образования, цифровых услуг, мобильности, науки, здравоохранения, а также в сфере государственного управления. Указанные меры направлены, в частности, на расширение возможностей получения цифрового образования, особенно в школах и высших учебных заведениях; содействие обеспечению развития цифровой инфраструктуры; более широкое использование возможностей цифровизации в сфере мобильности; цифровизацию в здравоохранении; усиление цифровизации в науке; укрепление базовых цифровых компетенций в обществе, экономике и управлении; продвижение цифровых бизнес-моделей; содействие равному доступу к получению «цифровых» профессий; укрепление информационной безопасности в государстве, управлении и экономике; цифровизацию управления и расширение предложений цифровых административных процедур; цифровую доступность государственных услуг (ст. 2 Закона).

Кроме того, рассматриваемый Закон направлен на обеспечение способности федеральной земли Бавария принимать цифровые решения в целях выполнения обязательств властей использовать открытое программное обеспечение при новых закупках («Open Source Software»). Кроме того, предусматриваются обязательный учет аспектов экологии и экологической устойчивости при выполнении государственными органами задач в области цифровых тех-

¹ Gesetz über die Digitalisierung im Freistaat Bayern (Bayerisches Digitalgesetz – BayDiG) vom 22. Juli 2022 (GVBl. S. 374) BayRS 206–1-D.

нологий, обязанность государственных органов уделять внимание высокой энергоэффективности и экономии при обслуживании своей ИТ-инфраструктуры.

В гл. 2 части 1 Закона Баварии о цифровых технологиях регламентируются цифровые права и гарантии для граждан и предприятий. Так, в ст. 8 закреплено право каждого на свободный доступ к Интернету через общедоступные сети, ограничение которого возможно только на основании закона, и право на защиту от всеобщей государственной блокировки Интернета. Кроме того, Закон предоставляет физическим лицам право на собственную цифровую идентификацию (ст. 11). Это право реализуется через учетную запись гражданина Баварии («BayernID»), которая позволяет гражданам безопасно осуществлять цифровые контакты с властями и пользоваться цифровыми государственными услугами. В ст. 13 декларируется право каждого на мобильное предоставление государственных цифровых услуг (Mobile Dienste), т.е. предоставление соответствующих государственных цифровых услуг на мобильных устройствах через общедоступные сети.

Часть 2 Закона Баварии о цифровых технологиях посвящена постепенному расширению и дальнейшему развитию ориентированного на клиента и удобного для граждан цифрового управления. Для государственных органов закрепляется принцип «Digital First» (предпочтение цифре), цифровой административный процесс становится нормой. Закрепляется право каждого на осуществление соответствующих административных процедур в цифровой форме, одновременно с этим сохраняется возможность выполнения административных процедур нецифровым способом.

Цифровой доступ к управлению обеспечивается через единую сеть порталов Баварии (Portalverbund Bayern), которую эта федеральная земля создает и обеспечивает управление в соответствии с Законом о цифровых технологиях, а также с учетом своих обязательств согласно Закону об улучшении онлайн-доступа к государственным услугам (Закон о доступе в Интернет – OZG)¹. Единая сеть порталов включает в себя Баварский портал (Bayern-portal) и Баварский корпоративный портал (das Bayerische

¹ Gesetz zur Verbesserung des Onlinezugangs zu Verwaltungsleistungen (Onlinezugangsgesetz – OZG) vom 14. August 2017 (BGBl. I S. 3122, 3138).

Unternehmensportal). Баварский портал¹ является общедоступным, межведомственным порталом управления Баварии, предоставляющим гражданам и предприятиям простой доступ к государственным услугам на всей территории федеральной земли. Благодаря наличию учетной записи гражданина Баварии² жители избавляются от необходимости личного обращения в государственные органы, поскольку получают возможность подать заявку на получение услуг непосредственно онлайн и безопасно получать ответ. Наряду с этим Баварией и землей Бремен был разработан общенациональный единый корпоративный портал³ (Unternehmenskonto), функционал которого постоянно расширяется, подключаются дополнительные партнерские порталы и специальные процедуры.

В части 3 Закона о цифровых технологиях особое внимание уделяется вопросам регулирования в области информационной безопасности, защиты ИТ-инфраструктуры органов публичной власти и гарантии охраны персональных данных граждан и компаний в цифровом пространстве. С этой целью в Баварии создано Земельное ведомство по информационной безопасности (LSI), задачами которого являются защита как непосредственно сети органов государственной власти (Behördennetz), так и поддержка и предотвращение угроз информационной безопасности подключенных к сети учреждений и органов.

В части 4 Закона содержится положение о создании в Баварии юридического лица публичного права (AöR) – Баварской коммуны (BayKommun) (ст. 52) – в качестве специализированного центра по предоставлению цифровых административных услуг на муниципальном уровне, которое в первую очередь должно обеспечивать юридически безопасную транспортировку цифровых услуг из других федеральных земель в муниципалитеты Баварии, а также координировать предоставление ИТ-услуг для муниципалитетов баварскими поставщиками.

¹ Bayernportal. – URL: www.freistaat.bayern (дата обращения: 26.06.2024).

² BayernID – Das Nutzerkonto. – URL: <https://bayernid.freistaat.bayern> (дата обращения: 26.06.2024).

³ См.: Due diditale. – URL: <https://info.mein-unternehmenskonto.de/> (дата обращения: 26.06.2024).

Для обеспечения реализации целей Закона Баварии о цифровых технологиях, а также использования всего потенциала цифровизации, активного формирования цифровых изменений в интересах каждого жителя Баварии и успешного решения возникающих проблем правительством Баварии по инициативе Министерства цифровых технологий был разработан «Цифровой план Баварии» (Digitalplan Bayern)¹, представляющий собой комплекс из 200 конкретных мер, охватывающих все сферы жизни, основными тезисами которого являются: использование цифровых технологий таким образом, чтобы сделать жизнь каждого жителя Баварии проще и лучше («жить лучше в цифровом мире!»), обеспечить выгодные условия для бизнеса и науки, а также чтобы Бавария оставалась привлекательной для жизни как в городе, так и в сельской местности.

Баварский альянс против дезинформации

Однако стремительное развитие цифровизации неизбежно связано с рядом угроз. В текущем ежегодном отчете Всемирного экономического форума о мировых рисках в качестве самого большого риска на ближайшие два года была названа дезинформация². Особое значение при этом уделяется Интернету: информация и обмен информацией по политическим вопросам всё чаще перемещаются в социальные сети, мессенджеры и другие цифровые платформы. Учитывая огромный охват аудитории, Интернет представляет собой идеальную основу для распространения дезинформации.

С целью решения этой проблемы, в преддверии выборов в Европейский парламент 2024 г. Министерством цифровых технологий и Министерством внутренних дел, спорта и интеграции Баварии был создан *Баварский альянс против дезинформации* (*Bayern-Allianz gegen Desinformation*), дополняющий конкретными эффективными мерами Мюнхенское техническое соглашение

¹ См.: Digitalplan Bayern. – URL: <https://digitalplan.bayern/bayern/de/home> (дата обращения: 26.06.2024).

² См.: Der Weltrisikobericht des Weltwirtschaftsforums (WEF). – URL: <https://www.weforum.org/events/world-economic-forum-annual-meeting-2024/> (дата обращения: 26.06.2024).

(Münich Tech Accord)¹, принятое на Мюнхенской конференции по безопасности. Перед Баварским альянсом поставлены следующие задачи: реализация пакета правительственных мер, сотрудничество с операторами международных платформ и авторитетными средствами массовой информации.

Правительством Баварии разрабатываются многочисленные меры и предложения с целью повышения осведомленности широких слоев населения об опасностях ложных новостей и целенаправленных манипуляций в сети Интернет. В частности, создан специальный проект «Цифровой ангел» («Digitaler Engel»), эксперты которого в предвыборный период посещают различные торговые площадки в городах Баварии и проводят встречи с жителями по теме дезинформации.

Также представляют интерес два проекта, названные по аналогии с водительским удостоверением (*Führerschein* – удостоверение на право на управления) как *Digitalführerschein*² – «право управления цифрой», включающее в себя учебные модули на тему дезинформации, а также предложения по подготовке и сдаче экзаменов в целях закрепления полученных знаний, и *Medienführerschein*³ – «право управления средствами массовой информации», цель которого состоит в том, чтобы дети, подростки и взрослые приобрели навыки, которые позволят им ответственно и самостоятельно использовать средства массовой информации в своей повседневной жизни, находить в них достоверную информацию. Проект оказывает поддержку учителям и педагогическим работникам в повышении цифровой грамотности детей дошкольного возраста и школьников посредством разработки и предоставления бесплатных учебных материалов, адаптированных к потребностям соответствующей целевой группы. По окончании обучения каждому участнику проекта выдается сертификат установленного образца – *Medienführerschein*.

¹ См.: München Tech Accord. – URL: <https://securityconference.org/aielection-saccord/> (дата обращения: 26.06.2024).

² См.: Der Digitalführerschein. – URL: <https://gegen-desinformation.difue.de/> (дата обращения: 26.06.2024).

³ См.: Medienführerschiern. Bayern. – URL: <https://www.medienfuehrerschein.bayern/home> (дата обращения: 26.06.2024).

Третий проект – «PolisiN»¹ («политики безопасно и уверено в Интернете») – разработан специально для политиков и государственных служащих и направлен на обучение работе с дезинформацией.

Министерством цифровых технологий и Министерством внутренних дел, спорта и интеграции Баварии также был создан альянс с операторами цифровых платформ и технологическими компаниями с целью обеспечения повышенной защиты граждан от дезинформации. В частности, компанией O₂ Telefónica с целью обучения работе с дезинформацией пожилых людей разработан сайт «Цифровая мобильность в пожилом возрасте»², где даются советы и рекомендации, как проверить достоверность новостей, содержатся обучающие видеоролики, под руководством медиапедагогов проводятся совместные проекты по теме демократии и дезинформации для детей и пожилых людей. Для школьников и молодежи проводятся семинары с целью обучения критической оценке информации, созданы цифровые интерактивные предложения по самообучению, заинтересованным родителям предоставляется возможность принять участие в цифровых мастер-классах вместе со школьниками, где можно научиться распознавать и предотвратить попытки манипулирования собой и своими детьми в цифровом пространстве.

Заключение

Таким образом, комплексный взгляд на состояние цифровизации в Германии выявляет двойственную картину: с одной стороны, правительство и граждане готовы продвигать цифровую трансформацию во всех сферах жизни, с другой стороны, ФРГ по-прежнему сильно отстает в европейском и международном сравнении.

Необходимо отметить, что несмотря на отставание в процессах цифровизации Германия демонстрирует высокие результаты

¹ См.: Poisi N. Politiker:innen sicher im Netz. – URL: <https://www.polisin.de/> (дата обращения: 26.06.2024).

² См. Digital mobil im Alter. – URL: <https://www.digital-mobil-im-alter.de/> (дата обращения: 26.06.2024).

прежде всего в области квантовых вычислений, беспилотного вождения и искусственного интеллекта, однако во многих областях еще предстоит многое восполнить. Ф. Клазен отмечает, что для устойчивого повышения уровня цифровизации Германии необходима последовательная стратегия, которая также зависит от частного сектора экономики: без экономической свободы будет меньше цифровых стартапов и цифровых инноваций; кроме того, ИТ-специалистов необходимо нанимать из-за границы, а собственные кадры обучать начиная со школы. Это единственный способ, с помощью которого Германия сможет сократить отставание в темпах цифровой трансформации на международном уровне и найти путь к разумной цифровизации¹.

Значительное продвижение вперед в вопросах цифровизации демонстрирует южная группа федеральных земель Германии: Баден-Вюртемберг и Бавария. 1 августа 2022 г. был принят Закон Баварии о цифровых технологиях, который регулирует цифровое управление и, впервые в национальном масштабе, определяет нормативную основу цифровизации общества в целом. Глава Министерства цифровых технологий Баварии Ф. Меринг подчеркивает: «За цифровизацией будущее... Цифровизация системы образования является важным шагом на пути к созданию общества, которое лучше всего будет подготовлено к изменениям на рынке труда в ближайшем будущем... Я хочу, чтобы и бабушка в Баварском лесу, и ученик начальной школы на Боденском озере поняли, какую ценность цифровизация имеет для их повседневной жизни»². Учитывая эти цели, а также для обеспечения реализации положений Закона Баварии о цифровых технологиях правительством федеральной земли при участии широкого круга заинтересованных сторон – от онлайн-опросов граждан до консультаций с крупными ассоциациями и ведущими цифровыми экспертами – была разработана комплексная стратегия «Цифровой план Баварии»,

¹ Klasen F. Digitalisierung in Deutschland: Wie digital sind wir 2024? – URL: <https://techminds.de/magazin/digitalisierung-in-deutschland/> (дата обращения: 26.06.2024).

² Interview zum Stand der bayerischen Verwaltungsdigitalisierung. «Der Staat muss wieder positiv konnotiert sein». – URL: <https://www.egovernment.de/der-staat-muss-wieder-positiv-konnotiert-sein-a-91325c72b192b195dda09e2fae68e9ba/?cft=rdt> (дата обращения: 18.07.2024).

включающий в себя совокупность из 200 конкретных мер, охватывающих все сферы жизни, первые из которых в настоящее время уже реализуются.

АЛФЕРОВ О.Л.¹, АЛФЕРОВА Е.В.² ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И «ЦИФРОВАЯ» ПРЕСТУПНОСТЬ (Обзор)

Аннотация. В данном обзоре представлены новые монографии, касающиеся вопросов использования информационных технологий в уголовном праве и уголовном процессе, и точки зрения ряда исследователей на проблемы их правового регулирования. Внимание к этой теме обусловлено активным развитием процессов информатизации и цифровизации и использованием их достижений в жизни человека, общества и государства. Вместе с тем, по оценкам исследователей, всё чаще информационные технологии находят свое применение не только в профессиональной и повседневной деятельности людей, но и в криминальной среде, используются в преступных целях и становятся всё более изощренными и опасными. Авторы книг не только классифицируют и характеризуют составы преступления в сфере информационных технологий, но и предлагают конкретные правовые решения многих проблем, связанных с ними.

Ключевые слова: информационно-коммуникационные технологии; информационное право; цифровое право; компьютерная преступность; информационная преступность: технотронная преступность.

ALFEROV O.L., ALFEROVA E.V. Information technologies and «digital» crime (Review)

¹ Алферов Олег Леонидович, ведущий редактор отдела правоведения ИНИОН РАН.

² Алферова Елена Васильевна, ведущий научный сотрудник отдела правоведения ИНИОН РАН.

Abstract. This review presents new monographs on the use of information technologies in criminal law and criminal procedure, and the views of a number of researchers on the problems of their legal regulation. Attention to this topic is due to the active development of the processes of informatization and digitalization and the use of their achievements in human life, society and the state. At the same time, according to researchers, information technologies are increasingly being used not only in people's professional and daily activities, but also in the criminal environment, used for criminal purposes and becoming more sophisticated and dangerous. The authors of the books not only classify and characterize the elements of crime in the field of information technology, but also offer specific legal solutions to many problems related to them.

Keywords: information and communication technologies; information law; digital law; computer crime; information crime: technologic crime.

Для цитирования: Алферов О.Л., Алферова Е.В. Информационные технологии и «цифровая» преступность (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер: Государство и право. – 2024. – № 4. – С. 83–96. – DOI: 10.31249/iajpravo/2024.04.06

Введение

Информационно-цифровые технологии проникли практически во все сферы деятельности современного человека. Их внедрение происходит быстрее, чем любых других инновационных разработок в истории человечества; их эффективное применение отражается на всех сторонах жизни общества и государства, в том числе негативной, обусловленной использованием таких технологий в противоправных целях. Как отмечают исследователи, количество преступных деяний возрастает параллельно с динамикой распространения этих технологий [2, с. 5–6]. Так, по данным ГИАЦ МВД России, в 2022 г. зарегистрировано 522, 1 тыс. преступлений, совершенных с использованием ИКТ или в сфере компьютерной информации. При этом доля таких преступлений в общей структуре преступности составляет более четверти (26,5%) [2, с. 68]. Наиболее массовыми видами преступлений с использованием ИКТ

в России признаются мошенничества и кражи денежных средств со счетов граждан и организаций. Ущерб исчисляется миллиардами рублей (в 2022 г. составил 65 млрд руб.) [2, с. 69]. То есть с развитием информационных технологий и стремлением государства к полной цифровой трансформации всех сфер общественной жизни, совершенствуются также инструменты совершения преступлений.

Информационные технологии и угрозы безопасности: уголовно-правовые риски

Наиболее значимые угрозы информационной безопасности возникают в следующих областях: 1) алгоритмическая обработка данных цифровыми платформами; 2) цифровая дискриминация; 3) персональные данные и большие данные; 3) кибератаки и компьютерное мошенничество; 4) кибербуллинг, троллинг и иные акты агрессии в цифровой среде; 5) информационные войны; 6) новые способы мониторинга и контроля со стороны государств, основанные на сборе и анализе данных [2, р. 15]. Криминогенные риски наиболее распространены в случаях использования технологий ИИ, блокчейна, Интернета вещей. Отдельные примеры таких рисков приводит доктор юридических наук С.В. Маликов; эти риски касаются в том числе угроз безопасности систем ИИ, реализуемых в разных сферах: в транспортной отрасли, в системах контроля доступа и обнаружения мошенничества с кредитными картами, в системах интеллектуальной идентификации человека. Так, при использовании блокчейна известны мошеннические атаки с фишингом, атаки троянками, на владельцев криптокошельков и на смарт-контракты. Инфраструктуры и устройства Интернета вещей уязвимы в случаях обнаружения слабых паролей, использования небезопасных сетевых серверов, ненадежных облачных и мобильных интерфейсов, недостаточной защиты конфиденциальности и др. [2, с. 16–31]. По мнению С.В. Маликова, анализ уязвимости отдельных информационных технологий, позволяет сделать вывод о том, что в отечественном уголовном законодательстве в части обеспечения информационной безопасности практически не учитывается следующая специфика информационной сферы: 1) информация

об уязвимостях таких систем и программного обеспечения, которые создают возможность совершать преступления, распространяется свободно; 2) уязвимости возникают и выявляются непрерывно, запросы к требованиям по обеспечению безопасности растут постоянно, что требует перманентной актуализации законодательства; 3) средства реализации преступления (специализированное программное обеспечение) может создавать человек, имеющий определенные навыки, в любой точке мира; 4) не существует средств, которые заведомо предназначены для совершения преступного деяния, любое средство атаки может использоваться как инструмент контроля защищенности; 5) распределение сфер ответственности осуществляется лишь в рамках одной информационной системы, не существует общего подхода к распределению ответственности за создание условий для преступления и др. [2, с. 31–32].

Научное исследование в рассматриваемой области, принятое в рамках монографии «Информационные технологии в уголовно-правовой сфере», подготовленной профессорско-преподавательским составом Московской академии Следственного комитета РФ и Института государства и права РАН, представляется весьма актуальным, оно сосредоточено на вопросах правового регулирования информационных технологий, проблемах уголовно-правового противодействия использованию этих технологий в преступных целях, специфике информационных технологий в уголовном судопроизводстве. Прежде всего авторы характеризуют ключевые стратегические документы, федеральные законы и постановления Правительства РФ, принятые в последние годы в России в области применения новых информационных (цифровых) технологий. Использование этих технологий связано со многими противоправными рисками, длинный список которых представлен в данной работе [2, с. 42–46]. В центре внимания авторов правовые запреты и обязанности, установленные законом в целях минимизации этих рисков, в том числе в критической информационной инфраструктуре, имеющей особое значение для национальной экономики и безопасности стран, а также обязанности владельцев социальной сети и цифровых платформ выявлять угрозы и риски, осуществлять их мониторинг в целях обеспечения безопасности интернет-ресурсов и предупреждения противоправных деяний.

Неправомерное воздействие на информационно-коммуникационную инфраструктуру признается уголовным преступлением. Так, в целях обеспечения безопасности и устойчивости функционирования критической информационной инфраструктуры при проведении в отношении ее компьютерных атак принят Федеральный закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации». В соответствии с этим Законом создана государственная система обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы Российской Федерации (ГопСОПКА).

В обозреваемом исследовании акцент также делается на правовых проблемах обеспечения защиты персональных данных (далее – ПД); цифровых финансовых активах, цифровой медицине, где развитие информационных технологий имеет высокий потенциал влияния на качество жизни; специфике применения искусственного интеллекта, квантовых коммуникаций и перспективных космических систем. Если говорить, в частности, об обеспечении защиты ПД, то этому способствует, по мнению докторов юридических наук Т.А. Поляковой и А.А. Смирнова, а также кандидата юридических наук А.И. Химченко, определение видов угроз безопасности ПД, применение организационных и технических мер и процедур оценки соответствия средств защиты информации и их эффективности до ввода в эксплуатацию информационной системы ПД, обнаружение фактов несанкционированного доступа к ПД и принятие соответствующих мер; восстановление ПД, уничтоженных или модифицированных вследствие несанкционированного доступа к ним, установление правил доступа к ПД и контроля над применяемыми мерами и обеспечения безопасности ПД и уровня защищенности информационных систем ПД и др. [2, р. 51–52]. Анализ обеспечения функционирования систем ИИ и роботехники, считают авторы, требует решения ряда вопросов, связанных с юридической ответственностью в этой сфере, а также правового статуса соответствующих технологий, правосубъектности ИИ, информационной безопасности [2, р. 63].

Правовой режим информационных технологий в целях борьбы с киберпреступностью

Компьютерная преступность, прежде всего, в кредитно-финансовой сфере, в области прав и свобод человека, в том числе касающейся неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны, персональных данных, в Доктрине информационной безопасности РФ 2016 г. и Стратегии национальной безопасности РФ 2021 г. рассматриваются как угрозы национальной и международной безопасности. Проблема противодействия использованию ИКТ в криминальных целях находится постоянно в центре внимания Генеральной Ассамблеи ООН; особо важное значение в борьбе с киберпреступностью имеют специальные резолюции ГА ООН А/55/63 и А/RES/56/121 «Борьба с преступным использованием информационных технологий, А/73/187 и А/74/247 «Противодействие использованию информационно-коммуникативных технологий в преступных целях». Однако, как отмечают Т.А. Полякова и А.А. Смирнов, до настоящего времени отсутствует универсальный международный договор, который регламентировал бы сферу борьбы с киберпреступностью [2, с. 71]. Первый проект Конвенции о сотрудничестве в сфере противодействия информационной преступности еще в 2017 г. Россия представила в ООН. В 2024 г. итоговый текст проекта конвенции должен быть предъявлен ГА ООН Специальным комитетом ООН по разработке этой международной конвенции.

Следует учитывать, что в 2018 г. в рамках СНГ было принято Соглашение о сотрудничестве государств – участников СНГ в борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий (первое такое Соглашение было принято еще в 2001 г.). Перечень уголовно наказуемых деяний с 2001 г. расширился с четырех до восьми, включая хищения имущества с использованием ИКТ и распространением экстремистских материалов в информационно-телекоммуникационных сетях.

Ученые признают, что до сих пор понятийный аппарат в сфере информационных технологий в полной мере не сформирован. Отсутствует единый подход в международных и национальных документах. Так, если в Будапештской конвенции о киберпреступности используется термин «киберпреступность», то в официальных

документах Российской Федерации и других стран СНГ, ШОС и ОДКБ – «информационная преступность», «преступность в сфере информационных технологий», «преступность в сфере компьютерной информации» и др. Наибольшие различия наблюдаются в научных исследованиях, где употребляются понятия «цифровая преступность», «киберпреступность», «преступность в сфере высоких технологий» и др. Авторы книги «Информационные технологии в уголовно-правовой сфере» придерживаются термина «преступления в сфере информационных технологий», полагая, что понятие «киберсфера» может быть без всяких потерь заменено понятием «информационная сфера» [2, с. 77].

По сравнению с Будапештской конвенцией в сфере компьютерной безопасности 2001 г., предусматривающей четыре вида киберпреступлений, в вышеупомянутом российском проекте конвенции ООН о противодействии использованию ИКТ в преступных целях 2021 г. данный перечень включает 23 состава преступления (ст. 6–28 проекта). Наряду с этим Т.А. Полякова и А.А. Смирнов замечают, что в уголовном законодательстве РФ сегодня отсутствует как общепринятая терминология для обозначения преступлений в сфере информационных технологий, так и четкий перечень таких преступлений – и это отражается на правоприменительной практике. В связи с этим упоминается указание Генерального прокурора РФ № 11/11 и МВД России № 1 от 17.01.2023 г., в котором называются 25 преступлений, совершенных с использованием ИКТ и в сфере компьютерной информации. Полный их список, с указанием конкретных статей УК РФ, дан в книге [2, с. 85].

Таким образом, исследование, проведенное авторским коллективом ученых, показывает значительное расхождение терминологических, содержательных подходов к определению преступлений в сфере информационных технологий, и проблема совершенствования правового регулирования рассматриваемой сферы остается актуальной [2, с. 90].

Информационные технологии как объект уголовно-правовой защиты

Участие ученых Московской академии Следственного комитета РФ и ИГП РАН в написании книги «Информационные технологии в уголовно-правовой сфере» позволяет взглянуть на проблемы использования информационных технологий не только с точки зрения науки уголовного права, но и раскрыть криминологические, криминалистические и процессуальные аспекты борьбы с преступлениями в сфере информационных технологий. Такой подход отражается в статьях глав 2–4, в которых комплексно рассматриваются следующие темы: информационные технологии как объект уголовно-правовой защиты (С.В. Маликов); соучастие и стадии преступлений, совершенных с использованием информационных технологий (Я.Н. Ермолович, В.А. Перов); уголовно-процессуальные основы досудебного производства по рассматриваемой категории уголовных дел (Н.В. Османова); цифровые технологии в уголовном процессе (Ю.А. Цветков) и алгоритмы формирования доказательств (В.А. Прорвич); теория и практика расследования компьютерных преступлений (О.Ю. Антонов, Т.А. Сааков, С.Ю. Скобелин, А.А. Бессонов, А.И. Бастрыкин). Важно то, что в этих главах работы содержатся выводы и практические рекомендации, которые могут быть использованы в науке и практике борьбы с «цифровыми» преступлениями.

Криминологическая характеристика технотронной преступности и противодействие этому виду преступности

Книга К.Н. Евдокимова, доктора юридических наук, профессора кафедры государственно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры РФ, «Противодействие технотронной преступности: теория, законодательство, практика», в рамках рассматриваемой темы обзора заслуживает особого внимания не только ввиду значимости исследования технотронной преступности и широкого круга исследованных автором вопросов, но и высокого уровня его профессионального мастерства, глубины познания проблем этого вида преступлений. Системное и аргументированное изложение слож-

ных вопросов, касающихся криминологической характеристики технотронной преступности, факторов, детерминирующих эту преступность, а также криминологической организации (инжиниринга) противодействия технотронной преступности, заслуживает внимания законодателей, ученых-юристов и представителей ИТ-технологий.

Термин «технотронная преступность» по отношению к понятиям «преступность в сфере информационных технологий», «компьютерная преступность», «киберпреступность», «цифровая преступность», по мнению К.Н. Евдокимова, выступает родовым понятием и включает в себя всю совокупность преступных деяний, посягающих на общественные отношения в сфере безопасного создания, использования, распространения не только коммуникационных и компьютерных технологий, но и когнитивных, космических, робототехнических и иных высоких технологий, основанных на использовании микроэлектроники (микропроцессоров) [1, с. 14]. Современное состояние, тенденции и перспективы развития технотронной преступности позволяют автору выдвинуть научную (частную) теорию «Анекселентотичной (неконтролируемой) технотронной преступности» о появлении «нового вида высокотехнологической преступности, пришедшей на смену традиционной компьютерной преступности и являющейся дальнейшей формой развития преступности с использованием высоких технологий, которая в силу латентности, организационного, профессионального, трансграничного, транснационального характера и самодетерминации вышла из-под контроля личности, общества и государства, представляя опасность для всех жизненно важных общественных отношений» [1, с. 16–17].

Технотронную преступность как сложное социальное и государственно-правовое понятие К.Н. Евдокимов определяет в узком и широком смыслах [1, с. 25–26] и на этом основании выделяет и рассматривает наиболее значимые признаки, характеризующие сущность этого вида российской преступности, взаимосвязанной с другими видами преступности в России [1, с. 26–29]. Структуру технотронной преступности в России автор рассматривает исходя из анализа нормативных, экспертных и доктринальных источников, прежде всего УК РФ, Доктрины информационной безопасности, указаний и официальной статистики Генеральной прокуратуры

РФ и др. Обобщенные данные об удельном весе, интенсивности совершения отдельных видов наиболее распространенных общественно опасных деяний в структуре российской технотронной преступности, динамика роста зарегистрированных, а также прекращенных, приостановленных или направленных в суд за 2015–2022 гг., представлены в таблицах 1–6 [1, с. 37–47]. Из анализа этих таблиц следует, что зарегистрированные технотронные преступления и лица их совершившие составили за последние пять лет почти 300%. То есть технотронная преступность растет в геометрической прогрессии. Так, коэффициент преступности на 100 тыс. населения, достигшего возраста привлечения к уголовной ответственности, вырос с 36,1 в 2015 г. до 430,8 в 2022 г., т.е. почти в 12 раз (1193, 4%) [1, с. 47]. Анализируя тенденции развития технотронной преступности, автор замечает значительное увеличение количества корыстных преступлений, совершенных с использованием информационных технологий (краж, мошенничеств, вымогательств, сбыта наркотических средств и др.). Изменяется и направленность хищений. Жертвами преступников всё чаще становятся обычные граждане, являющиеся клиентами банков, финансово-кредитных организаций. Хищения происходят с использованием средств социальной инженерии, их доля составила 50,4% [1, с. 49].

На основе анализа эмпирических данных, представленных в таблицах 7–12 [1, с. 52–62], автор «рисует» криминологический портрет «технотронного» преступника, который значительно изменился за последние десятилетия. Так, если в конце 1990-х – начале 2000-х среди компьютерных преступников преобладала молодежь в возрасте 16–25 лет, не обладающая профессиональными навыками в сфере IT-технологий, в настоящее время – это люди более зрелого возраста, работающие (либо уволенные) квалифицированными специалистами в сфере предоставления дистанционных, банковских, коммерческих, информационных и иных высокотехнологических услуг [1, с. 65].

Изучая судебно-следственную практику, статистические данные, экспертные оценки, результаты анкетирования сотрудников правоохранительных органов и компьютерных пользователей, контента интернет-ресурсов, публикаций в СМИ и других источников, К.Н. Евдокимов классифицирует детерминанты – основные факторы совершения технотронных преступлений в Российской

Федерации (причины, условия, обстоятельства совершения преступления) – по сферам общественной жизни: социальные, экономические, кадровые, организационно-технические, политические и др. Все эти факторы взаимосвязаны между собой и образуют комплекс таких факторов.

Значительное внимание в своей монографии К.Н. Евдокимов уделяет системе противодействия технотронной преступности, определяя ее основные цели, задачи, объекты, специализированные субъекты и меры, среди которых обозначаются экономические, общесоциальные, духовно-культурные, общие научно-технические меры противодействия технотронной преступности. К последним автор относит: формирование информационного пространства с учетом потребностей граждан и общества в получении качественных и достоверных сведений; развитие информационной и коммуникационной инфраструктуры Российской Федерации; создание и применение российских информационных и коммуникационных технологий, обеспечение их конкурентоспособности на международном уровне; обработку больших данных; искусственный интеллект; доверенные технологии электронной идентификации и аутентификации; роботехнику и биотехнологии и др. [1, с. 139].

Наряду с вышеуказанными общими мерами в работе рассматриваются и специальные правовые меры противодействия этому виду преступных деяний. Они касаются как совершенствования действующего уголовного законодательства, так и гражданского, административного, информационного и иного отраслевого законодательства. Если говорить об уголовном законе, то автор предлагает дополнить гл. 28 УК РФ новыми составами преступлений, например, ввести: ст. 272.1 «Незаконное завладение носителем компьютерной информации с целью осуществления неправомерного доступа к компьютерной информации»; ст. 273.1 «Приобретение, создание, использование и распространение вредоносной компьютерной сети (ботнета)»; ст. 274.2 «Незаконная рассылка компьютерной информации (спама) в нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи охраняемой компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей и окончного оборудования, а также правил доступа к информационно-телекоммуникационным сетям». Кроме того, предлагается переименовать гл. 28 УК РФ «Преступ-

ления в сфере компьютерной информации» на «Технотронные преступления» [1, с. 142]. Вместе с тем К.Н. Евдокимов считает важным сохранение преемственности, концептуального единства «цифровой» криминологии и уголовно-правовой доктрины XXI в. с традиционной криминологической теорией и классической школой российского уголовного права, основанных на принципах законности, равноправия, гуманизма и социальной справедливости [1, с. 139].

Хищения, совершаемые с использованием информационных технологий

Как действуют сегодня преступники, используя информационные технологии при совершении хищений, например, при кражах безналичных денежных средств, мошенничеств в отношении таких средств, присвоении и растрате, речь идет в монографии эксперта лаборатории антикоррупционной политики НИУ ВЭШ Р.М. Ушакова. Анализ уголовно-правового регулирования таких преступлений, судебной практики и официальной статистики позволил автору выявить негативную тенденцию увеличения количества зарегистрированных хищений, совершенных с использованием информационных технологий. По данным МВД России, в период с 2019 по 2022 г. оно увеличилось с 294 348 до 522 065 преступлений (рост 77,4%), из них краж – 21,7%, мошенничеств – 49,3% [3, с. 118–119]. Регионами наибольшего прироста являются: Московская область, Республика Саха (Якутия), Краснодарский край, Республика Адыгея, Ярославская, Челябинская, Тульская области и ряд других субъектов РФ.

Как замечает автор, для жертв хищений характерны доверчивость, неосторожность, неосмотрительность или рассеянность, отсутствие технических познаний. Криминологический портрет личности «цифрового» мошенника характеризуют такие его качества, как достаточно высокий уровень интеллектуального развития и материально-технического обеспечения своей деятельности, познаний в сфере юриспруденции и экономики. Использование информационных технологий в процессе совершения хищений увеличивает их общественную опасность. В связи с этим автор предлагает ввести новый п. 5 в ст. 158 УК РФ, предусматриваю-

щий уголовную ответственность за такого рода хищения, и увеличить санкции.

На основе анализа более 200 актов судов первой, апелляционной, кассационной и надзорной инстанций Р.М. Ушаков выделяет ряд проблем квалификации хищений, совершаемых с применением информационных технологий. Это проблемы, касающиеся: рассмотрения криптовалюты в качестве предмета хищения; квалификации преступлений, совершаемых в отношении криптовалюты, либо по ст. 159 и 272 УК УР, либо по ст. 159.6 и 272 УК РФ; разграничения составов хищений, совершенных с применением информационных технологий, и компьютерных преступлений, предусмотренных гл. 28 УК РФ; конкуренции составов преступлений, предусмотренных п. «г» ст. 158 (кража, совершенная с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств), и ч. 1 и 2 ст. 159.3 УК РФ; разграничения понятий кражи или мошенничества, совершенных «с банковского счета» и «в отношении электронных денежных средств»; квалификации присвоения и растраты, совершенных с применением информационных технологий; отграничения соответствующих составов кражи, мошенничества, злоупотребления служебными полномочиями и самоуправства и др. [1. с. 122–123].

Заключение

Обзор новых исследований ученых-юристов показывает, как важно сегодня не упустить из внимания законодателю и научной общественности проблемы использования информационно-коммуникационных технологий, обеспечения должного правового регулирования их применения в различных сферах общественной жизни, в том числе в криминальной, связанной с высокотехнологичной преступностью. В последние пять лет опубликовано много книг, исследующих влияние цифровизации на уголовное право и процесс судопроизводства¹. Для организации системной работы по

¹ См., напр.: Противодействие преступлениям, совершаемым в сфере информационных технологий / А.В. Андреев, В.В. Гончар, Н.Н. Горач [и др.]; под ред. И.А. Калиниченко. – Москва, 2022; Риски цифровизации: виды, характеристика, уголовно-правовая оценка / под ред. Ю.В. Грачевой. – Москва, 2021; Овчинский В.С. Криминология цифрового мира. – Москва, 2018; Русскевич Е.А.

предотвращению преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий, в этих книгах содержатся рациональные предложения по совершенствованию уголовного и уголовно-процессуального законодательства, криминалистической тактики и техники их расследования, по созданию единого информационного ресурс-портала с ограниченным доступом, содержащим необходимую литературу, методические рекомендации по расследованию киберпреступлений, с персональной авторизацией следователей и криминалистов для использования информации о возможностях расследования.

Список литературы

1. Евдокимов К.Н. Противодействие технотронной преступности: теория, законодательство, практика: монография / Иркутский юрид. ин-т (филиал) Университета прокуратуры РФ. – Иркутск, 2023. – 171 с.
2. Информационные технологии в уголовно-правовой сфере: монография / Моск. акад. Следственного комитета РФ, ИГП, РАН; под ред. А.И. Бастрыкина, А.Н. Савенкова. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2023. – 279 с.
3. Ушаков Р.М. Классификация хищений, совершаемых с использованием информационных технологий: монография. – Москва: Юстицинформ, 2023. – 160 с.

Уголовное право и «цифровая преступность»: проблемы и решения. – Москва, 2022; Уголовно-юрисдикционная деятельность в условиях цифровизации / Н.А. Голованова, А.А. Гравина, О.А. Зайцев [и др.]; Ин-т законодат. и сравн. правоведения при Правительстве РФ. – Москва, 2019; Концепция построения уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий (ГАС «Доступ к правосудию») / отв. ред. Л.Н. Масленникова. – Москва, 2022; Волинский А.Ф., Прорвич В.А. Компьютерная криминалистика в системе уголовно-правовой защиты «традиционной» и цифровой экономики. – Москва, 2020 и др.

ФИЛАТОВА А.О.¹, САПЕЛЬЧЕНКО Н.Е.² ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОХРАНЕНИЯ ГЕНЕТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ БИОТЕХНОЛОГИИ³

Аннотация. В статье на основе анализа современных исследований правовой и медицинской науки авторами проанализированы основные проблемы учета и сохранности генетической информации от несанкционированного использования, обосновывается значимость такого инструмента контроля в условиях развития современных технологий как мониторинг. Предлагается включить единую национальную систему генетической информации в архитектуру государственной информационной системы в области биологической безопасности, а также осуществлять централизованный мониторинг биологических рисков, к которым относится и использование генетической информации.

Ключевые слова: современные биотехнологии; мониторинг; генно-инженерная деятельность; государственная информационная система; национальная система генетической информации; биологическая безопасность; обеспечение биологической безопасности.

¹ © Филатова Анастасия Олеговна, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Калужского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России), старший научный сотрудник отдела правоповедения ИНИОН РАН, кандидат юридических наук, доцент.

² Сапельченко Наталья Евгеньевна, старший библиограф сектора НБИ по социальным наукам Института научной информации по общественным наукам РАН.

³ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00113, <https://rscf.ru/project/23-28-000113/>.

FILATOVA A.O., SAPELCHENKO N.E. Organizational and legal mechanisms for ensuring the preservation of genetic information in the context of the development of modern biotechnology

Abstract. Based on the analysis of modern research in legal and medical science, the authors analyze the main problems of accounting and preservation of genetic information from unauthorized use, substantiate the importance of such a control tool in the context of the development of modern technologies as monitoring. It is proposed to include a unified national system of genetic information in the architecture of the state information system in the field of biological safety, as well as to carry out centralized monitoring of biological risks, which include the use of genetic information.

Keywords: modern biotechnology; monitoring; genetic engineering activities; state information system; national genetic information system; biological safety; ensuring biological safety.

Для цитирования: Филатова А.О., Сапельченко Н.Е. Организационно-правовые механизмы обеспечения сохранения генетической информации в условиях развития современной биотехнологии // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2024. – № 4. – С. 97–110. – DOI: 10.31249/iajpravo/2024.04.07

Введение

Одним из проявлений технологического прогресса является внедрение новейших биотехнологий в жизнедеятельность человека. Несмотря на возможности, открываемые биотехнологией для медицины, экономики и политики конкретных государств, стоит признать, что понятие «биотехнологии» является противоречивой междисциплинарной категорией, последствия которых могут быть трагическими для населения конкретной страны или всего человечества в целом¹.

К основным видам современных биотехнологий относятся: генетическое редактирование, направленное на создание новых

¹ См.: Мохов А.А. Основы биологической безопасности. – Москва: Проспект, 2024. – С. 109.

видов продуктов питания и животных кормов; выведение новых штаммов полезных микроорганизмов; создание новых пород животных, выведение новых сортов растений; разработка препаратов, направленных на защиту растений от болезней и вредителей, развитие фармацевтики и т.д. С помощью репликативно-дефектных аденовирусных векторов, использующих ДНК-технологии, созданы и доказали свою эффективность многие вакцины¹.

Правовое регулирование генетического редактирования в клинической практике осуществляется на основе принципа предосторожности, ибо имеет неопределенность в том, какие последствия могут быть в будущем. Соответственно, как полагают специалисты, необходим учет рисков редактирования генома человека (соматического, зародышевого и наследуемого редактирования генома человека)².

Риски, возникающие в условиях стремительно развивающегося научно-технологического процесса, обуславливают потребность создавать новые правовые и этико-нормативные инструменты и образовывать системы, способствующие контролю за их внедрением в практику.

Всё чаще, как в отечественных, так и зарубежных правовых исследованиях ставится вопрос о важности выработки не только в целом механизмов, способствующих снижению потенциального риска биотехнологий, используемых в целях создания генетического или биологического оружия³, но и осуществлении их ком-

¹ См.: Мурашко М.А., Драпкина О.М. Организационные аспекты вакцинации против новой коронавирусной инфекции // Национальное здравоохранение. – 2021. – № 2 (1). – С. 5–11; Кравец И.А. Конституционная биоюриспруденция и достижение биоэтического благополучия (часть 1) // Сравнительное конституционное обозрение. – 2022. – № 2. – С. 16–42; Мохов А.А. Указ. соч. – 192 с.

² См.: Kolosova N.M. Modern Model of Genomic and Other Research Regulations // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. – 2020. – Vol. 13, N 6. – P. 1020–1027; Пестрикова А.А. Правовое регулирование генетического редактирования в клинической практике: проблемы и перспективы // Медицинское право. – 2023. – № 2. – С. 18–23.

³ См., напр.: Bioethics and Public Health Law / М.А. Bobinski [et al.]; Wolters Kluwer Law & Business. – 2018. – 818 p.; Каримов В.Х., Казанцев Д.А. Потенциальные угрозы использования генетических технологий и правовые пути их решения // Вопросы безопасности. – 2022. – № 1. – С. 48–63.

плексной автоматизации для предупреждения и защиты населения от воздействия биологических рисков и угроз. В целях управления биологическими рисками, осуществления их оценки и для их контроля, во-первых, осуществляется постоянный мониторинг, а во-вторых, создается государственная информационная система.

Правовое регулирование генно-инженерной деятельности как гарантия правовой защиты от потенциальных биологических угроз

В первой половине XX в. посредством активно развивавшегося международно-правового регулирования была создана основа для защиты от биологических рисков и угроз. В частности, были приняты: Конвенция о биологическом разнообразии (Рио-де-Жанейро, 1992); Конвенция о правах человека и биомедицине (Овьедо, 1997) (с изм. от 27.11.2008); Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении (Париж, 1993) (с изм. от 07.06.2020).

В настоящее время степень соблюдения вышеназванных международных актов остается условной, ряд исследователей указывают на формирование «мягкого» права в этой области¹. Кроме того, существует немало латентных форм их нарушения: покупка генетической информации о генотипах населения различных регионов мира, создание и деятельность биолaborаторий на территориях иностранных государств, проведение неподконтрольных исследований с генетической информацией человека².

Эти обстоятельства вызывают особое беспокойство. Тревозможность также порождает деятельность, связанная с возможностью использования полученных результатов в биоинженерии в качестве технологий двойного назначения. Ученые и практики от-

¹ См.: Лапаева В.В. Правовое регулирование в сфере исследований генома человека: история становления, современное состояние и перспективы развития // Правосудие/Justice. – 2022. – Т. 4, № 4. – С. 98.

² См.: Умнова-Конюхова И.А. Биологическая безопасность в международном праве и российском праве как новая сфера правового регулирования // Вестник Моск. гос. обл. ун-та. Сер. Юриспруденция. – 2023. – № 2. – С. 8.

мечают необходимость постоянного и ответственного контроля за разработкой биотехнологий¹.

Наиболее распространенным методом государственного контроля за использованием достижений современной биотехнологии в области генной инженерии является национальное законодательное регулирование. Обзор законодательного урегулирования позволяет условно выделить два основных подхода: специальный и комплексный.

К первой группе относятся государства, которые наряду со специальным законодательством в области генной инженерии приняли комплексный закон о биологической безопасности, предусматривающий организацию комплекса мер, направленных на предотвращение и защиту населения от воздействия различных видов биологических угроз, включая угрозу проектирования и создания патогенов с помощью технологий синтетической биологии, а также применение биологических технологий и иных смежных технологий для разработки, производства и использования патогенов в качестве биологического оружия, или бесконтрольное осуществление опасной техногенной деятельности, в том числе с использованием генно-инженерных технологий. В их числе Австралия, Белоруссия, Венгрия, Казахстан, Новая Зеландия, Россия, Таджикистан, Турция и другие страны.

Ко второй группе относятся государства, принявшие отдельные законы, в которых определяются правила обработки и деятельности с генетическими образцами и продуктами генетически модифицированных организмов, потенциально представляющих угрозу для общества, а также устанавливается юридическая ответственность за их нарушения. В их числе Мексика и ОАЭ².

¹ См.: Абашидзе А.Х., Маличенко В.С. Особенности регулирования обращения биотехнологий двойного назначения по международному и национальному праву // Вестник Российского ун-та дружбы народов = RUDN Journal of Law. Сер. Юрид. науки. – 2023. – Т. 27, № 3. – С. 541–563; Левандовская М.Г. О необходимости совершенствования уголовно-правового противодействия созданию и деятельности биологических двойного назначения // Вестник университета имени О.Е. Кутафина. – 2024. – № 4 (116). – С. 151–159.

² См.: Новикова Р.Г. Правовое регулирование в области оборота генно-модифицированных организмов (ГМО) в России и зарубежных государствах // Вестник Моск. гос. обл. ун-та. Сер. Юриспруденция. – 2021. – Т. 25, № 1. – С. 32–66.

Анализируя правовое регулирование, сложившееся на национальном уровне, следует отметить комплексный подход. Так, например, в Российской Федерации правовое регулирование в рассматриваемой области включает ряд нормативных правовых актов: Федеральный закон от 30.12.2020 № 492-ФЗ «О биологической безопасности в Российской Федерации», Закон о генно-инженерной деятельности; Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» и др.

Кратко рассмотрим их. Так, Закон о генно-инженерной деятельности в большей степени акцентирует внимание на правовом регулировании отношений в сфере природопользования, охраны окружающей среды, обеспечения экологической безопасности и охраны здоровья человека, возникающих при осуществлении генно-инженерной деятельности. Порядок осуществления генно-инженерной деятельности и применения ее методов к человеку, тканям и клеткам в составе его организма, за исключением генодиагностики и генной терапии, не является предметом регулирования данного Федерального закона. Указанный Федеральный закон включает всего 14 статей, и в отличие от аналогичных законов иностранных государств в нем отсутствует перечисление продуктов, относящихся к генетически модифицированным организмам, потенциально представляющих угрозу для общества, а также проведение экспертного контроля за создаваемыми генетическим способом биологическими организмами и самой генно-инженерной деятельности.

Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» закрепляет цели развития высокотехнологичной медицинской помощи, включающей в себя применение новых уникальных методов лечения, в том числе клеточных технологий, роботизированной техники, методов генной инженерии и др., разработанных на основе достижений медицины и смежных отраслей науки и техники. Вместе с тем механизмов предупреждения и профилактики от генно-модифицированных продуктов, представляющих потенциальную опасность, в законе не представлено.

В настоящее время отношения в области клинических исследований, связанных с геномом человека, регулируются Федеральным законом от 12.04.2010 № 61-ФЗ (ред. от 30.01.2024)

«Об обращении лекарственных средств», регламентирующим исследовательскую практику редактирования генома *in vivo*, а также Федеральным законом от 23.06.2016 № 180-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «О биомедицинских клеточных продуктах», который регулирует отношения в процессе трансплантации в организм человека генетически модифицированных клеток, производящих терапевтический белок. Биомедицинские клеточные продукты исследуются и применяются в мире для терапии системных заболеваний и представляют собой методы регенеративной медицины. Указанный Закон в большей степени, чем вышеупомянутые, регулирует проблемы обеспечения безопасности при осуществлении деятельности по созданию таких продуктов. В этом Законе нормативному регулированию подлежат: мониторинг безопасности в целях выявления возможных негативных последствий их применения, экспертиза деятельности, выдача лицензий и отсылочные нормы, предусматривающие юридическую ответственность за нарушение законодательства РФ об обращении биомедицинских клеточных продуктов. При этом, по мнению специалистов, в указанных законах не учтена в должной мере специфика генных препаратов, а в сфере соответствующего подзаконного нормативного регулирования отсутствует единое отношение к ним как к подгруппе лекарственных препаратов¹.

Несмотря на попытку законодателя обеспечить комплексное правовое регулирование генно-инженерной деятельности, требуется еще решение ряда проблем. Так, одной из них, является система открытого доступа к информации о генетических исследованиях и, в частности, генетическим паспортам вирусов. Как отмечает А.А. Мохов, непосредственная проблема состоит в том, что улучшенные методы сборки ДНК и осознание их возможностей сделали потенциальные пандемические вирусы доступными для негосударственных субъектов. Поэтому одним из вариантов обеспечения информационной безопасности при обнародовании сведений, касающихся генетических технологий, является непосредственное участие государства в регулировании публикационной активности средств массовой информации, так называемый мониторинг рас-

¹ См.: Лапаева В. Указ. соч. – С. 93–108.

пространения информации о генетической деятельности¹. Также требуется активное внедрение цифровых технологий в организационно-правовой механизм обеспечения сохранения генетической информации². Еще одним дискуссионным вопросом, связанным с отсутствием систематизированного хранения генетической информации, являются пробелы в законодательном регулировании биобанкинга в России. Среди потенциальных рисков генно-инженерной деятельности исследователи видят и использование генетической информации в коммерческих целях. По их мнению, генетическая информация о лицах, наряду с другими биометрическими персональными данными (дактилоскопической информацией, данным о внешнем облике человека, о строении радужной оболочки, о голосе), т.е. сведениями, которые можно накапливать и обрабатывать в специализированных информационных ресурсах, должна быть регламентирована в ст. 11 Федерального закона «О персональных данных» и вноситься в базы данных только с добровольного согласия граждан³.

В 2024 г. был принят ГОСТ Р 71251–2024. «Национальный стандарт Российской Федерации. Биотехнология. Биобанкинг. Термины и определения» (утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 14.02.2024 № 216-ст). Однако нормализация функционирования биобанков и их интеграция в государственные информационные системы требует большой организационно-правовой работы. Ученые замечают, что во многих зарубежных странах этот процесс уже давно активно развивается⁴.

¹ См.: Мохов А.А. Указ. соч. – С. 109.

² См.: Пономарева Д.В., Некотенева М.В. Геномные исследования и искусственный интеллект: проблемы правового регулирования на глобальном и региональном уровне // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – № 3. – С. 168–179.

³ См.: Каримов В.Х., Казанцев Д.А. Потенциальные угрозы использования генетических технологий и правовые пути их разрешения // Вопросы безопасности. – 2022. № 1. – С. 48–63.

⁴ См.: Косилкин С.В. Опыт правового регулирования деятельности биобанков в зарубежной практике и развитие российского законодательства // Вестник университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2020. – № 4. – С. 79–87; Крюкова Е.С., Рузанова В.Д. Правовой режим биобанков в отечественном законодательстве // Юридический вестник Самарского университета. – 2021. – Т. 7, № 1. – С. 57–62;

В связи с этим положительно в литературе оценивается и опыт Китая, в котором на уровне подзаконного регулирования устанавливаются административные правила, предусматривающие административную и уголовную ответственность за их нарушение при работе с клетками зародышевой линии генома человека¹.

Таким образом, проблема организации и правового регулирования генно-инженерной деятельности заставляет задуматься о необходимости принятия базового специального закона, в котором будет особое внимание уделено всем стандартным инструментам управления рисками, в том числе и цифровому мониторингу, посредством которого можно обеспечить контроль сохранности генетической информации. Соответственно, необходима и четкая система правового регулирования мониторинга за деятельностью субъектов обращения биомедицинского клеточного продукта, за распространением информации о генетической деятельности и сохранностью такой информации.

Взаимосвязь мониторинга биологических рисков и рисков в области генно-инженерной деятельности: к вопросу о необходимости создания государственной информационной системы биологической безопасности

Мониторинг в области биологических рисков и рисков в области генно-инженерной деятельности имеет основное предназначение – постоянное наблюдение за потенциально опасными биологическими процессами для оценки их состояния и прогнозов развития.

Федеральный закон от 30.12.2020 № 492-ФЗ «О биологической безопасности в Российской Федерации» в п. 4 ст. 8 к числу основных биологических угроз (опасностей) отнес: проектирование и создание патогенов с помощью технологий синтетической биологии, а также осуществление террористических актов и (или)

Пржиленский В.И. Биобанкинг в структуре правового регулирования генетических исследований: опыт стран Северной Европы // Вестник университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2021. – № 7. – С. 53–60.

¹ См.: Chen H.B., Chan B., Joly Y. Privacy and Biobanking in China: A Case of Policy in Transition // The Journal of Law Medicine & Ethics. – 2015. – № 43 (4). – P. 726–742.

диверсий с использованием патогенов, применение биологических технологий и иных смежных технологий для разработки, производства и использования патогенов в качестве биологического оружия, а также бесконтрольное осуществление опасной техногенной деятельности, в том числе с использованием генно-инженерных технологий. Одной из организационных мер, направленных на защиту от такого рода рисков населения и охраны окружающей среды, закон определил мониторинг, направленный на предупреждение и предотвращение опасной техногенной деятельности, в том числе возможного бесконтрольного использования генетических материалов и технологии синтетической биологии.

Мониторинг биологических рисков согласно ст. 13 вышеуказанного Федерального закона включает в себя выявление, анализ, прогнозирование, оценку и ранжирование биологических рисков на основе единых критериев, а данные мониторинга биологических рисков вносятся в государственную информационную систему в области обеспечения биологической безопасности. Закон также предусматривает порядок проведения мониторинга биологических рисков, включая установление единых критериев, которые утверждаются Правительством РФ. Вместе с тем такого постановления, включающего в том числе критерии ранжирования биологических рисков и методику определения уровней биологических рисков, в которых могли бы быть определены и риски от генно-инженерной деятельности, до настоящего времени так и не принято.

Законодательно также установлено, что отдельные исследования в области генно-инженерной деятельности подлежат анализу и учету. Предоставление информации (сведений) о реализуемых научных исследованиях в области биологической безопасности происходит на основе Правил предоставления информации (сведений) о реализуемых научных исследованиях в области биологической безопасности и проведения мониторинга разработок в области биологической безопасности, а также разработок продукции, в том числе созданной с использованием генно-инженерных технологий и технологий синтетической биологии (утв. постановлением Правительства РФ от 30.11.2021 № 2145). Данное постановление регламентирует порядок формирования, учета и хранения

сведений, поступающих в единую государственную информационную систему учета научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ гражданского назначения, фактически входящую в архитектуру государственной информационной системы в области биологической безопасности и выполняющую функцию отдельной подсистемы. Учет исследований, проводимых в области геномной инженерии, происходит на отдельной платформе – единой государственной информационной системе учета научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ гражданского назначения (далее – ЕГИСУ НИОКТР).

Одной из позитивных тенденций организации мониторинга за генетической информацией является попытка создания в России единой национальной базы генетической информации. В сентябре 2024 г. вступил в силу Федеральный закон от 29.12.2022 № 643-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О государственном регулировании в области геномной инженерии деятельности”», предусматривающий создание единой национальной базы генетической информации. Как указано в этом Законе, государственная информационная система призвана гарантировать суверенитет в сфере хранения и использования генетических данных, а также обеспечивать обмен информацией между госорганами и обладателями генетических данных. Законом определяется, что часть информации, содержащейся в информационной системе, будет общедоступной, другая же ее часть является закрытой, т.е. устанавливается режим государственной тайны. В системе будет храниться генетическая информация по всему многообразию биологических образцов, включая растения, животных, микроорганизмы дикой природы и метагеномы экосистем, сельскохозяйственных растений и животных, промышленные микроорганизмы, вирусы, исключая персонифицированные генетические данные человека, а также особо опасные патогенные микроорганизмы и вирусы.

Достоинством указанной системы, несомненно, является централизованное хранение генетической информации, что позволит обеспечить инвентаризацию генофондов, провести оценку динамики изменения селекционного потенциала Российской Федерации, сформировать систему мониторинга за использованием генетических технологий. Доступ к генетическим данным предоставляется пользователю системы после прохождения пользовате-

лем системы процедур идентификации, аутентификации и авторизации, которые осуществляются с использованием единой системы идентификации и аутентификации (далее – ЕСИА) через личный кабинет пользователя системы, что также поможет предотвратить использование данных иностранными гражданами и иностранными организациями.

Вместе с тем анализ текста, пока еще не вступившего в силу Закона, уже позволяет выявить ряд пробелов в создании данной государственной системы. Во-первых, предоставление информации в информационную систему иными обладателями генетических данных осуществляется на добровольной основе, что вызывает сомнение по поводу ответственного отношения организаций по представлению информационных данных. Во-вторых, в Законе отсутствует определение сроков и порядка привлечения к юридической ответственности за непредставление соответствующей информации или нарушение требований, предъявляемых законодательством. В-третьих, в ст. 42 постановления Правительства РФ от 31.01.2024 № 87 «О государственной информационной системе в области генетической информации “Национальная база генетической информации”»¹ определяются основные направления информационного взаимодействия создаваемой информационной системы с другими государственными информационными системами. Несмотря на то что список перечисляемых информационных систем в указанной статье является открытым и в нем упоминаются такие системы, как ЕГИСУ НИОКТР, ЕСИА и национальный информационный ресурс о популяционных иммунологических и генетических исследованиях, в данном списке отсутствует упоминание о взаимодействии с государственной информационной системой в области биологической безопасности, которая до настоящего времени не создана, но законодательно определена и в научной литературе исследуются отдельные элементы данной системы¹.

¹ См.: Филатова А.О. Право на получение информации о состоянии защищенности населения и окружающей среды от воздействия опасных биологических факторов и формирование государственной информационной системы в области биологической безопасности в Российской Федерации // Пролог: журнал о праве = Prologue: Law Journal. – 2023. – № 4. – С. 38–49.

Указ Президента РФ от 28.11.2018 № 680 «О развитии генетических технологий в Российской Федерации» определяет задачи ускоренного развития генетических технологий, разработки биологических препаратов, диагностических систем и иммунобиологических средств для сферы здравоохранения. В целях обеспечения биологической безопасности в Указе закрепляется необходимость формирования и ведения информационно-аналитической системы оперативного мониторинга, а также оценка рисков неконтролируемого распространения и использования этих технологий.

Включение системы генетической информации в структуру государственной информационной системы в области биологической безопасности представляется значимым, поскольку учет и хранение данных, осуществляемых единым центром мониторинга биологических угроз позволит комплексно оценить допустимый уровень биологического риска для населения, в том числе и от угроз, создаваемых в результате генно-инженерной деятельности.

Заключение

В настоящее время в Российской Федерации четко обозначились потенциальные риски генно-инженерной деятельности, отсутствие контроля за которыми может привести к снижению национальной безопасности. К числу проявившихся проблем в области регулирования и контроля за генетической информацией стоит относить: открытый доступ к информации о генетических исследованиях и в частности генетическим паспортам вирусов; отсутствие специализированного законодательного регулирования деятельности по биобанкингу в России; неконтролируемая возможность использования генетической информации в коммерческих целях; отсутствие подзаконного регулирования с определением критериев ранжирования биологических рисков и методики определения уровней биологических рисков, в которых могли бы быть определены и риски от генно-инженерной деятельности; несистематизированный учет и хранение генетических данных; отсутствие государственной информационной системы в области биологической безопасности.

Анализ научных дискуссий по рассматриваемой теме приводит к выводу, что решение существующих проблем возможно тра-

диционными для государства организационно-правовыми методами: путем совершенствования системы законодательного регулирования биоинженерной деятельности; постоянного мониторинга гено-инженерной детальности и экспертизы создаваемых генетических продуктов; создания государственной системы, обеспечивающей сохранность генетической информации, включаемой в государственную информационную систему в области биологической безопасности.

Достаточно актуальным представляется вопрос о создании подсистемы единой национальной базы – подсистемы, связанной с исследованиями в отношении хранения генетической информации граждан, затрагивающий как проблемы создания государственной информационной системы в области биологической безопасности, так и создание специализированного закона, регулирующего деятельность биобанков.

Представляется, что по аналогии правового регулирования коллекций патогенных микроорганизмов и вирусов и их разделения на государственные, рабочие и исследовательские подобная классификация могла бы быть применена к биологическим коллекциям клеток человека. Так, к примеру, уникальная программа Союзного государства России и Белоруссии «ДНК-идентификация» по воссозданию генотипа человека с целью применения в криминалистике должна быть отнесена к государственным биокolleкциям и иметь статус государственной тайны. В то же время коллекции, связанные с исследовательской деятельностью в области разработки вакцины – исследовательскими. К рабочим коллекциям, как представляется, стоит относить коллекции генов, содержащихся в медицинских лабораториях, занимающихся культивированием эмбрионов для экстракорпорального оплодотворения. Однако все также на повестке дня остается вопрос о наделении государственных органов дополнительными полномочиями по мониторингу таких коллекций, а также вопросы привлечения организаций к юридической ответственности за несвоевременное предоставление данных или их использование в нелицензируемых целях.

РЕЦЕНЗИИ

УДК 349

DOI: 10.31249/iajpravo/2024.04.08

АЛФЕРОВ О.Л.¹ РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: монография / под ред. А.В. Минбалеева. – Саратов: Амирит, 2023. – 442 с.

ALFEROV O.L. Book review: Promising areas of legal regulation of artificial intelligence: monograph / ed. by A.V. Minbaleev. – Saratov: Amirit, 2023. – 442 p.

Ключевые слова: информационное право; информационные технологии; искусственный интеллект; робототехника; правовое регулирование.

Keywords: information law; information technology; artificial intelligence; robotics; legal regulation.

Для цитирования: Алферов О.Л. [Рецензия] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. Государство и право. – 2024. – № 4. – С. 111–118. – Рец. на кн.: Перспективные направления правового регулирования искусственного интеллекта: монография / под ред. А.В. Минбалеева. – Саратов: Амирит, 2023. – 442 с. – DOI: 10.31249/iajpravo/2024.04.08

Анализируемая монография подготовлена профессорско-преподавательским составом кафедры информационного права и информационных технологий Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) в рамках программы «Приоритет 2030». Содержание книги отражает динамику развивающегося института информаци-

¹ Алферов Олег Леонидович, ведущий редактор отдела правоведения ИНИОН РАН.

онного права – правовое регулирование искусственного интеллекта (далее – ИИ); в ней исследуются состояние правового режима ИИ, основные направления и проблемы развития законодательства в рассматриваемой сфере. Характерными особенностями этой большой по объему работы следует признать высокий уровень мастерства авторов, исследующих, в принципе, новые и сложные для многих гуманитариев правовые и технические проблемы, связанные с использованием новых цифровых технологий. Следует отдать им должное в том, что в книге при наличии большого количества авторов, последовательно и логично выстроена ее структура, позволяющая системно и комплексно познакомиться с правовой природой ИИ и робототехники, вопросами использования технологий ИИ в таких ключевых сферах общественной жизни, как образовательная, здравоохранение, правосудие, корпоративное управление, военная сфера, транспорт. При этом в коллективной монографии затрагиваются не только теоретические проблемы правового регулирования использования технологий ИИ, но показана практика функционирования отдельных систем ИИ. Важно то, что в отдельной, завершающей главе 3 авторы попытались сконцентрировать и рассмотреть такие сложные и острые проблемы, касающиеся использования ИИ, как: юридическая ответственность ИИ, защита прав человека, противодействие коррупции, обеспечение кибербезопасности; защита генетической информации, Legal Tech и библиотечная сфера и др.

Естественно, что исследование таких прорывных алгометрических технологий, как ИИ, начинается с анализа стратегических документов, принятых в последние годы в России. Так, исходя из Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг., утвержденной Указом Президента РФ от 09.05.2017 г. № 203, авторы характеризуют ИИ как научное направление и передовую научно-техническую отрасль развития технологий и систем развития информационного общества, цифровой экономики, цифрового государственного управления и информационной безопасности, которые наряду с технологиями промышленного Интернета, биотехнологиями, геноинженерными технологиями являются движущим фактором Четвертой научно-технической революции (с. 11).

В своем исследовании авторы опираются не только на названную Стратегию, но и на специально разработанную Национальную стратегию развития искусственного интеллекта, утвержденную Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02. 2024), а также на Концепцию развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 г., утвержденную распоряжением Правительства РФ от 19.08.2020 № 2129-р. В связи с этим, следует заметить, что ИИ, согласно п. 17.1 указанной Национальной стратегии, определяется как одна из самых важных технологий, которая доступна человеку. Уже сегодня благодаря ИИ происходит рост мировой экономики, ускорение инноваций во всех областях науки, повышение качества жизни населения, доступности качеств медицинской помощи, качества образования, производительности труда и качества отдыха. По оценкам экспертов, ожидается, что благодаря внедрению технологий ИИ рост мировой экономики в 2024 г. составит не менее 1 трлн долл. США (п. 11).

Авторы книги опираются не только на определение понятия «искусственный интеллект», сформулированное в подп. а п. 5 Национальной стратегии, но и анализируют подходы к пониманию ИИ в юридической литературе. Так, профессор А.В. Минбалеев (параграф 2 гл. 1) комментирует некоторые определения ИИ, данные российскими учеными И.В. Понкиной, А.И. Редькиной, Г.Г. Камаловым, В.Б. Наумовым, А.Ю. Марченко и др. (с. 44–45). Анализируя зарубежные источники, профессор отмечает, что ИИ в иностранной литературе чаще понимают в прикладном аспекте как технологии или технологии и методы, обеспечивающие результаты, сопоставимые с результатами человеческой интеллектуальной деятельности (Великобритания, США и др. страны). При этом часто ИИ отождествляется с системами искусственного интеллекта (там же).

В качестве ключевых проблем, связанных с определением ИИ, в работе справедливо отмечаются следующие: 1) ИИ определяется через сходство с человеческими когнитивными способностями, что само по себе довольно спорно; 2) четко не определены признаки результатов интеллектуальной деятельности человека; 3) понятие «технологии ИИ» является примером нарушения законов логики, поскольку утверждение выводится само из себя (с. 48).

По мнению А.В. Минбалеева, сегодня актуальным является решение вопроса о том, на уровне какого регулирования, в каких нормативных правовых актах наиболее оптимально закреплять понятия «искусственный интеллект», «робот». Определение этих терминов в федеральном законе, с его точки зрения, представляется наиболее вероятностной моделью, но не единственной (с. 49). Важно подчеркнуть также то, что А.В. Минбалеев не ограничивается анализом точек зрения ученых на рассматриваемые понятия, а раскрывает этапы и перспективные направления правового регулирования ИИ в России, основные тенденции в регулировании использовании ИИ, а именно:

- сочетание различных механизмов социального регулирования использования ИИ (правового, этического, технического, локального и иных);

- обязательное обеспечение безопасности человека и его прав при использовании ИИ;

- сочетание концептуального регулирования всестороннего ИИ и регулирование наиболее острых, требующих немедленного решения проблем по отдельным технологиям ИИ (беспилотный транспорт, использование роботов в сфере услуг, телемедицина, обработка больших данных, навигация и др.);

- неоднозначность восприятия систем ИИ и роботов с позиций права и др.;

- необходимость решения этнических проблем использования ИИ и робототехники и др. (с. 54–56).

Много внимания в книге уделяется таким малоисследованным ключевым направлениям правового регулирования ИИ в России, как регулирование экспериментальных правовых режимов, устанавливаемых, в том числе, и в отношении применения ИИ; использование технологий ИИ, робототехники и соответствующего правового регулирования, например, в транспортной сфере (этому вопросу посвящена отдельная гл. 3, автор Г.А. Грищенко); в государственном управлении, где области применения ИИ весьма разнообразны и группируются по предметному принципу; в промышленности – автоматизация различных процессов, снижение издержек, повышение качества оказываемых услуг; в сфере финансов – предотвращение мошенничества, обслуживание клиентов, контроль правомерности деятельности субъектов экономи-

ческой деятельности и т.д. (параграф 1 гл. 2 автор – Е.В. Холодная, пар. 7 гл. 2, автор А.И. Химченко); в сфере образования – беспристрастная оценка уровня знаний, разработка индивидуальных программ обучения, реализация потенциала учащегося и др. (параграф 3 гл. 2, автор – Добробаба М.В.); в сфере здравоохранения – анализ медицинских изображений, поддержка здорового образа жизни, коммуникации с пациентами, рекомендации по тактике ведения пациентов и лечения и т.д. (параграф 3 гл. 2 автор – Е.В. Холодная); при осуществлении правосудия (пар. 4 гл. 2, автор – А.А. Суворов); в корпоративном управлении (пар. 6 гл. 2, автор – О.В. Сушкова); в военной сфере (пар. 8 гл. 2, автор – К.С. Евсиков).

Примеров успешного применения ИИ, например, в различных предметных областях информационного общества и государственного управления, в монографии приводится достаточно много. На основе их анализа, а также методов и технологий ИИ, основных направлений применения ИИ, Т.Л. Мартынова и Е.Ю. Санковская пришли к следующим выводам:

- ИИ требует радикальной трансформации управленческой деятельности, каждого вида деятельности в отраслях экономики и информационного общества;

- внедрение технологий ИИ кардинально изменяет отношения между гражданами и государством, гражданином и бизнесом, государством и бизнесом, отношения в системе государственного управления. От негативного воздействия технологий ИИ, используемых государством и бизнесом, права граждан нуждаются в эффективной защите;

- эра искусственного интеллекта уже наступила и требует соответствующего нормативно-технического и нормативно-правового регулирования (с. 42–43).

Следует подчеркнуть, что в данном исследовании авторы не обошли также вниманием проблемы и перспективы саморегулирования в сфере ИИ и этического регулирования. Здесь ученые рассматривают две ключевые точки пересечения институтов саморегулирования и технологий ИИ и иных цифровых технологий. Прежде всего, это внедрение ИИ в работу уже существующих механизмов саморегулирования, а также возможные перспективы развития саморегулирования за счет ИИ и других инструментов

цифровизации. Второе направление – саморегулирование в отдельных сферах предпринимательской деятельности на основе использования ИИ, а также применительно к случаям возможного объединения профессиональных участников, деятельность которых непосредственно связана с созданием и использованием технологий ИИ. Сегодня, утверждают они, можно говорить о цифровых конструкторах моделей саморегулирования. Этот вопрос с учетом зарубежного опыта выстраивания таких моделей рассматривается в монографии (с. 66–74).

Важно также то, что большое внимание в книге уделено проблемам этического регулирования использования ИИ, пределов этого регулирования. При этом следует отметить корректность авторов в изложении дискуссий: не вступая в полемику относительно качественного характера эффекта действия этического регулятора, они отмечают, что, в условиях отсутствия детального правового регулирования ИИ, этические нормы быстрее принимаются, внедряются и используются в сфере оборота и использования технологий ИИ. В связи с этим они полагают, что этическое регулирование должно осуществляться прежде всего государством. В качестве примера приводятся Руководящие принципы этики для надежного ИИ, принятые в Евросоюзе (с. 77–80). Приводятся и другие отличные примеры, например: в Австралии развитие этических принципов ИИ осуществляется на уровне крупных корпораций и транснациональных компаний. Так, после того как в январе 2019 г. Комиссия по правам человека Австралии выпустила технический документ «Искусственный интеллект: управление и лидерство», на его основе, как пишут авторы, Data61 из CSIRO предложила документ, призванный стимулировать обсуждение этики ИИ в стране. В этом документе содержится восемь основных принципов, которыми разработчики и правительство будут руководствоваться при развертывании систем на основе ИИ с соблюдением этических норм, как то: 1) создание чистой выгоды: системы ИИ должны приносить людям выгоды, которые перевешивают затраты; 2) не навреди: гражданские системы ИИ не должны наносить вред или обманывать людей, должны минимизировать негативные последствия; 3) соответствие нормативным и юридическим требованиям; 4) защита конфиденциальности; 5) справедливость: системы ИИ не должны приводить к неспра-

ведливой дискриминации отдельных лиц, сообществ или групп; 6) прозрачность и объяснимость: 7) состязательность: там, где алгоритм влияет на человека, должен быть эффективный процесс, позволяющий оспорить использование или результат работы алгоритма: 8) подотчетность: люди и организации, ответственные за создание и внедрение алгоритмов ИИ, должны быть идентифицированы и нести ответственность за воздействие этого алгоритма, даже если оно было непреднамеренным (с. 80–81).

Проблемы этического регулирования в сфере ИИ порождают значительное количество вопросов, которые предстоит решить обществу и государству: проблемы безработицы, замещения ИИ человека, сверхвозможности ИИ и др. Так, предполагается, что к середине 2030-х третья волна роботизации затронет 30% профессий. В связи с этим, считают исследователи, уже сегодня необходимо разрабатывать комплекс мер по обучению представителей большой группы профессий новым компетенциям, которые будут востребованы в будущем. Необходимо внести изменения в образовательное законодательство, касающиеся введения новых направлений и специальностей, стимулировать вузы к разработке курсов переподготовки новым профессиям, совершенствовать нормативное регулирование в части порядка взаимодействия человека с ИИ, на основе положений международных общепризнанных актов и рекомендаций профессионального экспертного сообщества закрепить этические принципы и нормы. Среди таких принципов выделяются два: прозрачность принятия решений ИИ и их объяснимость. Прозрачными и справедливыми могут быть решения ИИ, ориентированные на человека (с. 83–86).

Следует подчеркнуть, что авторы признают важность принятия качественного законодательства, касающегося использования ИИ и качественного юридического прогнозирования, приобретающего особую актуальность. Не случайно отдельный параграф 5 гл. 1 посвящен правовым проблемам проведения эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий ИИ (автор – А.И. Химченко). Одним из наиболее популярных проявлений «экспериментального правового режима» автор называет и детально рассматривает так называемые «регуляторные песочни-

цы». Наиболее характерные из них: офшорные, регулятивные, отраслевые, зонтичные, квази-песочницы, корпоративные (с. 92).

Интересной представляется описанная автором практика установления федеральными законами экспериментальных правовых режимов в Российской Федерации, например, Федеральным законом от 27.11.2018 № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима “Налог” на профессиональный доход» и др. (с. 100–101). Целями установления таких режимов признаются формирование новых видов и форм экономической деятельности; развитие конкуренции; повышение качества и доступности товаров, работ и услуг; повышение эффективности управления; привлечение инвестиций и т.д.

Следует согласиться с авторами, что нормативное правовое регулирование во всех направлениях применения ИИ должно носить комплексный характер и осуществляться поэтапно. Причем законодательный подход должен обеспечиваться решением разнообразных задач не только в сфере применения цифровых технологий, но и в области этики, связи, налогов, финансов и т.д. В любом случае правовое регулирование различных сфер общественной жизни, предусматривающих применение технологий ИИ и робототехники, должно осуществляться в рамках создания эффективной системы контроля и надзора за использованием данных инновационных решений (с. 121).

ГЛОТОВ С.А.¹ РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ИСАКОВ В.Б., МАМЦЕВ Р.В. ПРАВОВАЯ АНАЛИТИКА: СТУДЕНТЫ И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ НА ЭКЗАМЕНЕ. – Москва: Норма, 2024. – 244 с.

GLOTOV S.A. Book review: Isakov V.B., Mamaev R.V. Legal analytics: students and artificial intelligence on the exam. – Moscow: Norma, 2024. – 244 p.

Ключевые слова: правовая аналитика; правовая информация; интеллектуальная деятельность; искусственный интеллект; компетенции студентов.

Keywords: legal analytics; legal information; intellectual activity; artificial intelligence; students' competencies.

Для цитирования: Глотов С.А. [Рецензия] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер: Государство и право. – 2024. – № 3. – С. 119–127. – Рец. на книгу: Исаков В.Б., Мамцев Р.В. Правовая аналитика: студенты и искусственный интеллект на экзамене: монография. – Москва: Норма, 2024. – 244 с. – DOI: 10.31249/iajpravo/2024.04.09

С 2008/2009 учебного года на факультете права НИУ ВШЭ преподается курс правовой аналитики – дисциплины, нацеленной на формирование системного аналитического мышления, развитие творческих способностей студентов, навыков коммуникации, обучение приемам проектной и командной аналитической работы. Преподавание данной дисциплины ставит задачей формирование у студентов полезных аналитических навыков, включая поиск, ана-

¹ Глотов Сергей Александрович, ведущий научный сотрудник отдела правоведения ИНИОН РАН, доктор юридических наук, профессор.

лиз и структурирование правовой информации, правовую экспертизу нормативных актов, подготовку квалифицированных юридических заключений, аргументацию и обоснование правовой позиции; проведение правовых аналитических исследований, правовое аналитическое консультирование, составление юридических прогнозов, правовое аналитическое сопровождение производственных и научно-технических проектов, подготовку публикаций, обзоров и аннотаций по правовой проблематике, и др. Работа в указанном направлении опирается на активное овладение искусственным интеллектом, который во многом может и уже влияет в определенной мере на формы и методы преподавания, организацию учебного процесса, оценивание знаний, навыков, компетенцию студентов, а в ряде случаев и преподавателей.

В 2023 г. студентам – слушателям курса правовой аналитики было предложено написать эссе о перспективах использования в этой сфере искусственного интеллекта. Аналогичный вопрос был задан самому искусственному интеллекту – ChatGPT версии 3,5. Сравнение полученных результатов, как затем отмечали авторы монографии, породило яркую эмоциональную дискуссию, участником которой, де-факто, был искусственный интеллект (далее – ИИ).

Размышление над результатами этого учебного занятия привело авторов монографии – Владимира Борисовича Исакова, доктора юридических наук, профессора, Заслуженного юриста Российской Федерации, и известного специалиста в указанной области, его коллеги Радомира Вадимовича Мамцева, к мысли провести более широкое исследование – предложить искусственному интеллекту ответить на все 90 вопросов экзамена по правовой аналитике и сравнить полученные ответы с ответами студентов на те же самые вопросы. Данная инициатива была реализована ими в мае 2023 г., ИИ был представлен нейросетью ChatGPT компании OpenAI, в версии 3.5 – не самой продвинутой, но наиболее доступной сегодня в России. За рамками экзамена авторы также озадачили ИИ ответить на несколько актуальных общественно-политических вопросов.

Прежде всего заметим, что интересно сравнивать ответы на одни те же вопросы правовой аналитики ИИ и студентов. В итоге,

как показал анализ, студенты-магистранты в этом эксперименте оказались сильнее «машин», т.е. ИИ (нейросеть ChatGPT).

Для иллюстрации приведем небольшой фрагмент «перекрестного опроса», проведенного авторами книги на экзамене, позволяющий судить об особенностях мышления человека и машины.

Вопрос 1. *Понятие аналитики. Аналитика как функция мышления, как деятельность, как профессия и как социальный институт.*

(Ответ студентки магистратуры – Лосевой А.А.):

– В отношении содержания термина «аналитика» на данный момент отсутствует единство мнений. Хотя он зародился еще в глубокой древности, как российские, так и зарубежные исследователи предлагают различные подходы к понятию «аналитика». Например, в «Аналитическом словаре» под редакцией Ю.Н. Коптева собрано множество определений аналитики. Она понимается и динамически (например, как деятельность, процесс) и статически (например, как форма знания, оружие, система), различается по процессуальной содержательности (анализ, мышление, логика, познание) и инструментальной содержательности (культура, форма, средство преобразования). Приведем ниже некоторые определения.

А.Н. Темченко считает, что аналитика – это вид интеллектуальной деятельности в сфере государственного управления, предполагающий получение нового частного знания на основе обработки данных и иных видов информации. Е.А. Дербин под аналитикой понимает систему знаний, отражающих основы применения научных методов исследования при обработке информации. Ю.В. Курносов определяет аналитику как мощное интеллектуальное оружие в руках любого руководителя, высшее проявление профессионализма и компетентности в управленческой деятельности.

Анализ разнообразных подходов к термину «аналитика» в аналитическом словаре позволил выделить следующие обобщающие характеристики. Аналитика – это:

- 1) интеллектуальная активность в любых видах и формах;
- 2) обладающая такими особенностями, как практичность, полнота конкретных условий, технологичность, объективность, реалистичность, критериальность и логичность;

3) выраженная в исследовании, оценке, проектировании;

4) направленная на улучшение принимаемых решений».

Далее А.А. Лосева сосредоточила внимание на позиции В.Б. Исакова, который определяет аналитику как:

– творческую интеллектуальную деятельность по извлечению нового актуального знания из совокупности собранной информации;

– функцию человеческого мышления, опосредующую «способность человека к извлечению новых, актуальных и необходимых знаний из имеющейся или специально собранной информации;

– вид деятельности, под которой понимается процесс взаимодействия человека с миром, отличающийся активностью, целенаправленностью и осмысленностью, в рамках которого человек удовлетворяет свои потребности. Этот вид интеллектуальной деятельности имеет сложный, дифференцированный характер, множество форм и разновидностей (например, аналитика в бизнесе, в сфере внешней и внутренней политики, парламентская аналитика);

– самостоятельный социальный институт (организации аналитиков с их человеческим наполнением), который проходит стадию формирования. В настоящий момент все отчетливее выделяется группа людей – профессиональных аналитиков, которая занимается сбором, обработкой и анализом информации;

– профессию. Высшее образование откликается на потребности в решении различных аналитических задач во многих сферах общественной жизни. Так, например, в НИУ ВШЭ в рамках магистерской программы «История, теория и философия права» одним из обязательных является курс «Правовая аналитика».

Таким образом, резюмировала А.А. Лосева, следует признать многогранность и широкое поле использования термина «аналитика» в общественной жизни.

Далее авторы сравнивают ответ студентки, оцененный преподавателями на «отлично», с ответами ИИ.

Вопрос 1. *Понятие аналитики. Аналитика как функция мышления, как деятельность, как профессия, как социальный институт.*

Ответ ChatGPT:

– Аналитика – это процесс сбора, организации, интерпретации и применения данных для принятия решений. Это функция

мышления, которая представляет собой анализ информации с целью выявления тенденций, закономерностей, связей и причинно-следственных связей. Как деятельность, аналитика представляет собой процесс, который включает в себя сбор и анализ информации, а также ее интерпретацию с целью выявления значимых трендов, проблем и возможностей. Как профессия, аналитика представляет собой область деятельности, которая требует определенных знаний, навыков и опыта работы с данными. Профессиональные аналитики могут заниматься анализом данных в различных сферах деятельности, таких как бизнес, политика, финансы, наука и т.д.

Аналитика также является социальным институтом, так как в современном обществе она играет важную роль в принятии решений и развитии экономики, политики, науки и других областей.

– Есть что добавить по билету?

Ответ ChatGPT:

– Дополнительно можно отметить, что аналитика как функция мышления включает в себя различные этапы, такие как сбор данных, их обработку, анализ и интерпретацию. В зависимости от конкретной задачи, которую необходимо решить, аналитика может включать в себя использование различных методов и техник, таких как статистический анализ, математическое моделирование, экспертные оценки и т.д.

Также можно отметить, что аналитика имеет множество применений, в том числе в бизнесе (например, для прогнозирования продаж и оптимизации производственных процессов), в государственном управлении (например, для разработки стратегий развития регионов), в медицине (например, для анализа эффективности лекарственных препаратов) и в других сферах деятельности.

Извините, я не совсем точно выразился в своем предыдущем ответе. Конечно же, аналитика может базироваться на теоретических знаниях и концепциях, связанных с тем или иным предметом анализа. Например, в правовой аналитике используются теории права, юриспруденции, концепции судебной практики и т.д. Таким образом, можно сказать, что аналитика и наука могут пересекаться в теоретическом плане, но все же отличаются своей целью и подходом к анализу данных.

Несложно заметить, что ответы магистранта более «развернутые», убедительнее и т.д., чем «машины».

В.Б. Исаков и Р.В. Мамцев, соответственно, подвели итоги данного эксперимента и указали на несколько важных обстоятельств, которые необходимо учитывать при практическом использовании ИИ в юридической науке и образовании.

1. Искусственный интеллект в версии, используемой на эксперименте, настроен на выдачу коротких (не более страницы) хорошо структурированных ответов. Вполне очевидно, что данный характер ответов обусловлен огромным количеством обращений и большим разнообразием тем, т.е. данная модель ИИ принципиально не настроена на длительную, обстоятельную беседу академического типа. Но при другом типе настройки, вполне вероятно, от него можно получить более глубокие и содержательные ответы.

2. Более развернутые и содержательные ответы также можно получить, задав дополнительные вопросы. На практике это означает, что, готовясь к коммуникации с ИИ, надо иметь в запасе не только основной вопрос, но и список продуманных конкретизирующих вопросов.

3. В своих ответах ИИ учитывает информацию, содержащуюся в вопросе, доверяет ей и использует ее для самообучения. Это и плохо, и хорошо. С одной стороны, это приближает ответ машины к содержанию заданного вопроса. С другой стороны, нельзя исключить, что исходная информация, заложенная в вопросе, может оказаться неточной или намеренно искаженной.

4. Искусственный интеллект в данной версии не ссылается на конкретные источники, из которых он черпает информацию. На прямой вопрос, откуда он берет те или иные факты, ChatGPT отвечает, что «не делится подобной информацией». Более продвинутые версии ИИ лишены подобного недостатка. Это чрезвычайно важно, так как в любой науке, в том числе юридической, выводы должны быть проверяемыми и содержать указание на источники.

5. Искусственный интеллект доступных моделей не всегда различает реальные факты и версии, выдумки, предположения. Разработчики из OpenAI называют это явление «галлюцинациями», которые возникают вследствие того, что ИИ не всегда видит четкую грань между реальными и возможными событиями. Например, иногда ИИ делает уверенные утверждения о более

поздних событиях, чем те, о которых он мог знать, исходя из заложенной в него обучающей информации, т.е., смешивает факты и прогнозы.

6. Искусственный интеллект существующих моделей говорит на грамотном, интеллигентном, но «усредненном» русском языке, без какого-либо эмоционального окраса, метафор, ассоциаций, аллитераций, юмора и т.п. При некотором опыте общения с ИИ данный язык, несколько стерильный и «деревянный», вполне узнаваем. В печати были сообщения о разработке программ типа «антиплагиат», которые успешно распознают тексты, написанные ИИ.

7. В коммуникации с человеком ИИ использованной нами модели изъясняется просто, доступно, избегает специальной терминологии. При этом он старается создать впечатление о своей широкой информированности и компетентности, но в то же время никогда не пытается, как это случается с некоторыми людьми, маскировать свое незнание с помощью создания «интеллектуального тумана».

8. В общении с человеком ИИ корректен, не пугает собеседников интеллектуальными амбициями, завышенными претензиями, постоянно подчеркивает, что он всего лишь машина – помощник, а не конкурент для человека.

9. В научных и особенно в политических вопросах ИИ, как правило, придерживается «нейтралитета», не пытается поддержать одну из сторон, а занимает «среднюю линию», указывает основания для разных позиций. Этим он отличается от человека, который обычно более субъективен и сразу занимает в дискуссионных вопросах определенную сторону.

Из сказанного выше следует, что в сфере права и правовой аналитики искусственный интеллект может осуществлять широкий спектр действий: участвовать в законотворчестве, правоприменении, правовом консультировании, контроле за состоянием законности, правовой культуры, предупреждать о появлении или нарастании в обществе или в регионе негативных социальных тенденций и т.д. (с. 205–206).

Похвально то, что, исходя из директивных документов, научной литературы и результатов коммуникации, В.Б. Исаков и Р.В. Мамцев выявляют следующие наиболее очевидные направле-

ния использования искусственного интеллекта в законотворческой и правоприменительной аналитике:

1) анализ существующей системы законодательства в целях ее оптимизации, устранения дублирования и противоречий юридических норм. Создание предпосылок для отраслевой и межотраслевой систематизации и кодификации законодательства;

2) оптимизация структуры нормативных правовых актов. Создание предпосылок для формирования крупных кодифицированных правовых актов – электронных кодексов;

3) исследование проблем, составляющих предмет правового регулирования, для выявления всего набора возможных социально-правовых решений и выбора среди них оптимального варианта;

4) мониторинг и прогнозирование действия законодательства. Оценка эффективности действующих нормативных правовых актов на основе системы взаимосвязанных критериев;

5) выделение юридических фактов и доказательств из совокупности разнообразных неструктурированных данных;

6) разработка проектов законодательных и правоприменительных правовых актов;

7) подбор аргументации для формирования правовых позиций участников правоприменительного процесса. Анализ сильных и слабых сторон их правовых позиций;

8) прогнозирование вероятных правовых действий участников правоприменительного процесса, выработка оптимальной правовой стратегии и тактики;

9) правовая экспертиза и правовой консалтинг. Использование ИИ для расчета и обоснования цены, прибыли, вреда, стоимости имущественных комплексов, наследственных долей и т.п.;

10) замена, где это возможно, бумажных контрактов на электронные «умные контракты», использующие возможности искусственного интеллекта;

11) использование ИИ для подготовки и обоснования управленческих и кадровых решений;

12) создание архивов и баз данных законотворческой и правоприменительной информации, оснащенных эффективными поисковыми системами.

Заслуживает внимания вывод авторов о том, что применение искусственного интеллекта может изменить методологию правовой аналитики, обогатить ее новыми методами и подходами.

Представляется интересной точка зрения В.Б. Исакова и Р.В. Мамцева на такие формы применения ИИ в научной и образовательной правовой аналитике, как то: поиск, систематизация и предварительная обработка информации по конкретным запросам; консультирование по правовому проекту, проблеме, теме. Подготовка экспертных заключений; выявление смежных и междисциплинарных аспектов проблемы, требующих учета в комплексном научном исследовании; написание проектов, драфтов, предварительных вариантов научных и образовательных текстов и (или) выступлений; анализ выполненных научных и образовательных работ на предмет полноты освещения темы, завершенности работы, отсутствия ошибок и противоречий; выбор и систематизация аргументов «за» или «против» отдельных положений, решений, версий, вариантов; составление научно-вспомогательного аппарата: планов, резюме, аннотаций, рефератов, указателей; выбор или создание графических или художественных образов, иллюстрирующих научную работу или образовательный текст; прямое включение ИИ в аналитический или образовательный процесс в качестве участника (дискуссия или игра с участием искусственного интеллекта); анализ юридического языка, терминосистем законодательных актов и отраслей законодательства; подготовка правовых энциклопедий, справочников, словарей, тезаурусов; переводы юридических текстов на иностранные языки и с иностранных языков. Апостиль юридических документов; проведение сравнительных аналитических исследований; создание современных баз знаний в сфере юридической науки, образования и правовой культуры.

Данная монография заслуживает высокой оценки и будет востребована в современной науке и практике.

АЛФЕРОВА Е.В.¹, СКУРКО Е.В.² РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И НОРМАТИВНЫЕ ВЫЗОВЫ: МЕЖДУНАРОДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВАЯ ПЕРСПЕКТИВЫ / под ред. А. Корнилакис, Г. Ноускалис, В. Пергантис, Ф. Цимас.

ALFEROVA E.V., SKURKO E.V. Book review: Artificial Intelligence and Normative Challenges: International and Comparative Legal Perspectives / ed. A. Kornilakis, G. Nouskalis, V. Pergantis, T. Tzimas – Cham: Springer, 2023. – 274 p.

Ключевые слова: правовое регулирование ИИ; правосубъектность ИИ; юридическая ответственность; интеллектуальная собственность; права человека; международное гуманитарное право.

Keywords: legal regulation of AI; legal personhood of AI; legal responsibility; intellectual property; human rights; international humanitarian law.

Для цитирования: Алферова Е.В., Скурко Е.В. [Рецензия] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. Государство и право. – 2024. – № 4. – С. 128–138. – Рец. на кн.: Artificial Intelligence and Normative Challenges: International and Comparative Legal Perspectives / ed. A. Kornilakis, G. Nouskalis, V. Pergantis, T. Tzimas – Cham: Springer, 2023. – 274 p. = Искусственный интеллект и нормативные вызовы: международная и сравнительно-правовая перспек-

¹ Алферова Елена Васильевна, ведущий научный сотрудник, зав. отделом правоведения ИНИОН РАН, кандидат юридических наук.

² Скурко Елена Вячеславовна, старший научный сотрудник отдела правоведения ИНИОН РАН, кандидат юридических наук.

тивы / под ред. А. Корниакис, Г. Ноускалис, В. Пергантис, Ф. Цимас.
DOI: 10.31249/iajpravo/2024.04.10

Данная монография под редакцией Ангелоса Корниакиса, Георгиоса Ноускалиса, Василиса Пергантиса и Фемистоклиса Цимаса, исследователей из Аристотелевского университета Салоников (Греция), «Искусственный интеллект и нормативные вызовы: международная и сравнительно-правовая перспективы», издана в рамках серии «Право, управление и технологии».

Как указывают в вводной части ее редакторы, искусственный интеллект (далее – ИИ) вызывает сегодня как большие опасения, так и большие надежды. Фактическое и потенциальное влияние ИИ на все сферы человеческой жизни всё время расширяется, затрагивая практически все ее направления – как на коллективном, так и на индивидуальном уровне. Начиная от использования мобильных телефонов и социальных сетей – до «автономного оружия», от оцифровки знаний и информации до патентоспособных инноваций в области ИИ – возникают неожиданные до недавнего времени философские, онтологические, политические и юридические вопросы.

При этом, несмотря на значительные достижения ИИ, внутри него специалисты усматривают «парадигматический беспорядок». Этот «хаос» вызван, в том числе, отсутствием консенсуса в отношении сущностной природы или формальной основы ИИ, надлежащей теоретической и правовой базы, обосновывающей его использование. Тот факт, что изначальная цель создателей ИИ есть попытка воспроизвести человеческий интеллект, привела к двойственному отношению к ИИ, как машине, способной выполнять задачи, которые осуществляет человек, воспроизводить различные характеристики человеческого интеллекта, такие как сознание, самосознание, использование языка, способность к обучению, способность абстрагироваться и адаптироваться, способность рассуждать (р. 2).

Примечательно то, что авторы пытаются классифицировать ИИ на «слабые» и «сильные» модели, еще находящиеся на стадиях разработки. *Слабый ИИ*, называемый также искусственным узким интеллектом (Artificial Narrow Intelligence – ANI), – существующая форма ИИ. Хотя, по ряду показателей, он может превышать некоторые возможности человеческого интеллекта, а также проявлять

значительный уровень автономии, но демонстрировать это только в заранее определенной узкой области знаний. *Сильный ИИ* (Artificial Strong Intelligence) подразделяется на искусственный общий интеллект (Artificial General Intelligence – AGI) и искусственный супер-интеллект (Artificial Super Intelligence – ASI).

Искусственный общий интеллект (AGI), с точки зрения авторов, может показывать интеллектуальные способности, равные умственным возможностям человека; в будущем он способен адаптироваться к новым условиям, которые не были прямо предусмотрены разработчиками его программного обеспечения, выполнять множество функций.

В свою очередь, искусственный супер-интеллект подразумевает уровень интеллекта, превосходящий человеческий. Признается, что ASI в реальности может значительно превзойти умственные возможности человека.

Другой потенциальный сценарий: супер-интеллект станет «коллективным разумом» (collective intelligence). В настоящее время первые отдельные его проявления уже можно наблюдать, например, в коллективных научных исследованиях, в различных социальных сетях, в деятельности политических партий и движений и т.д. Как полагают авторы, ASI, теоретически, смог бы работать как некий «единый разум» и, в этом смысле, обладать качествами, отличными от умственных способностей отдельного человека (р. 3–4).

Наконец, в будущем, предполагается объединить ИИ с интеллектом человека, т.е. на Земле возникнет новый «биологический» вид, отличный, но не вполне чуждый человеческому существованию (р. 2).

Описывая текущее развитие ИИ, авторы сосредотачивают внимание на преимуществах, которые он влечет. Так, ИИ делает более предсказуемыми последствия ухудшения состояния окружающей среды или здоровья человека; оптимизирует выполнение различных видов деятельности, например, в сфере правосудия – сокращает судебные затраты и продолжительность судебных разбирательств; в сфере услуг – учитывает индивидуальные предпочтения; в медицине – точнее диагностировать различные заболевания и тем самым предотвращать их развитие; в сельском хозяйстве – повышает производительность; в правоохранительной сфере – по-

вышает безопасность человека благодаря новым системам борьбы с преступностью, например, способствует оперативному выявлению террористической пропаганды в Интернете или оповещению о запрещенных веществах, скрытых в продуктах; в транспортной сфере – способствует средствам передвижения стать более безопасными и экологичными; в области охраны окружающей среды, помимо своих прогностических преимуществ, ИИ может помочь в достижении целей устойчивого развития, поставленных ООН и др.

Искусственный интеллект обладает рядом уникальных функций: может писать музыку, статьи, принимать участие в военных действиях, решать математические теоремы, распознавать лица, водить машину, индивидуально подбирать товары или продукты и заказывать их, управлять индивидуальными активами, оценивать людей не только профессионально, но и юридически, координировать работу производств и заводов, проводить медицинские или политические исследования, – а в перспективе, не исключено – либо значительно укрепить возможности человечества либо подчинить его себе.

Следует согласиться с авторами в том, что ИИ как объект и субъект сложной научно-технологической эволюции порождает неопределенность в различных областях права и требует на законодательном уровне не только урегулировать складывающиеся отношения в этой области, но и предвидеть потенциальные изменения, с тем чтобы создать упреждающую нормативную базу. Это – актуальный вопрос и для международного права, в силу «безграничной» природы искусственного интеллекта (*borderless nature of AI*) и его использования в транснациональном контексте, и национального права.

Современное международное право и внутригосударственное законодательство, как показывает данное исследование, призвано сыграть важную роль в регулировании использования ИИ – как на основе действующих норм и институтов, так и путем формирования новых концепций, принципов и правил, гибких и «плюралистичных» нормативных форм.

Как отмечают авторы, первая попытка нормативного ответа на вызовы ИИ – это законодательные инициативы Еврокомиссии 2021 г. – Закон ЕС об искусственном интеллекте (*The Artificial Intel-*

ligence Act (AI Act)¹. Закон вводит три категории систем искусственного интеллекта: запрещенные; высокого риска; низкого риска. В отношении каждой из категорий предполагаются различные нормативные требования, связанные с контролем со стороны человека, прозрачностью, оценкой соответствия основным правам человека; обязательность регистрации в публичных реестрах – для систем ИИ высокого риска, и разработка этических кодексов – для систем

ИИ низкого риска.

В 2022 г. в Евросоюзе была разработана еще одна законодательная инициатива – Директива об ответственности ИИ (AI Liability Directive). Директива снимает бремя доказывания с истца в делах о дискриминационном обращении и причинении вреда, а также вводит опровержимую презумпцию наличия причинно-следственной связи вины ответчика и результатов работы системы ИИ. Кроме того, разработана нормативная база, предусматривающая строгую юридическую ответственность за деятельность, связанную с ИИ высокого риска. Эти правотворческие инициативы в ЕС представляют собой попытку адаптировать существующее законодательство к использованию систем искусственного интеллекта.

Заслуживает внимания цель данной монографии – изучить влияние искусственного интеллекта на различные области человеческой деятельности и, что важно – правовую реакцию на ИИ, включая вопросы правосубъектности ИИ; вины и юридической ответственности ИИ; вызовов, которые ИИ ставит перед режимами правовой охраны интеллектуальной собственности; влияния ИИ на права человека, а также воздействия ИИ на *jus ad bellum* и *jus in bello*.

Книга состоит из шести частей, разбитых на 13 глав.

¹ Закон принят Европейским парламентом 13 марта 2024 г. и одобрен Советом ЕС 21 мая 2024 г. Он устанавливает общую нормативную правовую базу для использования ИИ в рамках Европейского союза (предложен Еврокомиссией). Согласно этому Закону создается Европейский совет по искусственному интеллекту для содействия национальному сотрудничеству и обеспечения соблюдения Закона. Как и в Общих правилах защиты данных, Закон может применяться экстерриториально провайдером и за пределами ЕС, если у них есть пользователи внутри ЕС.

В первой части феномен ИИ исследуется с исторической и теоретико-правовой точек зрения. В центре внимания – проблема правового признания ИИ и наделения систем ИИ статусом юридического лица в различных контекстах и с учетом уникальных онтологических характеристик различных систем ИИ. Авторы признают, что правовые системы – национальные и международные в первую очередь ориентированы на человека или на государство, а правовое положение систем ИИ в рамках существующего законодательства обусловлено соответствующими приоритетами (человека или государства). Поэтому попытки наделения ИИ правосубъектностью пока сталкиваются с серьезными проблемами.

Тем не менее в монографии обсуждаются вопросы о том, какие условия должны лежать в основе признания правосубъектности ИИ, а также каковы могут быть подходы в этом вопросе в перспективе – при создании искусственного общего интеллекта (AGI) или искусственного суперинтеллекта (ASI): насколько для развития правового регулирования в отношении этих систем ИИ может потребоваться отличный подход, по сравнению с существующими системами ИИ. Кроме того, каковы должны быть пространственные и временные рамки для правосубъектности ИИ, какие ограничения вытекают из различий частного / гражданского и уголовного права, а также особенностей международного права при решении проблемы юридического признания «интеллектуальных машин» (р. 27).

Вторая часть монографии посвящена вопросам гражданской ответственности в связи с функционированием ИИ. Внимание привлекают следующие обсуждаемые авторами вопросы: ответственности «автономных машин» при заключении договоров (р. 65), факторов риска, связанных с ИИ, которые необходимо учитывать на стадии законодательного регулирования при определении (условий) гражданской ответственности.

Как замечают исследователи, институт ответственности в частном праве развивается сегодня под влиянием использования систем ИИ в различных гражданско-правовых отношениях. Однако остаются нерешенными многие вопросы, связанные с использованием ИИ: может ли ИИ быть привлечен к прямой гражданской ответственности и какие проблемы возникают в обязательственном и деликтном праве в отношении этого вида ответственности

при использовании ИИ? Следует ли признавать противоправным поведение разработчиков программного обеспечения, производителей, пользователей или тех, кто передает данные в компьютерные системы, не соблюдая принцип конфиденциальности? Как «слияние» человека и ИИ может повлиять на форму гражданской ответственности? и др.

Следует согласиться с авторами, полагающими, что в отношении систем ИИ в гражданском праве необходимо применять подход к управлению рисками, в рамках которого различные технологии ИИ будут подпадать под различные режимы юридической ответственности (р. 85).

В третьей части монографии исследуются проблемы уголовной и международно-правовой ответственности в связи с функционированием систем ИИ. Здесь интерес представляет концепция уголовной ответственности в условиях развития систем ИИ с учетом различных уровней их автономии. Авторы формулируют и ищут ответы на следующие актуальные вопросы: как можно разграничить ответственность человека и ИИ? Как изменяется субъективный элемент ответственности (анимус) в контексте ИИ? Изменяются ли причинно-следственные связи в случае применения ИИ? Как ИИ влияет на судопроизводство и правосудие? Приемлемо ли самостоятельное принятие решений автономными системами ИИ в отношении уголовной ответственности и вынесения приговора на основе надлежащего отправления правосудия и соблюдения процессуальных прав сторон судебного разбирательства?

Заслуживает одобрения позиция авторов, подчеркивающих необходимость сбалансированного диалога разработчиков и исследователей на стыке технологических новшеств и уголовного правосудия (р. 125).

Еще один важный аспект привлекает внимание в этой книге: исследование устойчивости норм международного права об ответственности государств по отношению к практике использования автономных программных агентов (Autonomous Software Agents – ASA), обладающих отдельной «правосубъектностью», для выполнения функций кибербезопасности. Поскольку такие агенты обладают способностью реагировать и принимать самостоятельные решения в своей среде без прямого контроля со стороны человека в режиме реального времени, авторы предлагают признать за ними

определенную форму правового статуса, чтобы переложить ответственность за их действия с человека на сами АСА, поскольку они способны учиться, адаптироваться и действовать в сложных условиях непредсказуемыми путями. По мнению авторов, такая эволюция в правовом регулировании должна быть согласована с международными нормами об ответственности государств (р. 109).

В четвертой части монографии анализируются вопросы интеллектуальной собственности в случае использования автономного ИИ. Как правило, ИИ включает как непосредственное программирование машин – с использованием определенного человеком программного кода, так и машинное обучение, при котором система ИИ самостоятельно подбирает ответ на основании разработки собственного «программного продукта». Разработка собственного «программного продукта», т.е. в процессе машинного обучения, создает проблемы, касающиеся формы правовой охраны интеллектуальной собственности и ее отнесения к той или иной системе ИИ.

Патентная охрана – наиболее подходящий способ защиты ИИ и его программных приложений, в том числе в рамках современной Европейской патентной системы (р. 147). В связи с этим представляется интересным описание патентной охраны, например, в Евросоюзе, США и Японии, где сложились различные подходы к ИИ, и это разнообразие уже влияет на существующие отношения к правовой охране систем ИИ в патентных системах различных государств и регионах мира. В связи с этим авторы задаются вопросом: как адаптировать действующее патентное право к автономному ИИ, в особенности к ИИ с более высоким уровнем интеллекта? Можно ли здесь провести аналогии с патентованием в других областях, например, в фармацевтике? Должны ли быть установлены ограничения для патентования материалов, способствующих развитию технологий ИИ, либо результатов работы ИИ, т.е. «изобретений», сделанных ИИ непосредственно? На эти и другие вопросы авторы пытаются дать ответы, отмечая при этом, что сегодня в основном сохраняется возможность «отследить» «изобретения» ИИ как восходящие к определенному человеку, который работает с соответствующей системой ИИ (р. 171).

Взаимосвязь между ИИ и правами человека рассматривается в части пятой монографии. Авторы видят в данном вопросе два аспекта. С одной стороны, продолжается дискуссия о том, может

ли ИИ быть «носителем» прав человека, – что неразрывно связано как с признанием за ИИ правосубъектности, так и с определенной концептуализацией «прав человека» применительно к ИИ. Так, если в современных правовых системах будет преодолена ориентация только на человека, для ИИ может быть предусмотрено, например, «право на существование» или «право на выживание» (a right of existence or of survival). С другой стороны, тема рисков, которые несет использование ИИ для современных прав человека, становится всё более актуальной в дискуссиях об ИИ. В целом, понятия и система прав человека могут быть как средством, способствующим развитию ИИ, в том числе, если ИИ используется для их укрепления и защиты, так и препятствием, ограничивающим применение ИИ, в том числе на его эволюцию в направлении «общего» или «супер-» интеллекта (AGI или ASI) (p. 193).

Вместе с тем для современной практики использования в ней ИИ не менее важным вопросом является наличие возможности перенесения реально существующих в обществе дискриминационных предубеждений через алгоритмические инструменты в системы ИИ, которые затем могут их воспроизводить. Сегодня этот аспект проблематики становится предметом широкого обсуждения и проработки в том числе в рамках правозащитных и международных организаций (p. 215).

Завершающая часть исследования, шестая, посвящена изучению последствий использования ИИ в международном гуманитарном праве и праве применения силы. Системы вооружения с использованием ИИ (AI Weapons Systems – AIWS) стали применяться в конфликтах, происходящих в местах, где отсутствует определенный территориальный суверенитет, таких как киберпространство или космическое пространство. Более того, AIWS могут использоваться в качестве ответных мер либо для противодействия аналогичному оружию, что может привести как к утверждению о вооруженном нападении со стороны того или иного государства, так и к действиям по самообороне. Использование AIWS на практике еще больше стирает грань между применением силы и операциями так называемой «низкой интенсивности». В результате такие системы вооружения могут представлять угрозу для системы коллективной безопасности и запрета на применение силы, в особенности учитывая, что AIWS могут действовать автономно (p. 237).

Авторы признают крайне тревожными случаи использования AIWS в отношении международного гуманитарного права (МГП). Искусственный интеллект здесь бросает вызов основным принципам МГП, таким как гуманность / гуманное обращение, необходимость, соразмерность или принятие мер предосторожности. С одной стороны, операции с использованием AIWS, как утверждает, более «точечны», что позволяют избегать человеческих жертв. Такие системы действуют без эмоциональной нагрузки, которая влияет на принятие решений людьми, и, таким образом, могут делать более «рациональный выбор», обеспечивающий лучшее соблюдение норм МГП. С другой стороны, данные, поступающие в такие системы, могут оказаться недостаточными для операций, в которых обе стороны используют AIWS. Вместе с тем использование ИИ в подобных ситуациях подрывает возможность контроля со стороны человека, а также предсказуемость и прозрачность как основной принцип применения ИИ, – поскольку, как замечают авторы, процесс машинного обучения сегодня абсолютно непрозрачен и не поддается объяснению (р. 255).

Следует подчеркнуть, что различные поколения AIWS – от беспилотных машин, принимающих кинетические решения, до полностью автономного оружия, способного выбирать и атаковать цели без участия человека, требуют соответствующей адаптации к нормам МГП и создают совершенно разные вызовы для МГП вообще. Хотя AIWS – в теории – могут сократить масштабы уничтожения и, следовательно, не могут рассматриваться как по своей сути незаконные – например, в соответствии с Договором по открытому космосу или МГП, окончательные решения, касающиеся их применения, должны приниматься исключительно человеком (р. 275). И с этой позицией авторов трудно не согласиться.

Таким образом, можно констатировать, что данная монография затрагивает множество актуальных вопросов, касающихся систем ИИ и нормативных вызовов, которые он несет. Работа может быть полезна как юристам-практикам и ученым-правоведам, так и инженерам – разработчикам систем ИИ и другим специалистам. Книга будет интересна всем, кого тревожит неконтролируемое развитие и внедрение систем ИИ в повседневной жизни и современном мире в целом.

НОВЫЕ НАУЧНЫЕ ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

СТАТЬИ И РЕЦЕНЗИИ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК 340

DOI: 10.31249/iajpravo/2024.04.11

СКУРКО Е.В.¹ КОНВЕРГЕНЦИЯ И ДИВЕРГЕНЦИЯ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ В ЭПОХУ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Аннотация. Конвергенция и дивергенция в правовой сфере привлекают внимание правоведов достаточно давно. Сегодня вновь возник интерес к этой проблематике, и связан он с мировыми общественно-политическими процессами, а также с кризисами – экономическим, международным, пандемическим, климатическим и другими. В данной обзорной статье анализируются новые научные исследования как сближения современных правовых систем, так и усиливающегося «раскола» между правовыми традициями мира. Приводятся примеры, отражающие взвешенное сочетание тенденций сходства и различий в развитии правовых систем Великобритании, Северной Ирландии и Ирландии – после Брекзита.

Ключевые слова: правовая конвергенция; правовая дивергенция; правовые семьи; правовые традиции.

SKURKO E.V. Convergence and Divergence of Legal Systems in the Era of Transformations

¹ Скурко Елена Вячеславовна, старший научный сотрудник отдела правоведения ИНИОН РАН, кандидат юридических наук.

Abstract. Convergence and divergence in the legal field have been attracting the attention of legal scholars for quite a long time. Today, there is renewed interest in this issue, and it is connected with global socio-political processes, as well as with crises – economic, international, pandemic, climate and others. This review article analyzes new scientific research reflecting the high degree of convergence of modern legal systems and the growing «split» between the legal traditions of the world. Examples are given reflecting a balanced combination of trends of similarities and differences in the development of the legal systems of Great Britain, Northern Ireland and Ireland after Brexit.

Keywords: legal convergence; legal divergence; legal families; legal traditions.

Для цитирования: Скурко Е.В. Конвергенция и дивергенция правовых систем в эпоху трансформаций // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2024. – № 4 – С. 138–148. – DOI: 10.31249/iajpravo/2024.04.11

Введение

Конвергенция и дивергенция в правовой сфере уже несколько десятилетий привлекают к себе внимание исследователей. Вновь возникший интерес к этим вопросам исследователи связывают с глобальными общественно-политическими процессами, а также мировыми кризисами последних лет – от экономических до пандемии COVID-19, а также разнообразными природными и техногенными катастрофами и проч. В ряде публикаций ученые обнаруживают высокую степень конвергенции современных правовых систем, однако есть научные разработки, в которых усматриваются наличие и углубление «раскола» между правовыми традициями мира. Практика показывает достаточно взвешенное сочетание тенденций на сближение и расхождение правовых систем, – в чем можно убедиться на примерах развития правовых систем Великобритании, Северной Ирландии и Ирландии – после Брекзита.

Конвергенция и дивергенция в понятиях правоведения

В современном правоведении термины *конвергенция* (*convergence*) и *гармонизация* (*harmonisation*) часто используются как

взаимозаменяемые – для описания, казалось бы, одного и того же процесса (или его результатов). Однако ошибочно полагать, что их можно приравнивать друг к другу. В действительности, «конвергенция» – это лишь один из аспектов, проявлений «гармонизации», – но отнюдь не одно и то же. Это – описание движения, при котором отдельные предметы с различными свойствами или чертами становятся похожими в течение определенного периода времени¹.

В контексте (взаимодействия) правовых систем и развития законодательства конвергенция может происходить в отношении конкретных законов, конкретного юридического субъекта или таксономии (например, законодательства о конкуренции, интеллектуальной собственности и т.д.), либо всей правовой системы в целом при сопоставлении с определенным стандартом. Однако конвергенцию от гармонизации отличают различные факторы, запускающие эти явления. Гармонизация законов или правовых систем, как правило, осуществляется по принципу «сверху вниз», когда, например, наднациональные органы, такие как Европейский союз (ЕС), ОЭСР, МОТ и др., сознательно стремятся к «правовой симметрии» («legal symmetry»). В таком случае соответствующий орган либо налагает на свои государства-члены обязательство принять определенные законы с целью согласования стандартов в рамках наднационального законодательства, либо оказывает на них давление для достижения определенных целей, таких как экономическая эффективность, глобализация рынков продуктов и услуг и т.п. Гармонизация отличается от конвергенции, где факторы, способствующие ее возникновению, являются неформальными, спонтанными и исходящими «снизу-вверх», без какого-либо заранее разработанного плана или повестки дня. Например, конкуренция между государствами за привлечение компаний, производств, капитала на свои рынки в силу условий формирования в соответствующих правовых системах «благоприятного» для этого правового регулирования, глобализация и принятие транснациональных договоров внесли важный вклад в сближение законодательства различных юрисдикций, особенно в области коммерческого и корпоративного права. То же самое можно сказать и о

¹ См.: Are Legal Systems Converging or Diverging? Lessons from Contemporary Crises / ed. E. Ghio, R. Perlingeiro. – 2024. – P. 21.

стремлении к обмену «передовым опытом» и наилучшими практиками в сфере правового регулирования между национальными государствами, а также международными организациями¹.

Таким образом, как подражание, так и заимствование законов в разных юрисдикциях являются фундаментальными характеристиками конвергенции: по мере возникновения новых проблем и поиска разными государствами их решений, обращаясь к опыту друг друга, правовые системы сближаются.

Существуют различные формы конвергенции, например, «формальная» и «функциональная». В случае формальной конвергенции «внешний вид» и форма принимаемых (или принятых) законов и иных нормативных правовых актов либо одинаковы, либо сопоставимы в разных юрисдикциях. В случае функциональной конвергенции схожи или сопоставимы правовые последствия (результаты правового воздействия) – в нескольких странах – но не сами правовые формы. То есть, в случае функциональной конвергенции, в отличие от формальной, для достижения требуемых изменений в правовой сфере и результатов правового регулирования вполне возможно реформирование совершенно других нормативных актов и правовых институтов. Например, различные государства устанавливают порядок отстранения от должности руководства компаний и корпораций, однако этот вопрос по-разному регулируется в национальном корпоративном праве².

Существует еще одно важное различие между формами гармонизации, или конвергенции, которое может носить «негативный» или «позитивный» («negative» or «positive») характер. «Негативной» гармонизацией, или конвергенцией, признается «дерегулирование», например, в трудовом праве, когда наднациональная организация предписывает своим государствам-членам проводить реформы, сокращающие объем трудового законодательства и широту его применения. Напротив, о «позитивной» гармонизации говорят, когда изменяется и дополняется имеющееся правовое ре-

¹ См.: Ibid. – P. 22.

² См.: Are Legal Systems Converging or Diverging? Lessons from Contemporary Crises. – P. 22.

гулирование – например, с принятием законов о новых формах социальной защиты и т.п.¹

Существует еще одно понятие, тесно связанное с правовой конвергенцией. Это – *правовой, или юридический, «трансплант»* («*legal transplant*»). Это понятие относится к идее о том, что правовая норма или система права могут быть выделены и довольно легко перенесены из одной страны в другую или от одного народа к другому. То есть «юридическое заимствование», или «рецепция законов» в целом сходны с концепцией «правовой трансплантации»².

Такой подход критикуется «контекстуалистами» и «культуралистами». Контекстуалисты оспаривают понятие правовой трансплантации по той причине, что право не является каким-то автономным явлением, а в значительной степени зависит от социального, экономического и политического контекста, а также культурных норм и традиций принимающего государства. Что касается культуралистов, они утверждают, что «правовая трансплантация» бессмысленна. По их мнению, юридическая трансплантация невозможна на том основании, что законы или системы права, заимствованные принимающим государством, настолько сильно изменяются в зависимости от контекста, что значительно отличаются от первоначального источника и становятся практически неузнаваемыми³.

Обратный конвергенции права процесс – это *юридическая дивергенция*. Особенности данного явления получили лишь фрагментарное освещение, в основном в целях более подробного изучения явлений юридической конвергенции. Однако, по мнению специалистов, юридическая дивергенция как явление, формируемое в правовой сфере, нуждается в отдельном изучении⁴.

Сам термин «*дивергенция*» происходит от лат. «*divergo*» и означает «отклоняться». Универсальность значения этого термина определила его широкое распространение как в науке, так и в рам-

¹ См.: Are Legal Systems Converging or Diverging? Lessons from Contemporary Crises. – P. 23.

² См.: Ibid.

³ См.: Ibid. – P. 24.

⁴ См.: Митропан И.Ю. Понятие и содержание юридической дивергенции // Вестник Владимирского юрид. ин-та. – 2018. – № 2 (47). – С. 185.

ках общественной практики – от биологии и географии до авиации и мореплавания. В социологии «дивергенция» – это расхождение признаков изначально сходных социальных общностей; в политологии – дивергенция характеризует явление, связанное с увеличением качественного и количественного разнообразия политических процессов, систем и культур¹ и т.п.

Право является социальным институтом, и, с этой точки зрения, дивергенционные процессы для него так же актуальны, как и для функционирования общества в целом. В юридической литературе под *юридической дивергенцией* понимается процесс внутреннего и внешнего взаимодействия элементов права и правовой системы, выраженный в расхождении организации форм права, требований правовых норм, отдельных частей единой или близких правовых систем².

Дивергенция может означать не только процесс, но и сложный комплекс социальных последствий, возникающих под влиянием взаимодействия права и иных социальных и несоциальных элементов, обладающих регулятивным потенциалом. В первом случае юридическая дивергенция – это конкретная правовая данность. Например, «декодификация» правового источника, обособление отличного от права социального регулятора и т.п. Во втором случае речь идет о более сложном и несколько умозрительном процессе. Его изучение позволяет выявлять социально-правовые закономерности и др.³

В соответствии с распространенной научной традицией, дивергенцию также рассматривают в широком и узком смыслах: как явление юридической дивергенции – в широком, и как дивергенционно-юридический процесс – в узком⁴.

¹ См.: Митропан И.Ю. Указ соч. – С. 186–187.

² См.: Там же. – С. 187.

³ См.: Там же. – С. 187.

⁴ Там же.

Спор о направленности правового развития: сближаются или отдаляются правовые системы стран современного мира?

Дискуссии вокруг феноменов правовой конвергенции и дивергенции в последнее время достаточно широки в юридической литературе. До сих пор споры о том, являются ли правовые системы сближающимися или расходящимися, т.е. происходит ли конвергенция или дивергенция, как «основной» процесс в правовом развитии и взаимодействии правовых систем, – продолжаются.

Ряд исследователей придерживается позиции, что национальные правовые системы не существуют изолированно друг от друга; они взаимодействуют и ведут «правовой диалог», который способствует их совершенствованию, развитию и общим изменениям.

Вместе с тем, количество кризисов за последние два десятилетия достигло рекордно высокого уровня, в то время как их природа была чрезвычайно разнообразной – от экономических кризисов до глобальных пандемий. Казалось бы, правовая конвергенция здесь должна быть поставлена под вопрос. Тем не менее, изучение процесса развития конкретных областей права за последние 20 лет в отдельных юрисдикциях (например, законодательство о банкротстве в США; трудовое право в Великобритании; семейное право в Чили; договорное право в Германии; экологическое право в Китае; иммиграционное законодательство в России и др.) с целью определения того, действительно ли правовые системы в целом сближаются во времена кризиса, скорее, свидетельствуют о конвергенции¹.

Конвергенция, как указывалось выше, – явление, при котором государства заимствуют стандарты, принципы и правила из других юрисдикций или наднациональных/международных структур и организаций, не отказываясь от своих собственных: законодатели «пробуют», «нащупывают» пути правового развития, в том числе, «примеряя» на себя подходы и стандарты других государств и рекомендации международных организаций. Вместе с тем конвергенция – это процесс правового соперничества и «конкуренции» государств между собой, а также постепенной адаптации

¹ Are Legal Systems Converging or Diverging? Lessons from Contemporary Crises / ed. E. Ghio, R. Perlingeiro. – 2024. – P. 343–344.

государств к законодательству друг друга. Конвергенция в праве – поиск консенсуса между государствами, выявление «наилучшей практики» в различных сферах правового регулирования, объединение мнений по тому или иному юридическому вопросу, за которым следует политическое соглашение и правовая реализация. Конвергенция обычно является результатом того, что государства в действительности сталкиваются с одними и теми же проблемами и, следовательно, выбирают схожие решения, учитывают опыт друг друга¹.

В эмпирических исследованиях последних двух десятилетий отмечаются две парадоксальные тенденции: 1) расширение сотрудничества и сближение правовых норм по мере того, как государства находят общие проблемы и ищут оптимальные варианты их решения; или 2) предпочтение решениям государств, которые ставят во главу угла национальные интересы, защиту суверенитета, отказ от наднациональных стандартов и гармонизации законодательства. Это, в свою очередь, может привести к правовой дезинтеграции, дивергенции².

Так, ряд исследователей придерживается позиции, что сегодня в мире господствует дивергенция в праве. Например, они считают, что на современном этапе различие между правовыми семьями (или правовыми традициями) – континентальной и англо-американской правовых семей – становится центральным. Более того, некоторые современные исследователи в сфере права и экономики склонны разделять мировые правовые системы еще глубже – на те, которые основаны на английском общем праве, французском праве, немецком праве, скандинавском праве и др.³ Если поступать таким образом, то сам подход к исследованию, его метод может быть изменен так, что данные о правовых системах и правовом развитии будут обобщаться в рамках национальных правовых традиций – еще более усугубляя разрыв между ними⁴.

Пытаясь избежать крайностей, сравнительно взвешенный подход реализуется при изучении действительных практических

¹ См.: Are Legal Systems Converging or Diverging? – P. 344.

² См.: Ibid. – P. 344–345.

³ См.: Common Law – Civil Law: The Great Divide? / ed. N. Bersier, C. Bezemek, F. Schauer. – 2022. – P. 10.

⁴ См.: Ibid. – P. 11.

проблем правового развития государств, непосредственно и остро испытывающих интенсивные процессы в связи с влиянием или, напротив, прекращением влияния «третьих стран» и субъектов международного права на внутреннее правовое развитие.

«Брексит» и остров Ирландия: опыт юридической дивергенции и конвергенции

Великобритания реализовала свое стремление к «Брекситу, ориентированному прежде всего на суверенитет» («a sovereignty-first Brexit»). Отдав приоритет автономии, в том числе в правовом регулировании, вместо доступа к рынкам и открытым границам в Евросоюзе правительство Великобритании пытается осмыслить свои новообретенные свободы¹. На сегодняшний день в правительстве было выдвинуто более 50 инициатив, направленных на внесение изменений в нормативные правовые акты, принятые в период членства в ЕС. Однако до сих пор отсутствует единая стратегия, раскрывающая смысл и значение (правовой) дивергенции для Великобритании, прогнозирующая экономические издержки или новые возможности, которые может повлечь это для будущего страны².

Брексит инициировал крупнейшие изменения в британском правовом регулировании и правовой системе Великобритании получила (вернула) полномочия во многих областях, которыми ранее руководил ЕС; внутренние государственные органы и учреждения получили значительные новые обязанности; теперь Великобритания является суверенным, независимым субъектом на все более противоречивой мировой арене. Так, с одной стороны, в особенности в экономической сфере, страна вынуждена развивать правовое регулирование «с нуля». С другой стороны, выход из единого рынка ЕС открывает Великобритании и новые возможности³.

Тем не менее, по мнению исследователей, хотя законодательная и административная система Великобритании сегодня получила независимость от Брюсселя, еще неизвестно, насколько далеко Ве-

¹ См.: Spisak A., Britto D. After Brexit: Divergence and the Future of UK Regulatory Policy. – 2021. – P. 3.

² См.: Ibid.

³ См.: Spisak A., Britto D. – P. 3.

Великобритания решит активно отходить от сохранившихся в правовой системе страны правил и институтов, развитых в период нахождения в (правовой) системе ЕС. Нельзя исключать того, что оптимально действовать так, чтобы свести к минимуму будущие разногласия со своим крупнейшим торговым партнером в интересах экономики страны, т.е. сохранять регулирование, интегрированное в правовую систему страны в период нахождения в Евросоюзе¹.

Вместе с тем, у Великобритании могут быть веские и законные основания выбирать иные подходы к развитию правового регулирования, чем в ЕС. Это связано с тем, что в определенных областях внутренняя политика Великобритании и потребности страны в правовом регулировании нередко расходятся с целями и потребностями, вытекающими из влияния и бывшего членства в ЕС. Например, Великобритания может встать на путь поиска способов повышения своей конкурентоспособности или внедрения инноваций, в том числе в области правового регулирования².

В отношении востребованности правовой конвергенции между Ирландией и Северной Ирландией на современном этапе ученые отмечают значительное расхождение (считая с 1922 г.) правовых систем, правовых знаний и правовых связей между Республикой Ирландия и Северной Ирландией, входящей в Соединенное Королевство, несмотря на многие точки соприкосновения, обусловленные общим членством в Евросоюзе и Совете Европы: каждая из правовых систем рассматриваемых регионов, развивалась своим путем, почти не взаимодействуя друг с другом. Дивергенция несколько уменьшилась благодаря общему для этих двух юрисдикций обязательству следовать — на протяжении почти 50 лет — правилам ЕС. Кроме того, дивергенция снижалась за счет особенностей судебной практики. Как в Белфасте, так и в Дублине было принято рассматривать решения и аргументацию английских судов как имеющих значение в некоторых областях правоприменительной практики³.

¹ См.: Ibid.

² См.: Ibid. — P. 4.

³ См.: Legal Convergence and Divergence on the Island of Ireland: Report of the North-South Legal Mapping Project to the Shared Island Unit / Doyle O., Kenny D., McCrudden C., Ní Aoláin F. — 2022. — P. 5.

Однако эти «точки соприкосновения» не возникли в результате какой-либо попытки законодательства одной юрисдикции учесть законодательство другой. Правовая граница на острове существует в действительности а также остается таковой в сознании многих (даже, возможно, большинства) политиков, законодателей, юристов, ученых и судей.

По мере того, как общее членство в ЕС закончилось в связи с Брекситом и по мере расширения дебатов о будущих отношениях Север-Юг и Восток-Запад, пробелы в знаниях и взаимопонимании создают серьезные проблемы на общем (для британской части – Северной Ирландии, и остальной части Ирландии – как самостоятельного государства) острове Ирландия. Они затрудняют планирование как для частных лиц, так и для компаний и корпораций, которые живут и работают через границу, они усугубляют последствия Брексита для Ирландии. В настоящее время общественность и ученые двух регионов на острове Ирландия предпринимают усилия по устранению пробелов в знаниях друг о друге, в том числе в правовой сфере, в целях способствовать росту взаимопонимания¹.

Заключение

Несмотря на высокий интерес и широкое употребление термина «конвергенция», как показывает опыт, понятие конвергенции в правовых исследованиях остается во многом не ясным и с юридико-технической точки зрения избыточным. Понятие «дивергенция» остается крайне слабо разработанным, хотя термин достаточно широко употребляется (однако, как правило, в сочетании «конвергенция и дивергенция»). Примеры, которые изучаются как «опыт конвергенции» правовых систем, в основном носят политический характер – с ограниченной проекцией в правовую сферу. Трудно сказать, что более распространено в современной практике – «конвергенция» или «дивергенция» правовых систем.

¹ См.: : Legal Convergence and Divergence on the Island of Ireland.

ИВАНОВА А.П.¹ БОЛЬШИЕ ДАННЫЕ И ПРАВО НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ

Аннотация: Начало эпохи больших данных безусловно ознаменовало собой рост возможностей человека в части экономического роста, научно-технического прогресса и даже рядовых, рутинных задач. В то же время, развитие больших данных существенным образом повлияло на конституционное право каждого человека на неприкосновенность частной жизни. В статье рассматриваются различные аспекты такого влияния, а также анализируются недостатки современных законов о защите персональных данных, из-за которых они теряют свою эффективность в эпоху больших данных.

Ключевые слова: защита персональных данных, большие данные, Интернет вещей, искусственный интеллект, цифровизация, информационные технологии.

IVANOVA A.P. Big data and the right to privacy

Abstract: The beginning of the era of big data certainly marked the growth of human capabilities: in terms of economic growth, scientific and technological progress, and even ordinary, routine tasks. At the same time, the development of big data has significantly affected everyone's constitutional right to privacy. The article examines various aspects of such influence, as well as analyzes the shortcomings of modern personal data protection laws, due to which they lose their effectiveness in the era of big data.

¹ Иванова Ангелина Петровна, младший научный сотрудник отдела правоведения ИНИОН РАН.

Keywords: personal data protection, big data, Internet of things, artificial intelligence, digitalization, information technology.

Для цитирования: Иванова А.П. Большие данные и право на неприкосновенность частной жизни. (Обзорная статья) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. Государство и право. – 2024. – № 4. – С. 149–163. – DOI: 10.31249/iajpravo/2024.04.12

Введение

Каждый раз, когда пользователи выходят в Интернет, используют приложение на своем телефоне, покупают что-то онлайн, они часто не задумываются, что веб-сайты и программные продукты собирают информацию о них, и, более того, не имеют понятия о том, что происходит с этими данными впоследствии.

На самом деле, подобные «цифровые следы» сохраняются, анализируются, передаются и продаются, т.е. компании распоряжаются ими по своему усмотрению. Использование этих данных может быть весьма неожиданным, иметь нежелательные для субъекта последствия, в том числе нести за собой моральный и материальный вред. Например, пользовательское поведение в контексте просмотра веб-страниц может быть использовано для таргетинга рекламы, чтобы идентифицировать конкретного потребителя в качестве офисного работника, должника или человека, нуждающегося в медицинской помощи¹.

Одно исследование показало, что данные о местоположении отслеживаются почти всеми приложениями на современных смартфонах «с поразительной детализацией, с точностью до нескольких метров» и, более того, «в некоторых случаях обновляются более 14 000 раз в день»². Такие сведения представляют огромную ценность для тех, кто ее получает. За последние десятки лет информация приобрела особое значение – стала главным фактором производства и получила статус «новой нефти»³.

¹ Houser K.A., Bagby J.W. Next-generation data governance // Duke law & technology law review. – 2024. – Vol. 21, N 1. – P. 62.

² Ibid. – P. 62.

³ Stach C. Data is the new oil—sort of: a view on why this comparison is misleading and its implications for modern data administration // Future Internet. – 2023. – Vol. 14, N 2. – P. 1.

Монетизация данных представляет собой большой бизнес. По состоянию на 2024 г., размер рынка данных составил 4,87 млрд долларов США, к 2029 г. прогнозируется его рост до 14,99 млрд долларов США¹. Появление феномена больших данных в совокупности с их аналитикой на основе искусственного интеллекта лишь увеличило объем сбора и использования информации, а значит, стало одним из основных факторов развития рынка данных.

Влияние больших данных на права человека

Большие данные не имеют единого устоявшегося определения. В российской научной среде большие данные часто определяются как «технологии и архитектуры нового поколения для экономического извлечения ценности из разноформатных данных большого объема путем их быстрого захвата, обработки и анализа»².

Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг., утвержденная Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203, в подп. «к» п. 4 дает определение «обработки больших объемов данных» как «совокупности подходов, инструментов и методов автоматической обработки структурированной и неструктурированной информации, поступающей из большого количества различных, в том числе разрозненных или слабосвязанных, источников информации, в объемах, которые невозможно обработать вручную за разумное время». Как справедливо отмечает доцент кафедры информационного права Уральского государственного юридического университета А.Н. Гулемин, попытки дать легальное определение напрямую понятию «боль-

¹ Анализ размера и доли рынка монетизации данных – тенденции роста и прогнозы (2024–2029 гг.) // Mordor Intelligence. – URL: <https://www.mordorintelligence.com/ru/industry-reports/data-monetization-market> (дата обращения: 12.07.2024).

² Найдич А. Большие данные: насколько они большие? [Электронный ресурс] // Компьютер Пресс. – 2012. – URL: <http://compress.ru/article.aspx?id=23469> (дата обращения: 12.07.2024); Садовникова Н.П., Щербаков М.В. Технологии анализа данных: учеб. пособие. – 2021. – С. 7.; Садовникова Н.П., Парыгин Д.С., Щербаков М.В. Системы поддержки принятия решений: учеб. пособие. – 2021. – С. 54.

шие данные» на национальном уровне до сих пор не увенчались успехом¹.

В мировой практике чаще всего данное явление характеризуют через три его ключевых признака: объем, скорость и разнообразие. Иногда к этим характеристикам добавляются также изменчивость и значение данных².

Технологии больших данных фактически превратили современный мир в мир повсеместного сбора и анализа информации. При этом информация может использоваться не только для анализа образа жизни, мировоззрения и предпочтений отдельной личности, но и для исследования основных тенденций в поведении различных социальных групп, а также общества в целом. Указанные изменения неизбежно трансформируют большинство сфер общественной жизни.

Так, профессор школы права Квинслендского технологического университета Австралии М. Бёрдон высказывает мнение о том, что в эпоху развития больших данных изменяется сама концепция политической власти. Автор обращается к произведению французского философа Ж. Делёза «Посткрипtum к обществам контроля», в котором описывается общество контроля – особый режим власти, постепенно вытесняющий дисциплинарные общества. Ж. Делёз утверждает, что общество контроля представляет собой фундаментальный отход от дисциплинарных обществ, которые стремятся загнать индивидов в определенные рамки³.

Политическая власть в подобном типе социума связана с невидимым мониторингом и выявлением паттернов с целью прогнозирования поведения индивидов и оказания на него воздействия. М. Бёрдон подчеркивает, что в условиях общества контроля люди в определенной степени лишаются свободы мысли и свободы соб-

¹ Гулемин А.Н. Пределы обработки больших объемов данных для целей получения информации о человеке: правовой аспект // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. – 2022. – № 6. – С. 53.

² Садовкин А.А. Сложности перехода российской экономики к новому технологическому укладу // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – Т. 2/3 (89). – С. 241.

³ Цит. по: Burdon M. Digital data collection and information privacy law. – 2020. – P. 293–294.

ственных действий, поскольку их поведение становится предсказуемым и даже предопределенным¹.

Появление и развитие больших данных фактически стало технологической основой для реализации указанной формы контроля. В современном мире отдельные участники рынка имеют возможности не только прогнозировать поведение индивидов, социальных групп и популяций, но и оказывать воздействие на такое поведение (ставить цели и определять результаты своего развития таким образом, чтобы они лучше соответствовали прогнозируемому будущему).

Всё это влечет серьезные последствия для прав и свобод человека, и в первую очередь, для права на защиту неприкосновенности частной жизни.

Большие данные – новый вызов для законодательства о защите персональных данных

Ещё до появления Интернета сбор данных был неотъемлемой частью бизнес-процессов, поскольку анализ и прогнозирование потребностей и пожеланий покупателей и клиентов – основа любой предпринимательской деятельности. Именно обработка персональной информации (например, отслеживание истории покупок или запросов пользователя в сети Интернет) позволяет наилучшим образом достигать этой цели. Сбор данных имеет решающее значение для маркетинга и разработки продуктов, систем здравоохранения, алгоритмического прогнозирования потребностей потребителей и многих других аспектов повседневной жизни. С развитием Интернета и новых технологий потребители теперь ежедневно пользуются веб-сайтами, приложениями и умными устройствами, которые сохраняют личную информацию.

Повсеместный сбор и анализ больших данных, активно растущий в настоящее время, в корне бросает вызов традиционным мерам защиты конфиденциальности информации. Юридически неясно, будут ли такие данные классифицироваться как типы информации, находящиеся в сфере регулирования закона о персо-

¹ Цит. по: Burdon M. Digital data collection and information privacy law. – 2020. – P. 293.

нальных данных. Большие данные, которые могут быть собраны из многих источников, теперь используются для прогнозирования поведенческих моделей потребителей. Это устраняет необходимость собирать непосредственно персональные сведения.

В контексте больших данных член консультативного совета Лаборатории цифровой демократии Школы права Уильяма и Мэри К.А. Хаузер, профессор Пенсильванского государственного университета Дж.У. Бэгби выделяют несколько типов данных, которые представляют различный риск для неприкосновенности частной жизни.

Первичные («сырые») данные собираются регулярно и включают в себя наблюдения о людях, животных, предметах или условиях (например, о местоположении, скорости, температуре). Сами по себе первичные данные немного могут сказать о субъекте, которому они принадлежат, ввиду чего не представляют особых рисков для неприкосновенности частной жизни.

Производные данные – это «информация, которая может быть получена из множества точек данных об отдельном человеке или из связей отдельного человека с определенными группами»¹. В эпоху больших данных главный акцент делается на повторном использовании данных, имеющих немалую ценность в современном мире². Поскольку субъекты персональных данных не знают о таком анализе и повторном использовании их личной информации, они не имеют понятия о том, что представляют собой новые производные данные, как они используются и связаны с другими сведениями. В то же время полученная информация может использоваться как для прогнозирования поведения пользователя, например, какой фильм следует порекомендовать Netflix, так и, что более важно, для вычисления вероятности совершения определенным лицом преступления³. Хотя эти данные собираются и анализируются частным сектором, «информационные брокеры» потенциально могут предоставлять их и государственным органам.

¹ Houser K.A., Bagby J.W. Op. cit. – P. 65.

² Савельев А.И. Проблемы применения законодательства о персональных данных в эпоху «Больших данных» (Big Data) // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2015. – № 1. – С. 54.

³ Houser K.A., Bagby J.W. Op. cit. – P. 65.

Профессор Университета Британской Колумбии В. Вонг, аспирант Центра криминологии и социально-правовых исследований Университета Торонто Дж. Дункан, профессор Калифорнийского университета в Сан-Диего Д.А. Лейк также отмечают, что в отличие от методов этичного потребления в сфере охраны окружающей среды, где проблема заключается в установлении цепочки поставок от леса или фермы до потребителя, информация может быть выпущена в свободный оборот без ограничения по конечным пользователям. Эти данные могут служить относительно «безобидным» целям, таким как маркетинг, или более серьезным, таким как государственный надзор. В любом случае, трудно определить, как используются данные после их получения¹.

В эпоху больших данных организации заинтересованы в том, чтобы собирать как можно больше данных в пределах своих возможностей для их хранения и последующего использования, характер которого предугадать невозможно². Указанные свойства технологий обработки больших объемов информации привели, как минимум, к двум последствиям для неприкосновенности частной жизни.

Последствие 1 – неэффективность концепции информированного согласия в эпоху больших данных. Большинство законодательных актов в области защиты персональных данных (Общий Регламент о защите персональных данных, Закон Калифорнии о защите персональных данных потребителей, Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ) основаны на модели информированного согласия или, другими словами, индивидуального контроля. У физических лиц есть нерушимое право определять, какие персональные данные о них собираются, для каких целей и каким образом они впоследствии используются, кто может получить доступ к персональной информации, собранной организациями. Указанному праву корреспондирует соответствующая обязанность операторов данных: физическое лицо должно быть уведомлено о целях сбора и способно дать сознательное со-

¹ Wong W.H., Duncan J., Lake D.A. Why data about people are so hard to govern // Regulation & Governance. – 2024. – Online Version of Record before inclusion in an issue. – P. 2.

² Савельев А.И. Указ. соч. – С. 50.

гласие на последующую ее обработку. Личная информация, как правило, может быть использована только для определенной цели, о которой субъект этой информации должен быть надлежащим образом проинформирован. Кроме того, персональные данные после их сбора должны храниться в безопасности¹.

Однако, как поясняется в докладе Всемирного экономического форума, опубликованном в июле 2020 г., озаглавленном «Изменение концепции конфиденциальности данных», «согласие субъектов персональной информации стало иллюзорным и, в силу его нынешней структуры и применения, не всегда работает ожидаемым, а иногда даже логичным образом»². Хотя оператор персональных данных может указать, какая информация собирается, и физическое лицо дает согласие на ее использование, сомнительно, что субъект данных действительно понимает, на что он соглашается³.

Модель защиты данных, основанная на информированном согласии, по мнению К.А. Хаузер, Дж.У. Бэгби, неэффективна по ряду причин.

Во-первых, согласие, в большинстве случаев, предполагает простое проставление галочки рядом с надписью «я даю согласие на обработку персональных данных» для осуществления определенных действий (переход на сайт, создание онлайн-заказа), на которую большинство пользователей просто не обращает внимания. В то же время, на субъекта данных возлагается ответственность за определение того, какие данные будут собираться, как они будут обрабатываться и кому будут передаваться.

Во-вторых, неструктурированная информация с датчиков, собираемая из множества источников, фактически устраняет необходимость собирать персональные данные. Современное законодательство, похоже, не принимает во внимание возросшие возможности обработки информации, ввиду чего отдельные лица могут быть легко идентифицированы по наборам больших данных, что создает огромный пробел в регулировании.

¹ Burdon M. Op. cit. – P. 2.

² Redesigning data privacy: reimagining notice & consent for human technology interaction // World Economic Forum. White paper. – 2020. – P. 4.

³ Houser K.A., Bagby J.W. Op. cit. – P. 83.

В-третьих, проблема заключается не только в объеме политики конфиденциальности и ее понятности, но и в огромном количестве политик конфиденциальности, с которыми сталкиваются пользователи, и их условиях «take it or leave it», т.е. услуги не предоставляются без соответствующего согласия на обработку персональных данных¹.

Наконец, повсеместный и непрерывный сбор информации в современном мире подрывает способность физических лиц осознанно соглашаться на процесс сбора личной информации и контролировать его самостоятельно. Так, например, получение данных с устройств «умного» дома является циклическим и непрерывным процессом, что ставит под сомнение возможности предоставления конкретного и информированного согласия на их обработку².

Последствие 2 – несостоятельность категории «обезличенной информации» в связи с развитием технологий больших данных. Как отмечает А.И. Савельев, при анализе больших данных совокупность важнее отдельных частей, а при перекомпоновке совокупностей нескольких наборов данных получается еще более удачная совокупность³. Учитывая множество источников, из которых поступает информация, и невероятную ценность объединения разнородных данных для создания профиля потенциального потребителя, факт существования больших данных и легкость их получения существенно облегчает повторную идентификацию, т.е. деанонимизацию. Поскольку «связанные» данные неизвестны субъекту данных и не существует законодательного требования, позволяющего субъекту данных требовать «разъединения» данных, контроль за использованием подобных цифровых профилей практически отсутствует. Технические и юридические стандарты позволяют операторам манипулировать данными, обмениваться ими и извлекать выгоду из данных, которые создают пользователи.

Более того, с распространением Интернета вещей (Internet of Things) и Интернета поведения (Internet of Behavior) взаимосвязи будут только усиливаться. Так, подчеркивают К.А. Хаузер, Дж.У. Бэгби, смарт-часы или фитнес-браслет в связке со смартфо-

¹ Houser K.A., Bagby J.W. Op. cit. – P. 84.

² Burdon M. Op. cit. – P. 291.

³ Савельев А.И. Указ. соч. – С. 54.

ном могут предоставить очень подробную информацию о жизни, здоровье, передвижениях, интересах, привычках и связях человека¹.

Когда организация создает и хранит большой массив информации на основе собранных данных, а также компановки их общедоступными сведениями или информацией, поступившей от других операторов, указанный массив данных может представлять собой даже более конфиденциальные сведения, чем те, которые запрашиваются организацией напрямую. С помощью традиционных методов анализа данных уже были собраны информационные базы, которые позволили выявлять важные характеристики с достаточно высокой точностью. Например, американская компания Target Corporation, управляющая сетью магазинов розничной торговли, смогла предсказать беременность женщины, основываясь только на покупательских привычках, без непосредственного сбора данных о ее беременности².

Некоторые авторы занимают более радикальную позицию: они считают, что концепция «обезличенных» данных, особенно в эпоху больших данных, в значительной степени является своего рода иллюзией, юридической фикцией. Многие категории, называемые судами и политиками «анонимными» данными, легко идентифицируются сами по себе или в сочетании с общедоступными наборами данных³. Более того, обезличивание некоторых данных представляется невозможным, что делает заявление об их анонимизации ложными и вводящими в заблуждение. Одним из таких примеров является политика конфиденциальности сервиса по генетическому тестированию 23andMe. Биотехнологическая компания, которая делится данными с «партнерами по исследованиям», утверждает, что генетические данные будут «деидентифицированы» (лишены соответствующих идентификаторов) и «агрегированы» (объединены в набор данных с тысячами данных других людей) перед анализом партнерами⁴. Вместе с тем, идея о том, что

¹ Houser K.A., Bagby J.W. Op. cit. – P. 66.

² Ibid. – P. 109.

³ Stoffel E.C. The myth of anonymity: de-identified data as legal fiction // New Mexico Law Review. – 2024. – Vol. 54, N 1. – P. 133.

⁴ Stoffel E.C. The myth of anonymity: de-identified data as legal fiction // New Mexico Law Review. – 2024. – Vol. 54, N 1. – P. 132.

генетические данные, достаточные для того, чтобы сопоставить человека с преступлением, могут быть разумно отделены от его личности, лишена логики¹.

Интерес к защите частной жизни в конфиденциальной информации относительно очевиден: например, осознание того, что положительный ВИЧ-статус конкретного индивида может стать достоянием всего мира, вызывает понятное беспокойство, и требования о возмещении морального вреда указанного субъекта персональных данных кажутся оправданными. Напротив, анонимные, обезличенные и не поддающиеся идентификации данные вызывают больше вопросов – например, нравственные страдания, связанные с потерей информации об устройстве или метаданных не относятся напрямую к личности конкретного человека и не имеют непосредственной связи с его возможными нравственными страданиями².

При этом использование фикции обезличивания может привести к отрицательным последствиям для общества. Этот вред, в конечном счете, обусловлен двумя противоречивыми результатами: (1) у тех, кто понимает несостоятельность подобной фикции, снизится доверие к законодателям и судебной системе, в то время как (2) те, кто не так хорошо разбирается в технологических аспектах, скорее всего, будут введены в заблуждение использованием фикции³.

Отсутствие беспокойства по поводу обезличенных данных также может привести к тому, что потребители и законодатели, которые их представляют, в целом будут меньше беспокоиться о конфиденциальности такой информации. Большинство потребителей в принципе не уделяют время прочтению политики обработки персональных данных, но те, кто это делает, могут не обращать на внимания на указанную проблему из-за ссылок на якобы обезличенные данные. Если же законодатели не выражают явного беспокойства по этому поводу, у компаний мало стимулов предпринимать усилия по сохранению конфиденциальности данных,

¹ Stoffel E.C. The myth of anonymity: de-identified data as legal fiction. – P. 133.

² Ibid. – P. 138.

³ Ibid. – P. 146.

особенно если оно противоречит экономическому росту и широкому использованию технологий в целом.

Аналогия с правовым регулированием медицинской деятельности – новый взгляд на защиту персональных данных

В связи с изложенными выше недостатками современного законодательства о защите персональных данных среди правоведов развернулась дискуссия о том, как должным образом защитить индивидов, не оказывая негативного влияния на инновации.

К.А. Хаузер, Дж.У. Бэгби предлагают изменить современные подходы к защите персональных данных, проводя аналогию операторов данных с медицинскими организациями. Они предлагают десять принципов, на основе которых организации могут моделировать свою собственную стратегию управления данными.

1. *Осуществление надзора.* Советы директоров или иные надзорные корпоративные органы операторов данных должны продемонстрировать важность управления данными в рамках своих обязательств по стратегическому планированию и надзору.

2. *Доверие.* Компании должны считать себя фидуциарными управляющими собранных данных, принимать обоснованные решения от имени субъектов данных и учитывать интересы заинтересованных сторон при определении использования данных.

3. *Точность.* Чтобы избежать ущерба, связанного с неточными данными, и гарантировать, что они принесут компании максимальную пользу, наборы данных должны быть сбалансированными и репрезентативными (т.е. давать оптимальное представление обо всех социальных слоях). Кроме того, алгоритмы должны разрабатываться различными командами, а прогнозы – проходить многоуровневую проверку на точность.

4. *Согласие.* Компании должны убедиться, что субъекты данных осведомлены о том, что информация о них собирается и получить согласие на ее обработку. При отсутствии согласия операторы данных должны иметь одно из следующих оснований для использования данных: (1) законный интерес; (2) договорная необходимость; (3) жизненно важный интерес пользователя; (4) юридическое обязательство; (5) общественный интерес.

5. *Выбор.* Фирмы должны предоставлять субъектам данных возможность определять степень охвата и использования их личной информации.

6. *Конфиденциальность.* Компаниям следует периодически проводить оценку конфиденциальности, чтобы определить, для чего собираются данные и как они будут использоваться, каким образом к ним будет осуществляться доступ, в каком виде будут реализованы защита и хранение и др. для выявления рисков и устранения их последствий.

7. *Безопасность.* Данные должны быть защищены от несанкционированного доступа, утечек и иных угроз. Информация должна не только надежно храниться и быть защищена специальными средствами и методами, но и должны быть разработаны политики, предотвращающие непреднамеренный или неправомерный обмен данными.

8. *Управление записями.* Картирование данных – это процесс отслеживания данных, хранящихся у организаций, от их источника до места назначения, который поможет операторам: (1) определить, какие персональные данные они хранят, для чего они хранятся и где они хранятся; (2) оценить любые риски для безопасности или конфиденциальности физических лиц; (3) принять меры по снижению этих рисков; (4) обеспечить легкий поиск и передачу данных.

9. *Совет по данным.* Компании должны создать Совет по данным, в который будут входить специалисты, обладающие глубокими знаниями в области информации и обработки данных, технологий, бихевиористики, юриспруденции и др. Комитету будет поручено разрабатывать политику обработки данных и рассматривать потенциальные варианты использования данных.

10. *«Человек в петле».* Указанный принцип включает в себя несколько аспектов. Во-первых, компаниям следует обеспечить контроль со стороны персонала за любым автоматизированным анализом. Во-вторых, для обеспечения точности и соответствия принципам управления данными необходим контроль со стороны различных общественных наблюдателей, а также периодическое или выборочное тестирование. В-третьих, именно людям следует анализировать предлагаемые нововведения в части обработки информации, чтобы убедиться, что они соответствуют принципам

управления данными. Мониторинг и быстрое реагирование на неточные, несправедливые или незаконные результаты применения инноваций требуют умения быстро выявлять проблемы, разрабатывать решения по их устранению и вносить изменения.

Заключение

Таким образом, стремительный рост использования больших данных и развитие технологий их обработки требуют более широкого обсуждения того, как компании собирают, используют и монетизируют персональные данные, и как закон идет в ногу с технологическими достижениями.

С одной стороны, с развитием новых технологий и бизнес-моделей законодательство о защите персональных данных постоянно дополняется и изменяется. Важность и значительность защиты данных потребителей подтолкнули государственную власть к принятию нормативных актов, направленных на контроль потока данных. Указанное привело к тому, что компании, участвующие в международных транзакциях, связанных с передачей данных, должны учитывать постоянно меняющиеся требования к конфиденциальности в различных странах, иначе они рискуют быть оштрафованными¹.

С другой стороны, хотя возможность собирать и анализировать большие данные привела к ценным открытиям, она также нанесла ущерб тем, кто их предоставляет – субъектам персональных данных.

Для грамотного регулирования защиты персональных данных необходимо понимать последствия обработки данных для людей – от повторения существующей дискриминации до углубления экономического неравенства².

Уже сейчас недооценка последствий информатизации данных для человека привела к возникновению проблем с регулированием личной информации: современное законодательство о персональных данных не позволяет обеспечить должный уровень защиты неприкосновенности частной жизни. Принимая во внима-

¹ Houser K.A., Bagby J.W. Op. cit. P. 99.

² Wong W.H., Duncan J., Lake D.A. Op. cit. – P. 3.

ние то, что данные в настоящее время имеют существенную ценность и, что более важно, формируют то, как люди реализуют свою свободу воли, опосредуя различные экономические, политические и социальные связи, решение данной проблемы представляется крайней необходимостью.

ЧАСТНОПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

УДК 347

DOI: 10.31249/iajpravo/2024.04.13

КРЫСАНОВА Н.В.¹ ЗАЩИТА ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА НЕДВИЖИМОЕ ИМУЩЕСТВО

Аннотация. В обзорной статье анализируются работы ученых-цивилистов, исследующих особенности правовой природы, способов, форм и средств защиты права собственности граждан и юридических лиц, в том числе права на объекты недвижимости, законодательство и доктринальные подходы к институту вещно-правовой защиты права собственности. Рассматриваются проблемы государственных гарантий собственнику недвижимости, их охраны и защиты его прав, образующих систему защиты права собственности на объекты недвижимого имущества.

Ключевые слова: недвижимое имущество; земельный участок; виндикационный иск; негаторный иск; иск о признании права собственности.

KRYSANOVA N.V. Protection of ownership of real estate property. (Article)

Abstract. The review article analyzes the work of civil scientists who study the peculiarities of the legal nature, methods, forms and means of protecting the property rights of citizens and legal entities, including the right to real estate, legislation and doctrinal approaches to the institution of property protection of property rights. The problems of state guarantees to the owner of real estate, of protection of his

¹ Крысанова Нина Владимировна, старший научный сотрудник отдела правоведения ИНИОН РАН, кандидат юридических наук.

rights, forming a system of protection of ownership of real estate objects, are considered.

Keywords: real estate; land plot; vindication claim; negative claim; claim for recognition of ownership rights.

Для цитирования: Крысанова Н.В. Защита права собственности на недвижимое имущество // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – Москва, 2024. – № 4. – С. 165–176. – DOI: 10.31249/iajpravo/2024.04.13

Введение

Согласно гражданскому законодательству Российской Федерации объекты недвижимого имущества – земельный участок, здания, сооружения, объекты незавершенного строительства и др. – приобретают абсолютно равный статус «недвижимости», и, соответственно, равную защиту, каким бы из перечисленных объектов собственник не владел.

Защита права собственности на недвижимое имущество представляет собой особое полномочие собственника недвижимости, позволяющее ему реализовать нормативно закрепленные права по отношению к обязанным лицам самостоятельно или же в порядке обращения к уполномоченным органам в случае нарушения или оспаривания его прав, осуществляемом посредством выбора гражданско-правового способа защиты.

Понятие недвижимого имущества

В соответствии со ст. 130 ГК РФ к недвижимым вещам (недвижимое имущество, недвижимость) относятся земельные участки, участки недр и все, что прочно связано с землей, т.е. объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно, в том числе здания, сооружения, объекты незавершенного строительства. К ним также относятся подлежащие государственной регистрации воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания. При этом, законом к недвижимым вещам может быть отнесено и «иное имущество», как то: жилые и нежилые помещения, а также предназначенные для размещения транспортных средств части зданий или сооружений (машино-места), если гра-

ницы таких помещений, частей зданий или сооружений описаны в установленном законодательством о государственном кадастровом учете порядке.

Поскольку перечень объектов недвижимости, определенный в ст. 130 ГК РФ, является открытым, ст. 132 ГК РФ расширяет его и устанавливает, что предприятие в целом как имущественный комплекс признается недвижимостью. Предприятием как объектом прав признается имущественный комплекс, используемый для осуществления предпринимательской деятельности. Предприятие в целом или его часть могут быть объектом купли-продажи, залога, аренды и других сделок, связанных с установлением, изменением и прекращением вещных прав. В состав предприятия как имущественного комплекса входят все виды имущества, предназначенные для его деятельности, включая земельные участки, здания, сооружения, оборудование, инвентарь, сырье, продукцию, права требования, долги, а также права на обозначения, индивидуализирующие предприятие, его продукцию, работы и услуги (коммерческое обозначение, товарные знаки, знаки обслуживания), и другие исключительные права, если иное не предусмотрено законом или договором.

Ключевое значение недвижимости связано с тем, что юридическая категория определяет само существование вещных прав. В соответствии с учением германских пандектистов (основоположник А.Ф.Ю. Тибо) именно экономическая необходимость юридически прочной возможности использования чужих земельных участков (недвижимых вещей) и обусловила появление ограниченных вещных прав¹.

Критерии отнесения объекта, не являющегося земельным участком, к недвижимому имуществу, согласно действующему гражданскому законодательству РФ, не позволяют на практике бесспорно определить, является ли конкретный объект недвижимым имуществом.

Понятие *объекта недвижимости* является правовой категорией, определяемой совокупностью признаков, к которым относятся в частности: 1) самостоятельное назначение объекта, отлич-

¹ Суханов Е.А. Недвижимость в системе объектов гражданских прав // Журнал российского права = Journal of Russian Law. – 2021. – Vol. 25, N 1. – С. 16.

ное от назначения и вероятных целей использования земельного участка, на котором располагается объект; 2) затруднительность перемещения объекта; 3) создание вещи именно как объекта недвижимости в нормативно установленном порядке, т.е. с получением (наличием) необходимых разрешений и с соблюдением градостроительных норм и правил, а также на земельном участке, специально предоставленном под строительство объекта¹.

Вокруг понятия «недвижимости» продолжают споры из-за неясности самого законодательного определения этого термина². По мнению Е.А. Суханова, его формированию не содействует непомерная избыточность законодательного перечня «объектов недвижимости по природе», содержание которого в действительности не опирается на определенные критерии и подходы, а следует «за непредсказуемыми «изгибами» административно-экономической мысли. Между тем проблема недвижимости, несомненно, является ключевой для полноценного развития вещного права – основы гражданского оборота»³.

Предлагаемая редакция ст. 130 ГК РФ использует пандектной понимание недвижимости, считая ею только земельный участок, а расположенные на нем здания, сооружения и иные объекты рассматривает лишь в качестве его составных частей. Вместе с тем, если здания и сооружения не принадлежат собственнику земельного участка, они по-прежнему признаются самостоятельными недвижимыми вещами и объектами гражданского оборота. При переходе права собственности на них к новому собственнику переходят те права на земельный участок, которыми обладал прежний собственник. Тем самым доводится до логического завершения известный отечественному праву «принцип единого объекта». Из этого следует, считает Е.А. Суханов, что по мере воссоединения права собственности на земельный участок и на расположен-

¹ Белова Т.В. Защита права собственности на недвижимое имущество в цивилистической парадигме / отв. ред. А.Н. Левушкин. – 2023. – С. 56.

² Косарев К.В. Понятие недвижимости как объекта гражданских прав в законодательстве Российской Федерации // Теория и практика социогуманитарных наук. – 2023. – № 3 (23). – С. 110; Родионов А.Б. Понятие «недвижимость» в XXI веке: возможные варианты изменения содержания // Актуальные проблемы государства и права. – 2023. – Т. 7, № 1. – С. 112.

³ Суханов Е.А. Указ. соч. – С. 17.

ное на нем строение последнее теряет свои юридические качества самостоятельной вещи (объекта оборота), становясь составной частью другой (недвижимой) вещи – земельного участка¹.

Вместе с тем, в современном отечественном истолковании принцип «единого объекта» снова получил содержание, прямо противоположное классическому – в соответствии с ним не «строение следует за землей» (*superficies solo cedit*), а земля следует за строением (собственник или иной правообладатель строения либо приватизирует земельный. участок, либо получает вещный титул на него). Иными словами, преимущественное положение имеет частный собственник (правообладатель) строения, а не публичный собственник земельного участка, который теряет при этом свойства самостоятельной вещи (объекта права) и становится «составной частью» этого «единого объекта». Это уже произошло с земельным участком под многоквартирным домом, ставшем, в соответствии с ЖК РФ, составной частью «общего имущества дома».

Способы защиты права собственности на недвижимое имущество

До сих пор дискуссионным является вопрос о содержании субъективного гражданского права, при этом «бесспорным и общепризнанным в литературе является положение о том, что признавая за тем или иным лицом определенные субъективные права и обязанности, гражданское законодательство предоставляет уполномоченному лицу и право на их защиту. Субъективное право, предоставленное лицу, но не обеспеченное от его нарушения необходимыми средствами защиты, является лишь «декларативным правом»².

Анализируя законодательство о судебной защите гражданских прав (ст. 11–16 ГК РФ), В.В. Витрянский³ отмечает, что в хо-

¹ Суханов Е.А. Указ. соч. – С. 18.

² Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. – 2022. – С. 106.

³ Витрянский В.В. Пределы осуществления и способы защиты гражданских прав: проблемы судебного толкования // Проблемы осуществления и защиты гражданских прав: сборник статей к 100-летию со дня рождения профессора

де реформы гражданского законодательства эти нормы формально не подверглись изменению, кроме расширения перечня способов защиты нарушенных прав за счет такого нового способа, как признание недействительным решения собрания (ст. 12 ГК РФ). Однако, это не помешало высшей судебной инстанции скорректировать судебную практику, связанную с применением как общих положений о судебной защите гражданских прав, так и правил о некоторых отдельных способах защиты: неприменение судом акта государственного органа местного самоуправления, противоречащего закону; самозащиты; возмещение убытков. Ранее суды нередко отказывали в удовлетворении требований на том основании, что истцом неверно избран способ защиты нарушенного права, который по этой причине не в состоянии обеспечить восстановление нарушенного права.

Особое внимание уделено такому способу защиты нарушенных прав как возмещение убытков, поскольку некоторые разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, направлены на формирование новой, более благоприятной для применения данного способа защиты, судебной практики. Во-первых, расширительное толкование нормы п. 5 ст. 393 ГК РФ рассчитанного на применение в случаях рассмотрения судебных споров о возмещении убытков, причиненных неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательств. «Распространение действия данного законоположения и на другие случаи возмещения убытков, причиненных нарушением иных (помимо обязательственных) субъективных гражданских прав, представляется вполне оправданным и заслуживающим одобрения»¹. Во-вторых, дается толкование правил, определяющих убытки в виде реального ущерба, которое позволяет обеспечить полное возмещение соответствующей части убытков. В-третьих, обращено внимание на то обстоятельство, что при разрешении спора, связанного с возмещением убытков в виде упущенной выгоды, необходимо учитывать, что ее расчет, представляемый истцом, зачастую является приблизительным и носит вероятностный характер, что само по себе, однако, не может служить основанием для отказа

В.П. Грибанова / отв. ред. Е.А. Суханов, А.Е. Шерстобитов; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, юрид. фак., кафедра гражданского права. – 2021. – С. 14–24.

¹ Витрянский В.В. Указ соч. – С. 23.

в иске. В-четвертых, при предъявлении иска о возмещении убытков, причиненных в результате незаконных действий (бездействий) государственных органов непосредственно к государственному органу само по себе не может служить основанием к отказу в удовлетворении такого иска. В подобных случаях суд должен при влечь в качестве ответчика по делу публично-правовое образование и одновременно определить, какой орган будет представлять его интересы в судебном процессе¹.

Система способов защиты прав собственности на недвижимое имущество включает в себя обязательственно-правовые и вещно-правовые способы. Критерием для их разграничения выступает наличие между сторонами обязательственно-правовых отношений по поводу спорного объекта недвижимости. Вещно-правовые способы защиты, направлены на непосредственную защиту права собственности и могут быть использованы собственником по отношению к другому лицу, нарушившему его право собственности, при условии отсутствия между сторонами обязательственно-правовой связи. Обязательственно-правовые способы могут защищать право собственности на объекты косвенным образом.

Вещно-правовые способы защиты отличаются абсолютным характером и применяются в ситуации, когда стороны состоят между собой в вещных правоотношениях, при этом одна из сторон, не являющаяся собственником, нарушила свои обязательства воздерживаться от противоправного поведения в отношении собственника. К вещно-правовым способам защиты традиционно относятся виндикационный и негаторный иски. Виндикационный иск представляет собой истребование имущества собственника из чужого незаконного владения. Данное требование может быть заявлено невладеющим вещью собственником к владеющему вещью несобственнику. Целью такого требования является потенциальный возврат имущества собственника в его владение². В качестве условий удовлетворения виндикационного иска выступают наличие у истца права собственности либо иного правового титула на

¹ Витрянский В.В. Указ соч. – С. 24.

² Белова Т.В. Защита права собственности на недвижимое имущество в цивилистической парадигме / отв. ред. А.Н. Левушкин. – 2023. – С. 165.

индивидуально-определенную вещь, отсутствие между сторонами обязательственных правоотношений по поводу данной вещи, а также фактическое нахождение вещи в незаконном владении ответчика (правонарушителя)¹. Возможность удовлетворения виндикационного иска традиционно ограничивается добросовестностью владения противной стороны, возмездным характером приобретения спорного объекта, а также наличием воли собственника на выбытие имущества из его владения.

Сущность негаторного иска заключается в праве собственника или иного титульного владельца объекта недвижимого имущества требовать устранения нарушений его права, не связанных с лишением владения, в будущем. Целью данного способа защиты права собственности на недвижимость выступает защита осуществления субъективного вещного права, а в качестве условий удовлетворения – наличие права собственности или иного правового титула на обладание вещью и длящегося к моменту вынесения судом решения правонарушения либо реальной угрозы его осуществления.

Кроме того, к вещно-правовым способам защиты некоторые ученые относят иски о признании права собственности и об исключении имущества из описи. Иск о признании права на сегодняшний день регулируется общими положениями ГК РФ о способах защиты гражданских прав, вместе с тем, иск о признании права собственности и иных вещных прав обладает определенной спецификой, самостоятельным характером и признаками, позволяющими с уверенностью отнести его к самостоятельным вещно-правовым способам защиты.

Иски об освобождении имущества из-под ареста может быть заявлен заинтересованным лицом в случае возникновения спора, связанного с принадлежностью имущества, на которое обращается взыскание. Указанный способ защиты, имея специфические черты, проявляется как один из самостоятельных вещных способов защиты права собственности, обладающий, вместе с тем, в зависимости от обстоятельств конкретного дела признаками, присущими вин-

¹ Витрянский В.В. Указ соч. – С. 166.

дикационному, негаторному и иску о признании права собственности¹.

Отсутствие должной правовой регламентации исков о признании права собственности и освобождении имущества от ареста порождает на практике ряд вопросов, приводит к отступлению от принципа единообразия судебной практики и делает непрогнозируемым исход спора для сторон².

По мнению Т.В. Беловой, есть необходимость более детального нормативного регулирования иска о признании права собственности, а также иных вещных прав, условий его предъявления и правил об исковой давности. В связи с этим автор предлагает дополнить ГК РФ статьями соответствующего содержания, отмечая, что действующая редакция ст. 304 ГК РФ, регулирующая правила применения негаторного иска, не отвечает сложившейся правоприменительной практике, положениям доктринальных исследований и нуждается в корректировке в части исключения слов «хотя бы» и «всяких», а также закрепления возможности предъявления негаторного иска до непосредственного нарушения права. Это позволило бы уйти от чрезмерного расширительного толкования негаторного иска как иска, включающего в себя любые способы защиты, за исключением виндикации³.

Ирландский ученый А. Байер считает, что земля является основой человеческого существования, обеспечивая материальные условия для существования, жилье и качество жизни. Человеческое прошлое раскрывает разнообразие практики стратегии землепользования, учитывая разнообразие и нестабильность окружающей среды через какое-то время. Поэтому примечательно, что сегодня земля определяется единственной характерной чертой – это собственность⁴.

По утверждению А. Байер, права частной собственности на землю определяется исключительным владением совокупностью прав, которые могут быть передано по титулу. То есть, законный

¹ Белова Т.В. Указ соч. – С. 167.

² Белова Т.В. Указ соч. – С. 167.

³ Там же. – С. 168.

⁴ Byer A. Placing Property. A Legal Geography of Property Rights in Land. – 2023. – 70 p. – URL: <https://doi.org/10.1007/978-3-031-31994-5>

обладатель таких прав может исключить любое вмешательство третьих лиц от использования и получения выгод от земли. Как в общем праве, так и в общем праве и системах гражданского права, *ius abutendi* предоставляет владельцу право пренебрегать и злоупотреблять собственностью, что противоречит устойчивому управлению ресурсами и идее интеграции ограничений¹. Как отмечается в книге А. Байер, частная собственность не была доминирующей формой землепользования в Англии примерно до 1800 г. Создание же «современной» структуры землевладения в Англии, произошло вследствие устранения аристократической, статусной земельной системой, в пользу капиталистической, контрактной свободной торговли землей. Земля была переконфигурирована как взаимозаменяемый товар, который так же легко обменивается, как и любой другой»². Сегодняшней характеристикой права собственности на недвижимость в английском праве являются: исключительность, индивидуальность и отчуждаемость.

Правовой статус недвижимого имущества в современной германской цивилистике

Исследуя особенности правового статуса недвижимого имущества в современной германской цивилистике следует отметить, что понятие «недвижимость» не используется, и движимые вещи противопоставлены земельным участком с учетом возможности перемещения предметов. В гражданском праве Германии используют термины – «недвижимые вещи», «земельный участок», «недвижимое имущество», «недвижимость». Земельный участок – разграниченная в пространстве часть земной поверхности, которая индивидуализируется посредством поземельной книги, если эта часть зарегистрирована в данной книге под инвентарным номером, или, если этого нет, то через свое расположение и естественные границы³. При этом, в германском законодательстве установлено,

¹ Byer A. Placing Property. A Legal Geography of Property Rights in Land. – 2023. – 70 p. – URL: <https://doi.org/10.1007/978-3-031-31994-5> – P. 20.

² Ibid. – P. 25.

³ Лоренц Д.В. Внедоговорная защита регистрируемого имущества в России и Германии. – 2023. – С. 23.

что земельный участок может состоять из одного или нескольких кадастровых участков, которые отражены в межевом плане кадастра. «Тяжелые вещи, не являющиеся земельными участками или их составной частью, считаются движимыми, даже если их нельзя сдвинуть с места. Зарегистрированные в реестре суда движимы, но рассматриваются как земельный участок, особенно в отношении ипотеки»¹.

В германском гражданском законодательстве право собственности существует только на земельный участок, а прочно связанные с ним его существенные составные части (здания, электрические системы, но не гаражи без фундамента) не являются вещами и разделяют юридическую судьбу земельного участка, что, помимо экономического единства, необходимо для защиты прав приобретателей и ипотечных кредиторов. Существенные составные части строения (здания) признаются германским законодательством частью земельного участка – это все компоненты для возведения здания, и прочная связь здесь не важна. В собственности разных лиц не могут быть части здания, так как их невозможно отделить без разрушения, а все здание принадлежит собственнику земельного участка. К составным частям земельного участка и здания не относятся вещи, временно присоединенные к ним².

К земельным участкам приравниваются наследственное право застройки, жилищная собственность, право пользования и права по законам земель Германии (наследственное право аренды). Здание не становится частью земельного участка, если возведено при осуществлении узупфрукта, сервитута, так как остается самостоятельной (как правило, движимой) вещью³. Здания, возведенные на основе наследственного права застройки, считаются существенными составными частями такого права, к которому применяются правила о земельных участках, что позволяет несобственнику застроить такой участок и пользоваться строением до 99 лет. Закон о жилищной собственности и постоянном праве проживания Германии (WEG от 15 марта 1951 г.) признает особое право собственно-

¹ Лоренц Д.В. Внедоговорная защита регистрируемого имущества в России и Германии. – 2023. – С. 24.

² Там же. – С. 24.

³ Там же. – С. 25.

сти на квартиры и другие нежилые помещения в сочетании с идеальной долей в праве общей собственности на земельный участок и часть здания (общее имущество)¹.

Вещные права как составные части земельного участка. Деление прав на движимые и недвижимые чуждо пандектному праву Германии, но к недвижимому имуществу относятся права на земельные участки (кроме требований из ипотек, из земельных и рентных долгов) и права требования о передаче таких прав.

Заключение

Начавшееся развитие правового режима недвижимости в традиционном направлении в будущем неизбежно приведет к восстановлению классических (пандектных) подходов в этом вопросе. Поэтому необходимо завершить реформирование отечественного гражданского права путем скорейшего принятия новой редакции разд. II ГК РФ о вещном праве, ключевое место в котором должно занять понимание недвижимости как земельного участка. Только после этого, можно переходить к дальнейшему изучению и развитию сферы интеллектуальных прав и гражданско-правовому оформлению цифровых технологий и объектов.

¹ Там же.

УДК 347

DOI: 10.31249/iajpravo/2024.04.14

КРЫСАНОВА Н.В.¹ РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ЗАЙЦЕВА Ю.А. ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ КОМПАНИИ В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО СТАТУСА. – Москва: Юстицинформ, 2024. – 224 с.

KRYSANOVA N.V. Book review: Zaitseva Yu.A. Public law companies in Russia: problems of legal status. – Moscow: Justicinform, 2024. – 224 p.

Ключевые слова: государственная собственность; юридические лица; публично-правовые компании; казенные предприятия; государственные учреждения; гражданская правоспособность.

Keywords: state property; legal entities; public companies; state-owned enterprises; government agencies; civil legal capacity.

Для цитирования: Крысанова Н.В. [Рецензия] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. Государство и право. – 2024. – № 4. – С. 176–183. – Рец. на кн.: Зайцева Ю.А. Публично-правовые компании в России: проблемы правового статуса. – Москва: Юстицинформ, 2024. – 224 с. – DOI: 10.31249/iajpravo/2024.04.14

Автор данной монографии Ю.А. Зайцева, государственный советник Российской Федерации 2 класса, член Ассоциации юристов России, кандидат юридических наук, исследует сущность публично-правовой компании как самостоятельной организационно-правовой формы юридического лица. Как отмечается в аннотации такой подход к рассмотрению темы представлен впервые в российской юридической литературе. В связи с этим заслуживают

¹ Крысанова Нина Владимировна, старший научный сотрудник отдела правоведения ИНИОН РАН, кандидат юридических наук.

внимания позиции автора, высказанные при рассмотрении проблем, возникающих при вступлении публично-правовой компании в гражданские правоотношения и предложения вариантов их решения, а также анализ деятельности отдельных публично-правовых компаний и правоприменительной практики, особенностей гражданской правосубъектности, систем управления, имущественного режима публично-правовой компании, специфика ее гражданско-правовой ответственности.

Публично-правовые компании (далее – ППК) – новая организационно-правовая форма юридического лица. Создаются они в целях реализации социально-экономической функции государства, осуществления деятельности в наиболее сложных, государственно значимых и социально востребованных областях. С этой точки зрения ППК автор рассматривает как один из инструментов гражданского права, посредством которого государство вступает в имущественный оборот как в качестве самостоятельного субъекта, так и через учреждаемые им юридические лица, в том числе некоммерческие организации (с. 8).

Следует отметить, что в настоящее время учреждено шесть публично-правовых компаний, которые действуют в областях размещения объектов военной инфраструктуры и их технического перевооружения («Военно-строительная компания»); ресурсосбережения, предотвращения вредного воздействия отходов на здоровье человека и окружающую среду («Российский экологический оператор»); предоставления государственных услуг в сфере регистрации прав на недвижимость, геодезии и картографии («Роскадастр»); реализации государственной жилищной политики и защиты интересов граждан – участников долевого строительства («Фонд развития территорий»); выполнения функций государственного заказчика и застройщика при строительстве объектов недвижимости государственной собственности («Единый заказчик в сфере строительства»); обеспечения внебюджетного финансирования спорта в России («Единый регулятор азартных игр»).

Основной целью создания ППК является не только осуществление ею хозяйственной деятельности в качестве юридического лица – собственника своего имущества, но и реализация публичных интересов, в связи с чем компания наделяется полномочиями органов государственной власти. И, как следствие, для

всех ППК характерны особые, не свойственные иным юридическим лицам гражданская правосубъектность, система управления, проявление имущественной обособленности. При этом автор подчеркивает, что осуществление ППК публичных полномочий порождает проблемы при попытках применить к их деятельности общие нормы гражданского законодательства о юридических лицах (с. 9).

Следует обратить внимание, что Федеральный закон от 03.07.2016 № 236-ФЗ (ред. от 31.12.2021, с изм. от 14.07. 2022) «О публично-правовых компаниях в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон о ППК), который раскрывается автором в данной работе, закрепил нормы, регламентирующие отдельные стороны деятельности ППК, однако законодатель не уделил достаточного внимания гражданско-правовым аспектам статуса ППК. Согласно ст. 49 ГК РФ правоспособность юридического лица определяется его целями деятельности, предусмотренными в учредительном документе. Гражданская правоспособность ППК как некоммерческой организации не является общей, компания вправе заниматься только теми видами деятельности, которые соотносятся с ее целями и предметами деятельности.

Согласно ст. 2 Закона о ППК публично-правовая компания признается унитарной некоммерческой организацией, создаваемой Российской Федерацией на основании федерального закона или указа Президента РФ для осуществления функций и полномочий публично-правового характера и деятельности в интересах государства и общества. Ю.А. Зайцева обращает внимание на специфику юридических лиц, создаваемых Российской Федерацией, в п. 5 ст. 49 ГК РФ установлено правило о специальном характере федеральных законов о таких юридических лицах по отношению к нормам, содержащимся в ГК РФ. Однако ППК могут быть созданы не только на основании федерального закона, но и указом Президента РФ, которым определяется гражданско-правовой статус компании. В этом случае указ имеет приоритетное значение по отношению к общим нормам ГК РФ, при этом данная норма конкретно не отражает такой вид нормативного правового акта как основание создания ППК. Автором предложено внести корректировку в указанную норму ГК РФ (с. 81).

Важно то, что автор, изучив законодательство и научную правовую литературу, изложила различные позиции ученых-цивилистов, в том числе критические, касающиеся Закона о ППК. Так, некоторые исследователи отмечают не вполне понятный статус компании и абстрактный характер из деятельности (И.З. Аюшеева), формальность их статуса как некоммерческой организации (Е.А. Суханов), неоправданное введение такой формы, дублирующей уже имеющиеся виды некоммерческих организаций (О.А. Макарова). Напротив, по мнению ряда ученых, введение такой формы унитарной некоммерческой организации, как ППК, позволяет повысить эффективность и прозрачность деятельности организаций, унифицировать правовые нормы, регулирующие создание и деятельность таких юридических лиц, упростить структуру органов государственной власти и создать связующее звено между государством и хозяйствующими объектами (с. 30).

Признание юридического лица с публичными функциями (государственные корпорации и публично-правовые компании) самостоятельными организационно-правовыми формами позволяет автору говорить о введении в российскую систему категории «юридическое лицо публичного права» (с. 38). Однако, следует отметить, что в современной отечественной доктрине нет единого мнения о такой целесообразности. На это и обращает внимание Ю.А. Зайцева, когда пишет: «Разработка теории юридического лица публичного права и формулирование его общих признаков позволит в будущем создать единую форму юридического лица публичного права, которая учреждалась бы для участия в гражданских правоотношениях с целью достижения целей и задач публичного характера и осуществления публичных полномочий за пределами гражданского права» (с. 45).

Автор не ограничивается общей характеристикой ППК, а концентрирует внимание на признаках этой некоммерческой организации как юридического лица, нашедших в том числе свое отражение в легальном понятии ППК, закрепленном в ст. 2 Закона о ППК. Среди них – унитарность, некоммерческий характер деятельности, наличие публичных полномочий, осуществление деятельности в интересах государства и общества и учреждение на основании специального принимаемого нормативного правового акта в виде федерального закона или указа Президента РФ. При этом

важно, что каждый индивидуальный нормативный правовой акт о создании ППК раскрывает цели деятельности конкретного юридического лица данной формы через реализацию публичных полномочий и создается компания именно для осуществления государственных функций. ППК участвует в гражданском обороте и владеет имуществом на праве собственности.

Значительное место в монографии занимает исследование особенностей правового режима и осуществления собственности публично-правовой компании. В соответствие со ст. 6 Закона о ППК имущество принадлежит ей на праве собственности, как собственник она обладает правомочиями владения, пользования и распоряжения своим имуществом (ст. 209 ГК РФ). Это свидетельствует, подчеркивает Ю.А. Зайцева, о стремлении государства наделить данную форму юридического лица широким объемом прав на имущество по сравнению с создаваемыми государственными учреждениями или государственными унитарными предприятиями (с. 162). Однако анализ федеральных законов и указов Президента РФ о действующих ППК позволяют Ю.А. Зайцевой утверждать, что полной свободы в осуществлении правомочий собственника у компании нет (с. 166). Распоряжение ППК своим имуществом ограничено: варианты определения юридической судьбы принадлежащего ей имущества выбираются из числа возможных в рамках утвержденного государством порядка распоряжения имуществом (в нормативном правовом акте о создании ППК) и направлений расходования средств, в том числе полученных от приносящей доход деятельности.

Проявления ограничений правомочий по владению, пользованию и распоряжению имуществом ППК различны. Общее ограничение выражается в установленном Законе о ППК для всех компаний правила об использовании находящегося у них в собственности имущества только для достижения публичных целей и реализации возложенных на них публично-правовых полномочий. Вместе с тем, как отмечает автор, дополнительно для каждой ППК специальным нормативным актом о ее создании государством могут быть установлены конкретные цели использования и распоряжения ее имуществом. При этом приводится пример ППК «Фонд», для которой установлен перечень целей, на которые может использоваться имущество данной компании. В их числе – урегули-

рование обязательств застройщиков перед гражданами, финансирование мероприятий по завершению строительства объектов недвижимости и инфраструктуры, выплата возмещения «обманутым» гражданам и др. Так, в рамках финансирования мероприятий по завершению объектов незавершенного строительства законодателем установлен строгий перечень возможных для ППК «Фонд» вариантов реализации правомочия по распоряжению. Этом решением о финансировании или нецелесообразности финансирования принимается компанией на основании и в порядке, установленном Правительством РФ. Кроме того, ограничения в распоряжении компанией, принадлежащей ей на праве собственности имуществом выражаются и в определении Правительством РФ перечня разрешенных объектов инвестирования временно свободных средств компании, порядка и условий такого инвестирования, механизмов контроля (с. 168).

В заключение автор формулирует следующие основополагающие выводы. Во-первых, специальная гражданская правоспособность ППК определяется возлагаемыми на нее индивидуальными, нормативно закрепленными публичными функциями и полномочиями, а не целями деятельности как в других юридических лицах. По своему характеру гражданская правоспособность ППК является компетенционной и может изменяться при изменении возложенных на нее функций и полномочий. Во-вторых, формирование воли ППК как юридического лица в силу присущей ей специфики в ряде случаев может осуществляться публично-правовым образованием или государственными органами в особом порядке. Выражение воли компании при вступлении в гражданский оборот может осуществляться не только ее единоличным исполнительным органом, но и федеральными органами исполнительной власти. Эти особенности существенно отличают ППК от иных юридических лиц. В-третьих, имеются возможности для ограничения гражданской ответственности ППК по своим обязательствам, что создает условия для нарушения прав кредиторов и законных интересов получателей государственных услуг. В сложившихся условиях эффективными средствами для устранения таких ситуаций может стать конкретизация видов имущества компании, на которое не может быть обращено взыскание по ее долгам (с обязательным введением критериев определения видов

имущества). Возложение на Российскую Федерацию субсидиарной ответственности по гражданско-правовым обязательствам компании, а также деликтной ответственности за вред, причиненный ППК при оказании государственных услуг ненадлежащего качества. В-четвертых, правомерное поведение ППК при реализации делегированных ей социально-экономических функций не исключает причинение участникам гражданского оборота имущественного вреда. В связи с этим обосновывается принципиальная возможность возмещения за счет казны Российской Федерации ущерба, причиненного личности, имуществу гражданина либо имуществу юридического лица правомерными действиями ППК, совершенными при осуществлении ею публичных полномочий (с. 197–198).

Кроме того, Ю.А. Зайцева небезосновательно замечает, что существующая тенденция создания ППК путем реорганизации государственных учреждений показало, что данный процесс не предполагает универсального правопреемства, а также влечет прекращение прав у реорганизуемых учреждений на определенное имущество и возникновение у ППК прав иной природы (вещных или обязательственных) на данное имущество. Поэтому такая форма реорганизации представляет собой особую форму, не предусмотренную ГК РФ, причем ликвидация компании возможна только в добровольном порядке (с. 159).

Следует признать, что автор права, утверждая, что «в настоящее время вопрос гражданско-правового статуса ППК не изучен, отдельные вопросы ее деятельности являются спорными» (с. 196). Вместе с тем государство активно создает новые ППК. Однако Ю.А. Зайцева считает, что при всех пробелах в законодательстве, касающегося правового статуса ППК, эта форма юридического лица является перспективной, поскольку решение стоящих перед государством задач невозможно осуществлять как исключительно властными полномочиями, так и исключительно гражданско-правовыми способами (с. 196).

Таким образом, правовое регулирование деятельности ППК требует существенной корректировки и совершенствования положений законодательства, в том числе Федерального закона «О публично-правовых компаниях в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Россий-

ской Федерации». В связи с этим заслуживают внимания предложения автора по его совершенствованию, комплексно изложенные в заключении (с. 199–201).

Данная книга может быть рекомендована сотрудникам государственных органов и публично-правовых компаний, научным работникам, преподавателям, студентам, аспирантам, практикующим юристам.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 341

DOI: 10.31249/iajpravo/2024.04.15

ЯСТРЕБОВА А.Ю.¹, АНИСИМОВ И.О.² ОСОБЕННОСТИ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ТРУ- ДОВЫХ, СОЦИАЛЬНЫХ И КУЛЬТУРНЫХ ПРАВ ЧЕЛО- ВЕКА НА УНИВЕРСАЛЬНОМ УРОВНЕ

Аннотация. В статье анализируются международно-правовые основы закрепления трудовых, социальных и культурных прав человека на универсальном уровне и в формате сочетания научных позиций и толкования международных договоров в системе ООН. Особое внимание уделено обеспечению указанных прав и особенностям их формулирования в международно-правовых актах, таких как замечания общего порядка, принимаемые Комитетом ООН по экономическим, социальным и культурным правам. Отдельно изложены направления государственной поддержки социальной сферы, представленные в национальном докладе Российской Федерации Совету ООН по правам человека на универсальном периодическом обзоре 2023 г.

Ключевые слова: трудовые, социальные и культурные права человека, права второго поколения, система договорных органов по правам человека, принципы обеспечения прав человека, культурное разнообразие.

¹© Ястребова Алла Юрьевна, профессор кафедры международного права Дипломатической академии МИД России. доктор юридических наук, доцент.

²© Анисимов Игорь Олегович, декан Юридического факультета, доцент кафедры международного права Дипломатической академии МИД России, кандидат юридических наук.

YASTREBOVA A.Yu., ANISIMOV I.O. Peculiarities of international legal regulation of labor, social and cultural human rights on the universal level

Annotation. The article analyzes the international legal framework for the consolidation of labor, social and cultural human rights at the universal level and in the format of a combination of scientific positions and interpretation of international treaties in the UN system. Special attention is paid to ensuring these rights and the specifics of their formulation in international legal instruments, such as general comments adopted by the UN Committee on Economic, Social and Cultural Rights. The directions of state support to the social sphere presented in the national report of the Russian Federation to the UN Human Rights Council at the Universal Periodic Review in 2023 are separately outlined.

Keywords: labor, social and cultural human rights, rights of second generation, system of human rights treaty bodies, principles of ensuring human rights, cultural diversity.

Для цитирования: Ястребова А.Ю., Анисимов И.О. Особенности международно-правовой регламентации трудовых, социальных и культурных прав человека на универсальном уровне // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. Государство и право. – 2024. – № 4. – С. 184–202. – DOI: 10.31249/iajpravo/2024.04.15

Введение

Система трудовых и социальных прав человека принадлежит к категории позитивных прав, особенностью реализации которых в международном праве выступает обязанность государств обеспечивать национально-правовые гарантии. Иными словами, данные права тесно связаны с экономическими возможностями и приоритетами каждого участника Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. (далее – Пакт). Позиция Управления Верховного комиссара ООН по правам человека (УВКПЧ) состоит в том, что указанные права «призваны обеспечить защиту людей как полноценных личностей на основе концепции,

гарантирующей человеку возможность одновременного пользования правами, свободами и благами социальной справедливости»¹.

Сегодня Международной организацией труда (МОТ) поставлен вопрос об установлении нормативных рамок организации трудовой деятельности в области платформенной экономики, сопряженной с цифровыми технологиями и защитой персональных данных работников². В.А. Карташкин отмечает, что «цифровые платформы стали так же важны, как и традиционные институты, в том, как люди организуют свою профессиональную и социальную жизнь»³. Согласно его позиции, «под воздействием цифровизации происходят фундаментальные изменения» для каждого индивида и общества в целом; при этом международно-правовой основой регламентации остается Билль о правах как общий источник понимания и традиционных, и цифровых прав человека, представляющих собой органическое единство⁴.

Как определяет Специальный докладчик в области культурных прав Управления Верховного комиссара ООН по правам человека, они «защищают права каждого человека, как по отдельности, так и в сообществе, а также права групп лиц развивать и выражать свои человеческие качества, свое видение мира и смысл, который они придают своему существованию и своему развитию посредством, в частности, ценностей, воззрений, убеждений, языков, знаний и искусства, институтов и образа жизни. Культурные права также защищают доступ к наследию и ресурсам, которые позволяют осуществлять такие процессы идентификации и развития»⁵.

¹ Права человека. Изложение фактов № 16. Комитет по экономическим, социальным и культурным правам. – URL: <https://www.ohchr.org/sites/default/files/Documents/Publications/FactSheet16Rev.1ru.pdf> (дата обращения: 10.07.2024).

² Обеспечение достойного труда в платформенной экономике: доклад, пятый пункт повестки дня // 113-я сессия Международной конференции труда. – Женева: МОТ, 2024. – С. 33–35.

³ Карташкин В.А. Цифровые права человека: международно-правовое и социальное измерения // Вестник РУДН. Сер. Социология. – 2022. – Вып. 22, № 4. – С. 949.

⁴ Там же.

⁵ Обзор культурных прав: природа, вопросы и вызовы. – URL: <https://www.ohchr.org/ru/special-procedures/sr-cultural-rights/mapping-cultural-rights-nature-issues->

В докладе также указано, что культурные права являются важнейшими средствами развития, поддержания мира, искоренения нищеты и укрепления социальной сплоченности, а также взаимного уважения и понимания между отдельными лицами и группами людей при всем их разнообразии¹.

Необходимо отметить влияние цифровизации на развитие и реализацию культурных прав. Стали появляться цифровые права в сфере культуры, к которым относят право на доступ, использование, создание и публикацию цифровых произведений; право на доступ к информационным цифровым культурным ресурсам; право на использование NFT-токенов как аналога цифрового сертификата, который закрепляет право владения уникальным культурным объектом. Специалисты отмечают, что концепция культурных прав человека будет меняться в зависимости от условий их реализации и от применения той или иной цифровой технологии².

Международно-правовое закрепление универсальных стандартов социальных и трудовых прав

Само закрепление права на труд в указанном Пакте предполагает признание права каждого индивида на получение возможности зарабатывать себе на жизнь трудом, на основе свободного выбора или свободного соглашения, и принятие надлежащих мер к его обеспечению. (ч. 1 ст. 6). Это позволяет говорить о праве на труд как о свободе труда, которая может выражаться в выборе форм занятости и в занятии трудом в государстве происхождения или же в другой стране. В п. 6 Замечания общего порядка № 18 Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам 2005 г.³ уточняется определение права на труд как одновременно индивидуального и коллективного права человека, рас-

stake-and-challenges. – Доклад Специального докладчика в области культурных прав. Размещен 4 января 2018 г. A/HRC/37/55 (дата обращения: 10.07.2024).

¹ Там же.

² Савченко Е.А. Культурные права человека в условиях цифровизации // Вестник Томского гос. ун-та. Право.–2023. – № 49. – С. 152.

³ Замечание общего порядка № 18 «Право на труд» Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам. Принято на 35-й сессии Комитета 24 ноября 2005 г. Doc. E/C. 12/GC/18. 6 February 2006. – 2006. – Р. 4.

пространяющегося на все виды трудовой деятельности, включая оплачиваемую работу по найму и самоорганизацию. В п. 4 Замечания общего порядка № 23 о праве на справедливые и благоприятные условия труда 2016 г.¹ перечисляются в качестве возможных новых категорий работников самозанятые трудящиеся, сельскохозяйственные трудящиеся, беженцы и неоплачиваемые трудящиеся.

Право на труд представлено для государств-участников обязательствами по его уважению, защите и осуществлению. Уважение труда означает воздержание государств от действий, которые прямо или косвенно препятствуют его осуществлению. Защита подразумевает меры, которые предупреждают вмешательство третьих сторон в реализацию права на труд. Содействие и поощрение прав трудящихся связаны с надлежащими мерами, предпринимаемыми государствами для обеспечения занятости². Труд должен быть достойным, обеспечивающим уважение основных прав человека и получение дохода, который позволит работникам содержать себя и членов своей семьи (ст. 7 Пакта).

Принципы, обеспечивающие реализацию права на труд

Основные принципы трудового права, такие, как свобода труда, право на труд, запрет принудительного труда и свобода объединения, по мнению К.Л. Томашевского, имеют значение межотраслевых принципов и определяют направление «дальнейшего развития в регламентации трудовых и непосредственно свя-

¹ Замечание общего порядка № 23 «О праве на справедливые и благоприятные условия труда» Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам. – 2016. – URL: <https://www.ohchr.org/ru/documents/general-comments-and-recommendations/general-comment-no-23-2016-right-just-and-favourable> Doc. E/C.12/GC/23 (дата обращения: 10.07.2024).

² Подробнее об этом см.: Обобщение правовых позиций межгосударственных органов по защите прав и свобод человека и специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека, по вопросу защиты права лица на труд и на социальное обеспечение. Управление систематизации законодательств и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации. – 2019. – С. 7–8. – URL: https://www.vsrfr.ru/documents/international_practice/27902/?ysclid=ly8q7ive95386437953 (дата обращения: 10.07.2024).

занных с ними отношений»¹. Д.В. Трескин выделяет среди принципов международного трудового права, признанных Международной организацией труда (МОТ), социальную справедливость, одинаковую оплату за труд равной ценности, свободу слова и ассоциации персонала, гуманность на рабочем месте, социальное партнерство, отмену всех форм принудительного труда, запрет детского труда, недискриминацию в области труда и занятости². Здесь стоит заметить, что автор перечисляет совместно общие принципы, применяемые к социальным и трудовым правам человека, и специальные принципы, относящиеся к сфере обеспечения труда. Так, в ст. 23 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. содержится указание на принципы, значимые в области трудовых прав: «Каждый человек имеет право на труд, на свободный выбор работы, на справедливые и благоприятные условия труда и свободу от безработицы». В приложении к Уставу МОТ 1919 г., действующему в редакции поправок 1972 г., которое названо Декларацией о целях и задачах МОТ, перечислены такие принципы, на которых основано это специализированное учреждение: 1) труд не может быть товаром; 2) свобода слова и объединения составляют необходимое условие постоянного прогресса; 3) нищета означает угрозу общему благосостоянию; 4) борьба с нуждой ведется в каждом государстве, на международном уровне, и посредством объединения усилий работников, работодателей и представителей правительств (ст. I). В ст. II также включено изложение принципа социальной справедливости. Статья 7 Пакта выделяет такие компоненты данного принципа, как недискриминация мужчин и женщин в гарантиях условий труда и равной оплате, возможность продвижения в работе на основании трудового стажа и квалификации, отдых, досуг и оплачиваемый отпуск.

Представляется, что нужно разделять принципы и запреты, существующие в отношении права на труд. Так, общий запрет

¹ Томашевский К.Л. Либертарные принципы трудового права в государствах-членах Евразийского экономического союза // Russian Journal of Economics and Law. – 2024. – N 1. – С. 139.

² Трескин Д.В. Регулирование труда нормами международного права // Научный лидер. – 2021. – № 25 (27). – URL: <https://scilead.ru/article/657-regulirovanie-truda-normami-mezhdunarodnogo-pr> (дата обращения: 10.07.2024).

дискриминации, установленный в ч. 2 ст. 2 Пакта, распространяется на уравнивание в трудовых правах мужчин и женщин, молодых и пожилых людей, обеспечение этих прав для работников-инвалидов, трудящихся-мигрантов, представителей этнических меньшинств, домашних работников, самозанятых и сельскохозяйственных работников. Помимо гендерной дискриминации, государства-участники не должны допускать любых других ее видов. Запрещено применение детского и подросткового труда в области, вредной для их нравственности и здоровья или опасной для жизни и вредящей их нормальному развитию; дети и подростки должны быть защищены от экономической и социальной эксплуатации (ч. 3 ст. 10). Статья 8 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. включает запрет принудительного или обязательного труда. Ч. 1 ст. 2 Конвенции МОТ № 29 о принудительном или обязательном труде 1930 г. действует (в редакции Протокола 2014 г.) определяет таковой в качестве работы или службы, требуемой от какого-либо лица под угрозой наказания, для которой это лицо не предложило своих услуг добровольно. Данное определение не охватывает применения законодательства об обязательной военной службе и не действует в отношении труда в условиях чрезвычайных обстоятельств и общественных гражданских работ, выполняемых для прямой коллективной пользы.

Международно-правовые аспекты права на социальную защиту и участие Российской Федерации

Что касается права на социальное обеспечение, то оно в лаконичном формате закреплено ст. 9 Пакта об экономических, социальных и культурных правах и включает социальное страхование. Учёными-правоведами изучаются правовые аспекты, которые интерпретируют изначально установленное право на социальное обеспечение. Так, Е.Е. Мачульская указывает на современные приоритеты усилий МОТ в данной области, в том числе, по созданию возможностей для получения молодежью достойной работы, обеспечению гендерного равенства и равноправного участия женщин и мужчин в сфере труда, поддержанию безопасности и гигие-

ны труда и искоренению бедности во всем мире¹. Зачастую при исследовании вопроса о социальных правах человека в международном праве используется и понятие социальной защиты, т.е. совокупности мер и правовых гарантий, используемых международным сообществом и государствами для общего укрепления таких прав и специализированных институтов по поддержки уязвимых групп (дети, лица с ограниченными возможностями, беженцы, трудящиеся-мигранты, пожилые люди). М.С. Егорова предлагает определить понятие «социальная защита» как «системную совокупность гарантий законодательного, экономического и социального типа, которые обеспечивают способным трудиться гражданам страны равные права и условия труда», при этом социально уязвимые группы должны обеспечиваться «приоритетным доступом к общественным фондам потребления» и государственной поддержкой².

Национальный доклад Российской Федерации на универсальном периодическом обзоре (УПО), состоявшемся в рамках деятельности Совета ООН по правам человека в ноябре 2023 г.³, содержит параграф «С», где определены основные направления защиты социально уязвимых групп населения. К ним принадлежит:

- совершенствование семейного законодательства и усиление значения семейных ценностей;
- объявление программы «Десятилетие детства» (до 2027 г.) в качестве приоритета реализации Национальной стратегии действий в интересах детей;
- долгосрочная программ трудоустройства молодежи до 2030 г.;
- особая защита и внимание детям-инвалидам, детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей;

¹ Мачульская Е.Е. Столетие Международной организации труда (МОТ): итоги и новые вызовы // Ежегодник трудового права: сб. научн. статей. – Санкт Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та. – 2020. – Вып. 10. – С. 10–11.

² Егорова М.С. Понятие и сущность социальной защиты населения // Молодой ученый. – 2020. – № 35 (325). – URL: <https://moluch.ru/archive/325/73303/?ysclid=lpzg2xfqrx200167404> (дата обращения: 10.07.2024).

³ Национальный доклад Российской Федерации, представленный 13 ноября 2023 г. на 44-й сессии рабочей группы Совета ООН по правам человека по проведению Универсального периодического обзора. – URL: <https://minjust.gov.ru/uploaded/files/1-doklad-rf-upo-2023.pdf> (дата обращения: 10.07.2024).

- организация федерального проекта «Старшее поколение» и системы долговременного ухода за пожилыми людьми;
- профессиональное обучение граждан в возрасте 50 лет и старше;
- волонтерство;
- предоставление бесплатной юридической помощи (в том числе, на базе 30 негосударственных центров).

Контрольным договорным органом ООН по Пакту выступает Комитет по экономическим, социальным и культурным правам, учрежденный резолюцией ЭКОСОС и социального совета (ЭКОСОС) 1985/17¹. Он наделен компетенцией рассмотрения периодических докладов государств-участников Пакта по исполнению ими своих обязательств. Изначально эти функции были возложены на ЭКОСОС согласно ч. IV Пакта, поэтому данный орган ООН создал соответствующий Комитет. Обычно учреждение контрольных органов ООН по защите прав человека предусмотрено в универсальных договорах (процедуры обращения с индивидуальными жалобами закрепляются в протоколах к ним) и отнесено к функциям государств-участников, которые признают их компетенцию.

Шестой периодический доклад Российской Федерации, представленный Комитету ООН по экономическим, социальным и культурным правам на его 62-й сессии в 2017 г.², включал такие меры по обеспечению международно-правовых обязательств, вытекающих из Пакта, как:

¹ Резолюция ЭКОСОС 1985/17 от 28 мая 1985 г. «Обзор состава, организации и административных мероприятий Сессионной рабочей группы правительственных экспертов по осуществлению Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах. – URL: <https://documents.un.org/doc/resolution/gen/nr0/664/67/img/nr066467.pdf?token=5EOkMGYbNpiAHXnWOt&fe=true> (дата обращения: 10.07.2024).

² Шестой периодический доклад Российской Федерации о реализации положений Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах. Представлен на 62-й сессии Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам в 2017 г. – URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/g16/205/27/pdf/g1620527.pdf?token=z1KrNUdkAFYJk12ceX&fe=true> (дата обращения: 10.07.2024).

- принятие специальных мер по совмещению женщинами обязанностей по воспитанию детей и работы;
- продолжение женщинами профессионального образования в период нахождения в декретных отпусках;
- утверждение Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации до 2025 г.;
- принятие Национальной стратегии действий в интересах женщин (сейчас действует Стратегия на 2023–2030 гг.);
- улучшение условий для жизнедеятельности инвалидов и создание Федерального реестра инвалидов (после присоединения к Конвенции о защите инвалидов в 2012 г.);
- выполнение всех социальных обязательств;
- деятельность Федерального агентства по делам национальностей.

Общие начала культурных прав

Культурные права играют важную роль в развитии личности, общества и человечества в целом и в настоящее время так же, как и социально-экономические права, относятся ко второму поколению прав человека¹. В отличие от прав первого поколения, которые признаются абсолютными и защищают человеческую личность, культурные права призваны обеспечивать определенный нравственный и материальный достаток. Как известно, второе поколение прав и свобод человека представляет собой те права, которые выработались в ходе борьбы народов за рост благосостояния и улучшение культурного уровня (так называемые позитивные права)².

Как отмечает Д.С. Ивакина, культурные права – это «особая группа прав и свобод человека и гражданина, представляющая собой гарантированные конституцией или законом возможности самореализации человека в сфере культурной и научной жизни, а

¹ Подробнее см.: Бузуртанова П.М., Гандарова Л.Б. «Поколения» прав человека // StudNet. – 2021. – № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pokoleniya-prav-cheloveka> (дата обращения: 10.07.2024).

² Подробнее см.: Глуздак Г.Н., Чепенко Я.К. Генезис и эволюция концепции поколений прав человека // Уральский журнал правовых исследований. – 2022. – № 4. – С. 19–20.

также гарантированные государством возможности каждого свободно использовать весь комплекс культурных благ и удовлетворять свои потребности в этой области»¹.

Понятие и содержание культурных прав

Впервые на универсальном международно-правовом уровне культурные права были закреплены во Всеобщей декларации прав человека 1948 г. Так, в ст. 22 этой Декларации установлено, что «каждый человек, как член общества, имеет право на социальное обеспечение и на осуществление необходимых для поддержания его достоинства и для свободного развития его личности прав в экономической, социальной и культурной областях через посредство национальных усилий и международного сотрудничества, и в соответствии со структурой и ресурсами каждого государства». Ч. 1 ст. 27 определяет, что «каждый человек имеет право свободно участвовать в культурной жизни общества, наслаждаться искусством, участвовать в научном прогрессе и пользоваться его благами».

Обратим внимание, что понятия «наука», «научный прогресс» и «культура» часто фигурируют совместно в различных международно-правовых актах в области защиты прав человека. В данном контексте интерес представляет соотношение вышеуказанных понятий.

Комитет ООН по экономическим, социальным и культурным правам отмечает, что культура представляет собой инклюзивную концепцию, охватывающую все проявления жизни человека². Исходя из этого определения, можно сделать вывод о том, что понятие «культура» шире, чем «наука», и включает в себя другие аспекты жизни человека. Таким образом, право каждого человека на

¹ Ивакина Д.С. Культурные права и свободы человека и гражданина: вопросы содержания, методологии и классификации // Журнал российского права. – 2020. – № 4. – С. 31–32.

² Замечание общего порядка № 21 «Право каждого человека на участие в культурной жизни (пункт 1а) статьи 15 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах» Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам. Принято на 43 сессии (2–20 ноября 2009 г.) Док. E/C. 12/GC/21.

участие в культурной жизни включает в себя также право на участие в научном прогрессе и принятии решений, касающихся его направления. Это толкование вытекает также из принципов участия и инклюзивности, лежащих в основе Пакта, и выражения «пользование результатами научного прогресса». Такие результаты не ограничиваются материальными благами или плодами научного прогресса, они интегрируют развитие критического мышления и способности заниматься научной деятельностью. Это понимание подтверждается подготовительными материалами разработки ст. 15 Пакта, которые показывают, что эта статья предназначалась для развития положений ст. 27 Всеобщей декларации прав человека¹. Таким образом, научная деятельность касается не только ученых, но и включает в себя «науку обычных граждан» (обычных людей, занимающихся наукой) и распространение научных знаний. Государства-участники должны не только воздерживаться от того, чтобы препятствовать участию граждан в научной деятельности, но и активно ему содействовать².

Всеобщая декларация прав человека в ч. 2 ст. 27 устанавливает, что каждый человек имеет право на защиту его моральных и материальных интересов, являющихся результатом научных, литературных или художественных трудов, автором которых он выступает. Таким образом, она не только предоставляет право свободного участия в культурной жизни, но и устанавливает минимальный уровень защиты авторских прав на произведения науки и культуры.

Дальнейшее закрепление и развитие культурные права получили в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. Необходимо отметить, что, в отличие от Всеобщей декларации прав человека, Пакт закрепляет не только индивидуальное право каждого человека реализовывать свои культурные права, но и коллективные права народа свободно

¹ Strydom H. The Protection of Economic, Social and Cultural Rights in International Law // Constitutional Review. – 2019. – Vol. 5, N 2. – P. 226.

² Замечание общего порядка № 25 Замечание общего порядка № 25 (2020) о науке и экономических, социальных и культурных правах (пункты 1b), 2, 3 и 4 статьи 15 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах) Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам. Принято на 67-й сессии (17 февраля – 6 марта 2020 г.). Doc. E/C. 12/GC/25.

обеспечивать свое культурное развитие. Так, например, в ч. 1. ст. 1 речь идет о праве народов на самоопределение, в силу которого они свободно реализуют свое экономическое, социальное и культурное развитие.

Принципы защиты культурных прав

Важное значение в реализации культурных прав имеют принципы недискриминации и равного обращения. В соответствии со ст. 3 Пакта, установлена обязанность государств обеспечить равное для мужчин и женщин право пользования всеми экономическими, социальными и культурными правами. Вместе с тем, данное положение представляется избыточным, так как в ч. 2 ст. 2 Пакта запрещается любая дискриминация в осуществлении права каждого человека на участие в культурной жизни по признаку расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального положения, имущественного положения, рождения или иного обстоятельства.

Нужно отметить, что принцип недискриминации в отношении реализации культурных прав развивается и конкретизируется в других международно-правовых актах, в частности, докладах Комитета по экономическим, социальным и культурным правам. Так, ни один человек не должен подвергаться дискриминации за сделанный им выбор в пользу принадлежности или непринадлежности к данной культурной общине или группе, либо осуществления или неосуществления конкретной культурной деятельности. Аналогичным образом никто не может быть лишен доступа к культурной практике, объектам и предметам, а также услугам культурного назначения.

Комитет по экономическим, социальным и культурным правам на своей 43-й сессии (2–20 ноября 2009 г.) обратил внимание на то, что ликвидация всех форм дискриминации с целью гарантировать осуществление права каждого человека на участие в культурной жизни во многих случаях может быть достигнута с помощью ограниченных ресурсов путем принятия, изменения или отмены соответствующего нормативно-правового акта или за счет информирования населения. Первым и важным шагом в деле ликвидации дискриминации для государства является признание су-

ществования различий в культурном самоотождествлении отдельных лиц и общин, проживающих на его территории¹. Комитет также отметил, что даже в периоды острой нехватки ресурсов наиболее уязвимые члены общества могут и должны быть защищены путем принятия сравнительно недорогостоящих целевых программ².

Необходимо указать, что принятие временных специальных мер с единственной целью достижения фактического равенства не представляет собой дискриминации в том случае, если такие меры не приводят к сохранению неравной защиты или формированию отдельной системы защиты для определенных лиц, или групп таких лиц, и если применение этих мер прекращается по достижении тех целей, ради которых они принимались.

Здесь нужно сделать ремарку о том, что к лицам и общинам, требующим особой защиты при реализации культурных прав, относятся женщины; дети; пожилые люди; инвалиды; меньшинства; мигранты; коренные народы; лица, живущие в условиях нищеты³.

Вместе с тем, в Замечании общего порядка № 25 Комитетом не включены в категорию лиц, требующей особой защиты, дети, пожилые люди и мигранты⁴. Это связано с тем, что указанные категории лиц являются, по его мнению, менее уязвимыми, однако

¹Замечание общего порядка № 21 «Право каждого человека на участие в культурной жизни (пункт 1а) статьи 15 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах) Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам». Принято на 43-й сессии (02–20 ноября 2009 г.) Doc. E/C. 12/GC/21.

²Замечание общего порядка № 3 «Природа обязательств государств-участников (пункт 1 статьи 2 Пакта)» Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам. Принято на 5-й сессии (1990 г.). Doc. E/1991/23.

³Замечание общего порядка № 21 «Право каждого человека на участие в культурной жизни (п. 1а) статьи 15 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах)» Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам. Принято на 43-й сессии (02–20 ноября 2009 г.) Doc. E/C. 12/GC/21.

⁴Замечание общего порядка № 25 «О науке и экономических, социальных и культурных правах (пункты 1b, 2, 3 и 4 статьи 15 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах)» Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам. Принято на 67-й сессии (17 февраля – 6 марта 2020 г.). Doc. E/C. 12/GC/25.

они также продолжают пользоваться особой защитой при реализации культурных прав.

Как замечает Е.А. Кукин, «равное обращение как один из аспектов равенства не эквивалентно идентичному обращению. Для реализации полного и эффективного равенства необходимо обращаться с людьми по-разному, в зависимости от различных обстоятельств, в которых они находятся, отстаивать их равную ценность и содействовать реализации их возможностей участия в жизни общества на равной основе»¹.

Помимо права на участие в культурной жизни, пользование результатами научного прогресса и их практического применения, защиты авторских прав на научные, литературные и художественные труды, в ст. 15 Пакта об экономических, социальных и культурных правах предусмотрены обязанности государств по осуществлению мер, необходимых для охраны, развития и распространения достижений науки и культуры, а также обязанности уважать свободу, необходимую для научных исследований и творческой деятельности.

Международно-правовое определение и защита культуры и культурных прав с участием Российской Федерации

На данный момент какого-либо унифицированного определения культурных прав в международном праве не существует (как нет таких определений и в отношении гражданских, политических, экономических и социальных прав).

В соответствии с определением, которое дается в преамбуле Всеобщей декларации о культурном разнообразии 2001 г., культура должна рассматриваться как «совокупность присущих обществу или социальной группе отличительных признаков – духовных и материальных, интеллектуальных и эмоциональных» и, помимо искусства и литературы, она охватывает образ жизни, «умение жить вместе», систему ценностей, традиции и верования.

Новеллой Всеобщей декларации 2001 г. является конкретный перечень культурных прав (ст. 5). Кроме того, установлены

¹ Кукин Е.А. Культурные права как неотъемлемая часть системы прав человека // Вестник РУДН. Сер. Юридические науки. – 2011. – № 4. – С. 216.

обязанности ЮНЕСКО как специализированного учреждения ООН по учету принципов развития культурных прав; выполнению информационных функций и координации усилий государств, международных правительственных и неправительственных организаций и гражданского общества по совместной разработке концепций, задач и политических решений в поддержку культурного разнообразия; проведению нормотворческой работы и деятельности по привлечению внимания общественности.

Значимым универсальным договором в сфере культурных прав стала Конвенция об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения 2005 г. Особенностью Конвенции является закрепление восьми руководящих принципов реализации культурного разнообразия. Помимо таких универсальных принципов, как уважение прав человека и основных свобод, принцип суверенитета, а также принципа равного доступа, который был закреплён в Пакте 1966 г., этот договор устанавливает инновационные для сферы культуры принципы:

- равного достоинства и уважения всех культур;
- международной солидарности и сотрудничества;
- взаимодополняемости экономических и культурных аспектов развития;
- устойчивого развития;
- открытости и сбалансированности.

Множество ссылок на культурные права можно найти в положениях международных договоров, касающихся правового статуса меньшинств и коренных народов, в частности, в ст. 27 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г., Декларации прав лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам 1992 г., Декларации о правах коренных народов 2007 г. и Конвенции МОТ № 169 о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни, 1989 г.

Как замечено в докладе независимого эксперта в области культурных прав Ф. Шахид, они затрагивают «широкий круг вопросов, включая самовыражение и творчество, в том числе разные материальные и нематериальные формы искусства; информацию и коммуникацию; язык; идентичность и принадлежность к смешанным, разнообразным и меняющимся сообществам; формирование

особых представлений о мире и ведение определенного образа жизни; образование и профессиональную подготовку; доступ, вклад и участие в культурной жизни; осуществление культурных практики и доступ к материальному и нематериальному культурному наследию»¹.

Таким образом, право на участие в культурной жизни может быть определено в качестве одной из свобод человека. Для ее обеспечения от государства-участника требуется как воздерживаться от каких-либо действий (например, не вмешиваться в осуществление культурной практики и в доступ к культурным благам и услугам), так и предпринимать стимулирующие меры (обеспечивать предварительные условия для участия в культурной жизни, для содействия ей и для ее поощрения, а также доступ к культурным благам и их сохранение). Решение человека относительно осуществления или неосуществления права на участие в культурной жизни на индивидуальной основе или совместно с другими является культурным выбором и в этом качестве должно признаваться, уважаться и защищаться на основе равенства.

В национальном докладе Российской Федерации Совету ООН по правам человека при проведении универсального периодического отчета в 2023 г. указано, что одним из приоритетных направлений ее политики является совершенствование законодательства в сфере культуры, которое направлено на создание наиболее благоприятных условий для представителей творческих профессий, доступ к культурным ценностям и их защиту, обеспечение культурных прав граждан. В целях создания правовых гарантий для обеспечения культурной самобытности всех народов и этнических общностей России и сохранения этнокультурного и языкового многообразия в 2022 г. был принят Федеральный закон от 20.10.2022 № 402-ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации».

Принцип недискриминации в сфере осуществления культурных прав нашел свое отражение в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025

¹ Доклад Независимого эксперта в области культурных прав г-жи Фариды Шахид, представленный в соответствии с резолюцией 10/23 Совета по правам человека 22 марта 2010. Doc. A/HRC/14/36.

г., утвержденной Указом Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 (ред. от 15.01.2024). Данный принцип реализуется путем непосредственного участия представителей объединений коренных малочисленных народов, научного и экспертного сообщества в различных государственных органах и общественных объединениях. Отдельное внимание уделяется созданию условий для взаимодействия людей разных национальностей и вероисповеданий. В докладе определено, что культура каждого народа имеет возможность получить поддержку государства. Это способствует преодолению социальной обособленности и препятствует формированию этнических анклавов. Системные законодательные требования по созданию безбарьерной среды для инвалидов в культурной сфере реализуются путем создания и функционирования специализированных организаций: библиотек для слепых, инклюзивных театральных организаций, инклюзивных творческих лабораторий на базе культурно-досуговых учреждений. Обеспечивается также вовлечение граждан старшего поколения в культурную и досуговую деятельность. При осуществлении культурной политики Российской Федерации учитываются интересы лиц и общин, требующих особой защиты: инвалидов, пожилых людей, детей и коренных малочисленных народов.

Заключение

Будучи согласно традиционной международно-правовой классификации принадлежащими ко второму поколению прав человека, трудовые, социальные и культурные права тесно связаны с национально-правовым обеспечением со стороны государств, которые приняли на себя обязательства по соответствующим универсальным договорам. Принципы реализации указанных прав человека представлены в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., других международно-правовых актах системы ООН и уточняются в замечаниях общего порядка, издаваемых Комитетом ООН по экономическим, социальным и культурным правам. Формами контроля за выполнением обязательств, составляющих основу Пакта, выступают периодические доклады государств-участников Комитету и национальные доклады, предлагаемые к рассмотрению Советом ООН по правам

человека при осуществлении универсальных периодических обзоров. При этом участвующие страны включают в содержание докладов мониторинг национального законодательства по трудовому, социальному и культурному блоку, что позволяет говорить о ценном информационном обмене в контексте различных правовых моделей защиты данных прав человека. Сегодня темы научных изысканий обусловлены наличием многих организационно-правовых возможностей для осуществления труда, понятием социальной защиты, участием отдельных лиц и групп людей в культурном самовыражении. Формулирование дополнительных принципов в отношении применения трудовых, социальных и культурных прав человека также инициирует современные направления межгосударственного сотрудничества в гуманитарной сфере.

АЛФЕРОВА Е.В.¹ НОВЫЕ ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ СИСТЕМЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Аннотация. Современное цифровое технологическое развитие имеет серьезные экономические, политические и культурные последствия, этот процесс инициирует правовую трансформацию, включающую перевод абстрактных идей о «цифровых правах» в конкретные юридически признанные нормы прав человека, а также формулирование новых цифровых прав на международном и национальном уровнях. Генеральная Ассамблея ООН, Совет ООН по правам человека и другие международные и региональные организации приняли множество актов, которые позволяют адаптировать международную систему прав человека к цифровой эпохе, расширять и распространять общепризнанные права человека на деятельность в Интернете, приспособить существующие права человека к новым и меняющимся условиям. В данной обзорной статье раскрываются исследования ряда ученых, анализирующих структуру международной системы прав человека в условиях внедрения цифровых технологий. Этот меняющийся нормативный ландшафт создает новые возможности для эволюции прав человека, но также вызывает новые опасения по поводу их приемлемости в международной системе прав человека.

Ключевые слова: международная система прав человека; цифровое развитие; цифровые права; экстерриториальность прав человека.

¹ Алферова Елена Васильевна, ведущий научный сотрудник отдела правоведения ИНИОН РАН, кандидат юридических наук.

ALFEROVA E.V. New vectors of development of the international human rights system in the digital age

Abstract. Modern digital technological development has serious economic, political and cultural consequences, this process initiates a legal transformation, including the translation of abstract ideas about «digital rights» into specific legally recognized human rights norms, the formulation of new digital rights at the international and national levels. The UN General Assembly, the UN Human Rights Council and other international and regional organizations have adopted many acts that make it possible to adapt the international human rights system to the digital age, expand and disseminate universally recognized human rights to online activities, and adapt existing human rights to new and changing conditions. This review article reveals the research of a number of scientists analyzing the structure of the international human rights system in the context of the introduction of digital technologies. This changing normative landscape creates new opportunities for the evolution of human rights, but also raises new concerns about their acceptability in the international human rights system.

Keywords: international human rights system; digital development; digital rights; extraterritoriality of human rights.

Для цитирования: Алферова Е.В. Новые векторы развития международной системы прав человека в цифровую эпоху // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. Государство и право. – 2024. – № 4. – С. 203–216. – DOI: 10.31249/iajpravo/2024.04.0

Введение

В данной обзорной статье представлены новые исследования в области цифровых прав человека во взаимосвязи с международной системой прав человека (далее – МСПЧ). Как показывает их анализ, внимание ученых-правоведов сосредоточено на:

- 1) проблемах адаптации фундаментальных норм МСПЧ к цифровым изменениям и появлению новых прав человека;
- 2) новых поколениях цифровых прав человека;
- 3) юридическом осмыслении подходов к правовому регулированию цифровых прав;

4) изменениях в МСПЧ и установлении юридического стандарта экстерриториального применения прав человека; обязательствах правительств активно регулировать интернет-бизнес и др.

Рассмотрим эти вопросы с точки зрения исследователей, чьи работы представлены в данном обзоре.

Проблемы адаптации содержания международной системы прав человека к онлайн-среде

Современная «цифровая революция», названная Четвертой промышленной революцией, представляет собой научное кибертехнологическое развитие человечества, обусловленное внедрением цифровых коммуникационных достижений в жизнь человека, общества и государства. Как и другие предыдущие, эта «революция» инициирует процесс нормативной трансформации, включающий перевод абстрактных идей о «цифровых правах» в конкретные юридически признанные нормы, в том числе в области прав человека посредством формулирования новых юридически обязательных или мягких правовых инструментов. Совет ООН по правам человека и Генеральная Ассамблея в целях адаптации МСПЧ к цифровой эпохе приняли множество резолюций, которые поддерживают распространение личных прав человека на деятельность в Интернете¹.

Процесс адаптации многочисленных норм МСПЧ, в том числе общепризнанных, к новым ситуациям требует внесения изменений в содержание и в способ применения этих норм в новых цифровых условиях. Например, доводы в поддержку свободы выражения мнений применимы как вне Сети (офлайн), так и в Интернете (онлайн). «Защита международно-признанного права получать и распространять информацию “любыми средствами” должна охватывать распространение контента в социальных сетях и на других цифровых платформах», – утверждает Давид. Кайе, специальный докладчик по вопросам свободы выражения мнения

¹ См., напр.: Human Rights Council Res. 20/8, U.N. Doc. A/HRC/RES/20/8, at 2 ¶ 1 (July 5, 2012); Human Rights Council Res. 26/13, U.N. Doc. A/HRC/RES/26/13, at 2 ¶ 1 (June 26, 2014); Human Rights Council Res. 32/13, U.N. Doc. A/HRC/RES/32/13, at 3 ¶ 1 (July 1, 2016); Human Rights Council Res. 38/7, U.N. Doc/HRC/RES/38/7, at 3 ¶ 1 (July 5, 2018).

СПЧ ООН¹. Тем не менее различные социальные и технологические контексты для осуществления свободы выражения мнений в цифровой среде могут потребовать более жестких мер регулирования, особенно в отношении оскорбительных высказываний. Такой подход востребован в случае больших рисков, например, связанных с высказываниями ненависти в Интернете или неспособностью онлайн-бизнеса эффективно решать проблему дезинформации².

Адаптация содержания прав человека к онлайн-среде требует разработки новых теоретических обоснований цифровых прав³. Например, теории, касающиеся права на неприкосновенность част-

¹ См.: Kaye D. (Special Rapporteur on Freedom of Opinion and Expression): Report, at 22 57, U.N. Doc. A/74/486 (Oct. 9, 2019). – URL: https://www.ohchr.org/sites/default/files/Documents/HRBodies/CCPR/GCArticle21/EXPERT_Mr_David_Kaye_SR_on_Freedom_of_opinion_and_expression.pdf (дата обращения: 11.01.2024).

² См.: Dror-Shpoliansky D., Shany Yu. It's the End of the (Offline) World as We Know it: from Human Rights to Digital Human Rights – a Proposed Typology // Journal of Law and Sustainable Development. – 2023. – Vol. 11, N 5. – URL https://csrcl.huji.ac.il/sites/default/files/csrl/files/digital_human_rights_3.6.20.pdf; Shadmy T. Content Traffic Regulation: A democratic Framework to Address Misinformation // Jurimetrics. – 2022. – Vol. 63, N 1. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4203322 (дата обращения: 11.01.2024); Кокколи Я. Вызовы новых технологий в области реализации прав человека: анализ некоторых критических вопросов в цифровую эпоху // Большие данные в социальных и гуманитарных науках: сб обзоров и рефератов / РАН, ИНИОН, Центр науч.-информ. Исслед. по науке, образованию и технологиям; отв. ред. Е.Г. Гребенщикова. – Москва, 2019. – С. 144–150. – Ref. ad op.: Coccoli J. The challenges of new technologies in the implementation of human rights: An analysis of some critical issues in the digital era // Peace human rights governance (PHRG). – Venice, 2017. – Vol. 1, N 2. – P. 223–250.; Алферова Е.В., Иванова А.П. Правовое регулирование в сфере борьбы с дезинформацией в Интернете // Правовая информатика. – 2023. – № 3. – С. 11–17 и др.

³ См.: Умнова-Конюхова И.А., Алферова Е.В., Алешкова И.А. Цифровое развитие и права человека / РАН, ИНИОН, Центр социал. и науч.-информ. исслед., отд. правоведения. – Москва, 2021. – 174 с.; Права человека в информационной сфере в условиях цифровизации: науч.-практ. пособие / Н.С. Волкова, А.С. Емельянов, А.А. Ефремов [и др.]; отв. ред. Л.К. Терещенко. – Москва: Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ: Информатик Медиа, 2023. – 244 с.; Алферова Е.В. Трансформация универсальных и конституционных прав человека в условиях цифровизации // Конституционное и муниципальное право. – 2023. – № 11. – С. 31–36, др.

ной жизни в Интернете, свидетельствуют о переходе от защиты отдельных лиц от неоправданного вторжения в их личное пространство к защите личной информации и управлению ею как в частных, так и в общественных местах. Теории о неприкосновенности частной жизни, считает Ю. Шейни из Еврейского университета в Иерусалиме, должны все чаще учитывать способы защиты отдельных лиц от неправомерных манипуляций их желаниями, мыслями и мнениями. В таких случаях выбор между старыми и новыми нормами сопряжен со сложными правовыми дилеммами. И одна из них – требуется ли вводить новые нормы в МСПЧ или ограничиться уже действующими и применять их с учетом изменившихся экономических, коммуникационных и других отношений. Другая – как преодолевать пробелы в международном законодательстве в сфере защиты прав человека¹. Так, в контексте общепризнанных прав человека существует потребность в усилении гарантий защиты прав человека на информацию, закрепленных во Всеобщей декларации прав человека (1948), и конкретизации принципов допустимости ограничения свободы информации, предусмотренных в Международном пакте о гражданских и политических правах (1966).

Существуют также определенные аспекты новых цифровых прав, которые требуют пересмотра некоторых ключевых особенностей МСПЧ: преобладание территориальной модели выполнения обязательств в области прав человека; акцент на ответственности правительств за нарушения прав человека в отличие от транснациональных компаний и других негосударственных субъектов; склонность органов МСПЧ применять инструменты МСПЧ в отрыве от других правовых инструментов и др.

К сожалению, адаптация международных правил, применимых к цифровым технологиям, происходит, как отмечают исследователи, медленно; действующее международное право с опозданием реагирует на технологические инновации, нарушаются

¹ См.: Shany Yu. Digital Rights and the Outer Limits of International Human Rights Law // German Law Journal. – 2023. – Vol. 24, N 3. – P. 464–465. – URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/german-law-journal/article/digital-rights-and-the-outer-limits-of-international-human-rights-law/F05FEC468802982F592FE7239CEB55A2> (дата обращения: 11.01.2024).

границы конфиденциальности и информационной безопасности на международном, региональном и внутригосударственном уровнях¹.

В целях преодоления такой ситуации предлагается сосредоточить внимание на основных направлениях формирования и развития принципов международного права, касающихся прав человека и их защиты в условиях цифровизации государства и общества: 1) определить принципы цифровизации, обеспечивающие сохранение и развитие прав и свобод человека; 2) вести поиск оптимальных моделей правового регулирования при построении информационного общества, в рамках которых искусственный интеллект должен служить реализации универсальных прав человека; 3) не допускать умаления универсальных прав человека и гарантировать их незыблемость, наряду с формированием новых цифровых прав; 4) противодействовать угрозам прав человека, возникающим вследствие использования цифровых технологий (киберпреступность, цифровой терроризм и пр.); 5) повышать цифровую (информационную) культуру².

Новые поколения цифровых прав человека

Органы МСПЧ и заинтересованные стороны склонны реагировать на вызовы правам и интересам онлайн-пользователей, связанным с новыми цифровыми технологиями, с помощью трех основных комплексов цифровых прав, которые исследователи характеризуют как три «поколения» цифровых прав человека³.

Первое поколение предполагает радикальное переосмысление существующих прав человека, чтобы они соответствовали новым условиям цифровой эпохи. Свобода выражения мнений в Интернете, упомянутая выше, является одним из примеров цифрового права первого поколения. Международные организации расширили сферу действия этого права, включив в него выражение мнений в Интернете. Это измененное в условиях цифровизации право на

¹ См.: Умнова-Конюхова И.А., Алферова Е.В., Алешкова И.А. Указ. соч. – С. 51.

² Там же.

³ См.: Dror-Shpoliansky D., Shany Yu. Op.cit.

свободу выражения мнений теперь включает производное право на доступ в Интернет. Однако открытый доступ в Интернет сопряжен с повышенным риском услышать в Интернете оскорбительные речи. В связи с этим государства и международные организации поощряют цифровые платформы, которые разрабатывают и обеспечивают соблюдение эффективных правил управления контентом¹.

Другим примером цифрового права человека первого поколения является право на неприкосновенность частной жизни в Интернете. Здесь также содержание права претерпело множество перемен как в способе его применения, так и содержании. Например, «центр тяжести» юридической практики, направленной на защиту права на неприкосновенность частной жизни, сместился с защиты отдельных лиц от вторжений в их личное пространство на защиту их личных данных. Такой сдвиг предполагает отход от доминирующей концепции неприкосновенности частной жизни как права на то, чтобы вас «оставили в покое», к понятию неприкосновенности частной жизни, включающему право осуществлять контроль над личными данными и их использованием².

Второе поколение предполагает разработку новых цифровых прав человека, соответствующих новым потребностям и интересам онлайн-пользователей³. Эти права не имеют близких аналогов в офлайн-мире. Разница между двумя поколениями заключается в том, что первое предполагает использование существующих автономных прав, тогда как второе влечет за собой введение новых цифровых прав, как то: право на доступ в Интернет; право на информационное самоопределение; право не подчиняться автоматизированным решениям по вопросам, которые защищают право и интересы отдельных лиц быть свободными от произвольного и не-

¹ См.: European Parliament Legislative Resolution of 5 July 2022 on the Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council on a Single Market For Digital Services (Digital Services Act) and Amending Directive 2000/31/EC, at 56–58, COM (2020) 0825 final (July 5, 2022).

² См.: Menges L. A Defense of Privacy as Control // The Journal of Ethics. – 2021. – Vol. 25, N 4. – URL: https://www.researchgate.net/publication/345754295_A_Defense_of_Privacy_as_Control (дата обращения: 14.01.2024).

³ См.: Dror-Shpoliansky D., Shany Yu. Op.cit; Shany Yu. Op.cit. – P. 461–472.

подотчетного использования власти *де-факто* с помощью алгоритмов¹.

Права человека первого и второго поколения не требуют официального изменения структуры МСПЧ, утверждает Ю. Шейни. Тем не менее они находятся в значительном противоречии с этой структурой. Автор объясняет это тем, что осуществление цифровых прав в значительной степени зависит от поведения частных компаний, особенно интернет-провайдеров и интернет-платформ².

Третье поколение предполагает признание новых правообладателей и новых обязанностей. В отличие от первого и второго поколений здесь наблюдается отход от традиционной парадигмы МСПЧ. Это влечет за собой признание цифровых прав, принадлежащих пользователям Интернета, которые отделены от прав, которыми обладают физические лица согласно международному и национальному законодательству. Такой шаг в направлении создания новых юридических лиц сравним с теми, которые привели в частном праве к предоставлению юридических прав корпорациям и другим юридическим лицам. Третье поколение прав также предполагает прямое наложение обязательств на интернет-провайдеров, онлайн-платформы и другие технологические компании. Такие новые права и обязательства выходят за рамки традиционной, ориентированной на государство конфигурации МСПЧ, которая вращается только вокруг прав физических лиц и сопутствующих обязательств государств. Кроме того, поскольку они не обязательно связаны с государством, содержание прав третьего поколения может быть сосредоточено на вопросах, которые однозначно относятся к отношениям между онлайн-пользователями – цифровыми личностями – и онлайн-платформами, или

¹ См.: Shany Yu. Op. cit. – P. 465; Markland A. Epistemic Transformation at the Margins: Resistance to Digitalisation and Datafication within Global Human Rights Advocacy // Global society. – 2021. – Vol. 36, N 2. – P. 1–21. – URL: https://www.researchgate.net/publication/349031279_Epistemic_Transformation_at_the_Margins_Resistance_to_Digitalisation_and_Datafication_within_Global_Human_Rights_Advocacy (дата обращения: 14.01.2024).

² См.: Shany Yu. Op. cit. – P. 466–467.

поставщиками услуг, в случае цифровой идентификации или сетевого нейтралитета¹.

Таким образом, в результате развития цифровых прав в МСПЧ можно наблюдать значительное изменение традиционных прав – появляются новые права человека, которые вторгаются в архитектуру существующей фундаментальной системы защиты МСПЧ.

К вопросу об экстерриториальности прав человека при реализации цифровых (информационных) прав

Реализация цифровых прав человека напрямую связана с юрисдикционными полномочиями государств и их экстерриториальными обязательствами, предусмотренными в текстах конкретных договоров. Различные подходы в этом вопросе усматриваются даже в универсальных международных правовых актах – Международном пакте о гражданских и политических правах (далее – МПГПП) (ст. 2) и Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах (далее – МПЭСКП) (ст. 2). Постулаты международного права гласят, что действие международных договоров, связанных с правами человека, принципиально детерминируются юрисдикционной компетенцией государства, которая носит преимущественно территориальный характер, государства обязаны его уважать и обеспечивать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией права человека, признаваемые ст. 2 МПГПП. Однако в отношении МПЭСКП правило юрисдикции не применяется².

Поскольку деятельность государств и их правительств в значительной степени определялась и определяется преимущественно территориальным суверенитетом и территориальной юрисдикцией, традиционный подход к МСПЧ также имеет сильную террито-

¹ См.: Shany Yu. Op. cit. – P. 466–467.

² См.: Каналан Н. Экстерриториальные обязательства государств вне концепции государственной юрисдикции [реф.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: РЖ. Сер. 4: Государство и право.–2019. – № 1. – С. 200. – Реф. ст.: Kanalan I. Extraterritorial State Obligations beyond the Concept of Jurisdiction // German law journal. – 2018. – Vol. 19, N 1. – P. 43–64.

риальную направленность. Правовая доктрина прав человека также исходит из концепции, что права человека созданы как защита от необоснованного вмешательства государства, поэтому они ограничены его территорией. Однако сфера государственной деятельности постоянно расширяется, вместе с ней должны расширяться обязательства в области прав человека; несправедливость должна быть устранена независимо от того, где она возникает. Новая концепция экстерриториальных обязательств государства в отношении человека основывается на том, что последние распространяются на всех людей, независимо от внешних условий, от понятия государственной юрисдикции¹.

Этот подход применил Совет по правам человека ООН (СПЧ) в своем замечании общего порядка N 36 от 2018 г. при разработке юрисдикционного стандарта, охватывающего поведение с экстерриториальными последствиями, которое оказывает «прямое и разумно предсказуемое воздействие» на осуществление права на жизнь². Разработка этого функционального юрисдикционного стандарта, как предполагают исследователи, связана с появлением цифровых прав человека и обусловлена соблюдением права на неприкосновенность частной жизни в связи с экстерриториальным применением практики онлайн-контроля. Например, СПЧ рекомендовал США принять необходимые меры для соблюдения принципа – «любое вмешательство в право на неприкосновенность частной жизни должно соответствовать принципам законности, соразмерности и необходимости, независимо от гражданства или местонахождения лица, чьи сообщения находятся под прямым контролем»³.

Изменения происходят и в системе позитивных обязательств, предусмотренных МПЭСКП и МПГПП, а также факультативными протоколами к ним, и Всеобщей декларацией прав человека.

¹ Каналан Н. Экстерриториальные обязательства государств вне концепции государственной юрисдикции [реф.]. – С. 201.

² См.: Human Rights Committee, General Comment No. 36: The Right to Life, ¶¶ 22, 63 U.N. Doc. CCPR/C/GC/36 (2018).

³ Human Rights Committee, Concluding Observations in the Fourth Periodic Report of the U.S.A., 22, U.N. Doc. CCPR/C/USA/CO/4 (2014).

Традиционное различие между гражданскими и политическими правами, с одной стороны, и экономическими, социальными и культурными правами – с другой, проявилось в тексте МПГПП, сосредоточенном на негативных обязательствах, и МПЭСКП, в котором преобладают позитивные права. Эта парадигма была значительно подорвана в последние десятилетия. Международные пакты призывают правительства предпринимать активные шаги для защиты отдельных лиц от мер, предпринимаемых частными субъектами, которые мешают им пользоваться своими правами. К ним относятся меры по предупреждению преступности, экологическое регулирование и меры социального обеспечения. Учитывая значительную роль, которую технологические компании играют в содействии осуществлению цифровых прав человека, включая свободу слова в Интернете, неприкосновенность частной жизни в Интернете и право быть забытым, неудивительно, что должностные лица по правам человека, такие как специальные докладчики ООН по свободе выражения мнений и неприкосновенности частной жизни, например Айрин Хан и Дэвид Кайе, все больше внимания обращали на регулирующую роль правительств по отношению к технологическим компаниям¹.

Движение в направлении наложения позитивных обязательств на государства в отношении предполагаемых нарушений, совершаемых при посредничестве частных субъектов, имеет два компонента, которым придается особое значение в сфере цифровых прав человека. Первое предполагает усиление корпоративной ответственности с помощью платформы «Бизнес и права человека». Второе – экстерриториальный охват обязательств стран – экспортеров технологий в области прав человека.

После публикации Принципов Рагги² (Руководящих принципов по предпринимательству и правам человека ООН =The

¹ Khan I. (Special Rapporteur on the Freedom of Opinion and Expression), *Rep.*, at 18, 90–91, U.N. Doc. A/HRC/47/25 (Apr. 13, 2021); Kaye D. (Special Rapporteur on the Freedom of Opinion and Expression), *Rep.*, at 22, 57, U.N. Doc. A/74/486 (Oct. 9, 2019).

² Джон Рагги (John Ruggie), профессор-исследователь в области прав человека и международных отношений в Гарвардской школе права, Специальный представитель по правам человека и транснациональным корпорациям и другим предприятиям (*Rep.*, U.N. Doc. A/HRC/8/5 (Apr. 7, 2008)).

United Nations Guiding Principles on Business and Human Rights (UNGPs))¹, как отмечает Ю. Шейни, ведутся переговоры о заключении международного юридически обязательного документа по предпринимательству и правам человека. В проекте документа основное внимание уделяется обязанности государств регулировать деятельность предприятий, требуя от них проявлять «должную осмотрительность в области прав человека», устанавливать юридическую ответственность за нарушения прав человека, следить за тем, чтобы жертвам предоставлялись средства правовой защиты, и принимать участие в международном сотрудничестве по реализации этого документа².

Несомненно, такая система также применима к технологическим компаниям, деятельность которых влияет на осуществление цифровых прав человека, и, в частности, к тем, кто управляет онлайн-платформами, предоставляет интернет-услуги и разрабатывает продукты искусственного интеллекта.

Цифровые права человека и международная система прав человека: вопросы системной интеграции

Границы между МСПЧ и другими отраслями международного права постепенно исчезают. Ранее органы по мониторингу договоров МСПЧ, как правило, концентрировались на толковании и применении только конкретного документа, который им был доверен. Они редко ссылались на другие договоры МСПЧ или на обязательства государств, вытекающие из иных отраслей международного права, таких как международное гуманитарное право (МГП), «международное беженское право» или международное экологическое право. Этот подход «ограниченного видения» изме-

¹ См. Руководящие принципы ООН в области предпринимательской деятельности и прав человека. – 2022. – URL: https://en.wikipedia.org/wiki/United_Nations_Guiding_Principles_on_Business_and_Human_Rights (дата обращения: 14.01.2024).

² См.: Legally Binding Instrument to Regulate, in International Human Rights Law, the Activities of Transnational Corporations and Other Business Enterprises (Third Revised Draft, Aug. 17, 2021) – URL: <https://www.ohchr.org/sites/default/files/Documents/HRBodies/HRCouncil/WGTransCorp/Session6/LBI3rdDRAFT.pdf>.) (дата обращения: 15.11.2024); Shany Yu. Op. cit. – P. 469.

нился, и в последние десятилетия возрос интерес – в научных кругах и практике международного права – к применению принципа системной интеграции (ст. 31(3) (с) Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.) и к реализации формулы Венской декларации 1993 г., касающейся неделимости, взаимозависимости и взаимосвязанности всех прав человека (Vienna Declaration and Programme of Action, U.N. Doc. A/CONF. 157/23 (June 25, 1993)). Органы по мониторингу договоров МСПЧ теперь чаще ссылаются в своей работе на обязательства государств, вытекающие из других международных документов. В результате этого развития расширился охват их решений и их потенциальное нормативное влияние¹.

Аналогичное явление можно выявить в связи с применением цифровых прав. Распространенность злоупотреблений в Интернете, включая криминальные и военные кибератаки, кибертерроризм, привела к появлению деклараций о цифровых правах человека, в которых упоминаются такие проблемы, как кибербезопасность и необходимость безопасной онлайн-среды².

Это говорит о возросшей возможности установления связей между актами МСПЧ и другими правовыми документами, относящимися к киберпространству, такими как Будапештская конвенция о киберпреступности 2001 г., и Общим регламентом ЕС по защите данных 2016 г. (GDPR), а также между МСПЧ и международными нормативными процессами, касающимися кибербезопасности, такими как Вассенаарский процесс регулирования экспорта технологий двойного назначения 1996 г.

Таким образом, как и в других областях, в МСПЧ – чем больше цифровые технологии внедряются в различные его правовые, политические и экономические контексты, тем важнее осуществлять их регулирование, следуя принципу тесной взаимосвязи между актами национального, регионального и международного права.

¹ См.: Shany Yu. Op. cit. – P. 469–470.

² См.: European Declaration of Digital Rights and Principles, *supra* note 8, at Ch. 5.

Заключение

Развитие цифрового права в области прав человека в ответ на быстрые изменения, связанные с внедрением и адаптацией к новым технологиям, меняет природу МСПЧ. Последствиями этого стало радикальное переосмысление существующих норм в области прав человека, появление новых цифровых прав человека и распространение права прав человека на новых правообладателей и носителей обязанностей. Кроме того, события, связанные с цифровыми правами человека, также способствуют более широкому изменению в МСПЧ, которые включают функциональный подход к экстерриториальному применению МСПЧ, расширение позитивных обязательств, касающихся поведения частных компаний в области цифровых (информационных) коммуникаций и растущую склонность толковать нормы МСПЧ и реализовывать их во взаимосвязи с нормами международного права.

ЗАХАРОВ Т.В.¹ РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ПЕТИ В. БУДУЩЕЕ МИРОВОГО ПОРЯДКА: ШЕСТЬ ИЗМЕНЕНИЙ ПАРАДИГМЫ, КОТОРЫЕ ОПРЕДЕЛЯТ 2050 ГОД. = [PETIT V.] THE FUTURE OF THE GLOBAL ORDER: THE SIX PARADIGM CHANGES THAT WILL DEFINE 2050. – NEW JERSEY [ETC.]: WORLD SCIENTIFIC, 2021. – XX, 190 P.

Ключевые слова: футуризм; международная система; международная политика; глобальные проблемы современного общества; климатические изменения.

Keywords: futurism; international system; international politics; global problems of modern society; climate change.

Для цитирования: Захаров Т.В. [Рецензия] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. Государство и право. – 2024. – № 4. – С. 217–221. – Реферат книги: The future of the global order: the six paradigm changes that will define 2050. – New Jersey [etc.]: World Scientific, 2021. – XX, 190 p. = Пети В. [Petit V.] Будущее мирового порядка: шесть изменений парадигмы, которые определяют 2050 год. – DOI: 10.31249/iajpravo/2024.04.17

В книге рассматриваются вопросы изменения мира в условиях роста глобальных проблем современного общества: растущее неравенство, популизм, социальные беспорядки, экологические проблемы и глобальные угрозы здоровью человека.

Винсент Пети, как указано в предисловии к изданию, не ученый, а профессиональный наемный стратег (человек, рисующий будущее), работавший в момент написания данного издания в

¹ Захаров Тимофей Владимирович, научный сотрудник отдела правоведения ИНИОН РАН.

частной компании Schneider Electric, направлением деятельности которой является пропаганда и продвижение в разных странах программ перехода от модели экономики, основанной на ископаемом топливе к «более устойчивым альтернативам» (р. V).

Книга написана в жанре сценария. Автор, по сути, предлагает самому читателю оценивать важность трансформаций современного мироустройства и будущее мира предлагаемым автором образом.

Профессор Оксфордского университета Р. Рамирес в предисловии к этому изданию назвал такой подход В. Пети «размышлением в практике» (*reflection in practice*), который в отличие от собственно традиционного «размышления о практике» (*reflection on practice*) не анализирует ее, а заменяет «информированным видением» (р. V–VI). Автор прямо указывает на особенность собственного метода – вместо выстраивания аргументов, книга предлагает парадигмы. В качестве основы мотивации такого подхода, В. Пети называет рациональный анализ в «изнурительной, хладнокровной игре, где каждое государство стремится наилучшим образом отстоять свои интересы» (р. XVII).

Шесть фундаментальных изменений, по мнению В. Пети, определяют будущее мира в ближайшие три десятилетия: 1) рост совокупной мировой численности населения, так называемого «среднего класса»; 2) конкуренция за мировое господство; 3) истощение и нехватка мировых ресурсов; 4) необратимость процессов изменения климата; 5) устойчивость мировой экономики; 6) рост цифровой экономики. Каждое из данных изменений описывается в отдельной главе с помощью нескольких, затрагиваемых автором тем и «набора реалий и неопределенностей».

К 2050 году численность людей на планете, предполагает автор, приблизится к 10 млрд. Наибольший рост покажут регионы Африки и Индия. В то же время, доля пожилых людей увеличится с 12,7% (в настоящее время) до 21,3% к 2050 г., причем половину такого роста покажут Китай и Япония – около 500 млн пожилых людей. Наиболее «стареющими» окажутся страны Старого света.

Рост численности населения – бесспорный фактор экономического роста. Однако географические диспропорции в увеличении населения, в распределении долей его молодой, активной части, окажут непосредственное влияние на отношения между

регионами мира. Препятствия для политической и экономической интеграции континентов и регионов существенно снизят темпы модернизации в Африке, Среднем Востоке и Центральной Азии. Европа, на экономические, культурные, технологические и т.п. связи с которой ориентировано в настоящее время большинство из стран названных регионов, первой столкнется с невиданными ранее вызовами. Как, к примеру, будет выглядеть мир с отрицательным ростом совокупного валового внутреннего продукта?

Прогнозируемый рост численности населения планеты в современной экономической парадигме должен привести к тому, что около 3 млрд человек присоединится к «среднему классу» достатка. Но произойдет ли это? Или большинство из них приговорено к различным формам экономической незащищенности и нужды? В. Пети видит в данном вопросе главную неопределенность будущего – наиболее острый вызов настоящего времени (р. 20–21).

Много неопределенности, считает В. Пети, оставляет конкуренция за мировое господство. От того, насколько Китай будет способен установить собственный режим безопасности на зависимые от него территории, сформируется его глобальное положение. Таким образом, «аппетит» США сохранить мировой контроль согласно его историческому положению в международной системе подвергается серьезному испытанию. Будущее Европы глубоко увязано с будущим России. Россия уже сама является стратегическим, критическим преимуществом – альянс с ней обеспечит превалирование в новом глобальном порядке. Перед риском более системного кризиса глобально интегрированной экономики, неясна судьба универсальных институтов межгосударственного взаимодействия. Устоят ли они в условиях надвигающейся двусторонней конфронтации? (р. 43–45).

За последние 20 лет человечество потребило такое количество природных ресурсов, которое планета уже не способна полностью восстановить. Возможно, что альтернативные модели потребления будут открыты, вероятнее всего ориентированные на ресурсы Мирового океана, однако разумно предположить, что существенные сложности ожидают в ближайшие десятилетия глобальные цепочки распределения природных ресурсов. Четыре региона с массивными запасами практически всех сырьевых ресурсов – Латинская Америка, Австралия, Россия и Африка – станут новыми центрами гео-

политического притяжения. Не удивительным будет стремление установить контроль доступа к ресурсам. В то же время следует также отметить критический потенциал инноваций моделей воспроизводства, вторичного потребления, систем энергосбережения (р. 69–70).

Еще один важный фактор трансформации современного мира – антропогенное давление на экологические системы. Энергетическая модель современной глобальной экономики уже привела к необратимым изменениям климата, воспринять которые предстоит уже в ближайшем будущем. Причем, качества изменений до конца не ясны. Очевидным следствием видится глобальный кризис нехватки пресной воды и продовольствия (р. 86–88).

Глобальную взаимозависимость уже сегодня показывают экономические связи регионов мира. Мировая торговля обеспечивает 15% совокупного ВВП. Одним из ключевых факторов становится региональная концентрация межгосударственных экономических отношений. Государства, остающиеся за рамками экономических блоков, отстраняются от выгод коллективного развития, стремительно деградируя в конкурентно меняющемся мире. Это очевидно имеет долгосрочные последствия создавая почву для социальной нестабильности.

Аналогичные зависимости показывают международные финансовые отношения, обусловленные трендом финансовой глобализации последних десятилетий. Новые мировые правила будут определять владельцы наиболее крупных капиталов, способные предоставлять системное финансирование развивающихся экономик. Помимо Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и Китая, Д. Пети указывает на «глобальные специализированные фирмы», аккумулирующие финансовые активы для целей международных инвестиций.

Глобальные финансовые институты, по мнению Д. Пети, претерпят организационные изменения, обусловленные формирующимися трендами превалирования национальных интересов в условиях торгово-экономических войн (р. 113–116).

Цифровизация экономики уже показала свои преимущества через тотальную революцию информационного обмена и обмена знаниями. Фактическое влияние на продуктивность экономических процессов, рост ВВП еще только предстоит раскрыть. Разви-

тие цифровой экономики может последовать тенденциям глобализационных процессов – оно стремится усилить экономический разрыв между «подключенными» к сетям информационного обмена технологически развитыми странами и странами, технологическое развитие которых еще только должно состояться (р. 138).

Интерес представляют четыре сценария нового глобального порядка, представленные автором в монографии. Первый – формирование многополярного мира (р. 146); второй – реновация ряда международных институтов, на базе которых начнется глубокая трансформация международных отношений (р. 154); третий – «день Страшного суда», когда необратимые радикальные изменения жизненных циклов Земли повлекут за собой глобальный экономический и гуманитарный кризис, локальные конфликты – и как итог глобальный коллапс современной международной системы (р. 161). Четвертый сценарий показывает, как в условиях прогрессирующих изменений климата международные многосторонние институты дадут возможность быстрой адаптации и отыскания новой модели международной системы (р. 169).

Важно то, что в книге дается широкая, развернутая инфографика: 60 разного рода таблиц, графиков, схем, картограмм и др. В то же время следует отметить, что приводимые автором данные не всегда актуальны, датируются началом, серединой 2000-х годов (наиболее поздние – 2019 г.). Источниками этих сведений далеко не всегда выступают публичные организации. В ряде случаев, автор не указывает источники.

Книга вызывает большое количество критических вопросов, на которые, к сожалению, В. Пети не дает ответа: в чем заключается «фундаментальность» шести выделяемых автором изменений мира? Почему он не останавливается на других важных глобальных проблемах? В чем он видит устойчивость мировой экономики? Сомнение также вызывает заявление автора о росте в мире числа людей с высоким уровнем благосостояния. Вместе с тем следует заметить, что заявление В. Пети о наличии в его исследовании «прочной системной фактологической основы» и «неоспоримых данных», вызывает много вопросов и провоцирует читателя к дискуссии.

Книга может быть рекомендована специалистам в области международных отношений и международного права.

НОВЫЕ ЗАРУБЕЖНЫЕ КНИГИ НА ПОЛКАХ ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ ИНИОН РАН

УДК 34.01

DOI: 10.31249/iajpravo/2024.04.18

ИВАНОВА А.П.¹ РЕФЕРАТ КНИГИ: КРОУ Дж. [CROW J.] ЕСТЕСТВЕННОЕ ПРАВО И ПРИРОДА ПРАВА = NATURAL LAW AND THE NATURE OF LAW. – CAMBRIDGE, 2019. – 270 Р.

Ключевые слова: теория права; философия права; естественное право; мораль и право; теория артефактов.

Keywords: theory of law; philosophy of law; natural law; morality and law; theory of artifacts.

Для цитирования: Иванова А.П. [Реферат] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. Государство и право. – 2024. – № 4. – С. 222–226. – Реферат книги: Crow J. Natural Law and the Nature of Law. = Кроу Дж. Естественное право и природа права. – DOI: 10.31249/iajpravo/2024.04.18

Книга профессора права Университета Бонда (Австралия) Дж. Кроу «Естественное право и природа права» представляет собой первое за последний период (со времен выхода известной работы австралийского правоведа и философа Дж. Финниса «Естественное право и естественные права») систематическое изложение идей естественного права в этике, политике и юриспруденции.

Как отмечает сам Дж. Кроу, его книга посвящена, с одной стороны, природе права, а с другой стороны – природе в целом и

¹ Иванова Ангелина Петровна, младший научный сотрудник отдела правоведения ИНИОН РАН.

условиям человеческого существования. Эти две темы, по его мнению, неразрывно связаны. Право лучше всего понимать как своего рода артефакт, предназначенный для обозначения границ социального поведения. Закон, рассматриваемый с этой точки зрения, становится скорее набором общественных ориентиров для достижения самореализации человека, чем набором правил, навязанных извне (p. 1).

Современная философия права делает упор на идее о том, что право является социально признанным стандартом поведения. Юридический позитивизм – доминирующая традиция в современной юриспруденции – стремится понять природу права, прежде всего, путем раскрытия понятия социального признания, легитимации и его связи с правовой нормативностью. Адекватная и информативная описательная теория права с этой точки зрения, включая притязания закона на авторитет и роль в социальном дискурсе, может быть построена путем изучения его зависимости от социальных источников.

Такой подход противостоит распространенному ранее нормативному подходу, согласно которому концепция права должна прежде всего изучать его нормативную базу в области этики и политики. Это предположение проистекает из трактовок закона, выдвинутых классиками, такими как Платон, Аристотель, Августин и Фома Аквинский. Указанные авторы придерживались общей методологии, согласно которой исследование права начинается с рассмотрения практической рациональности, основанной на конечных целях человеческой деятельности, а не с исследования роли сообщества в содействии процветанию человечества посредством взаимодействия с этими целями. Таким образом, право рассматривается, в первую очередь, в контексте его роли в обеспечении процветания членов общества (p. 2).

Несмотря на то что в настоящее время нормативный подход к праву утратил свою актуальность, он продолжает существовать в рамках научной школы естественного права. Как утверждает автор, теории естественного права – это попытка теоретизировать нормативные склонности, характерные для людей в целом (p. 241). Наиболее заметным направлением современной мысли о естественном праве является «новая теория естественного права», возникшая на основе работ философов Г. Гризеза и Дж. Финниса, ко-

торые, в свою очередь, в значительной степени опираются на свои интерпретации Фомы Аквинского.

Дж. Кроу, апеллируя к доводам Дж. Финниса и во многом опровергая их, проводит убедительное и оригинальное исследование традиций и постулатов естественного права.

Он отмечает, что подавляющее большинство теорий естественного права основано на идее, что человеческая жизнь направлена на достижение определенных внутренних благ. Взаимодействие людей с этими благами регулируется тем, что «новая теория естественного права» называет принципами практического мышления (р. 3). Таким образом, главный вопрос, стоящий перед такого рода концепциями, заключается в том, откуда берутся эти блага и принципы. При поверхностном чтении работ, как классических, так и современных теоретиков естественного права, часто кажется, что они появились из ниоткуда. Естественное право часто преподносится так, как если бы оно было (по словам американского юриста и правоведа О.У. Холмса) «нависающей с небес вездесущностью» – набором вечных и непреложных правил, навязанных людям свыше (р. 3).

Работы Г. Гризеза и Дж. Финниса мало что делают для того, чтобы развеять это представление о праве. Так, понимание Дж. Финнисом естественного закона основано на наборе базовых, очевидных и самодостаточных «основных благ», таких как жизнь, знания, дружба, религия и др., а также на принципах практического мышления, которые аналогичны математическим принципам и, соответственно, не нуждаются в какой-либо истории и обосновании их появления. Следовательно, ответ Дж. Финниса на то, откуда берется естественное право, заключается в том, что оно исходит непосредственно от Бога (р. 3).

По мнению Дж. Кроу, такое объяснение нельзя назвать убедительным (р. 3). Если внеисторический взгляд Дж. Финниса на естественное право объясняется его верой в то, что естественное право исходит непосредственно от Бога, то это, должно быть, потому, что Бог действует в мире определенным образом. В частности, этот подход представляет собой «синхронный» взгляд на деятельность Бога: создатель несет ответственность за формирование принципов естественного права в определенный момент времени

(например, когда был создан первый человек), и с тех пор они остаются неизменными.

Однако это далеко не единственный способ осмысления воли Бога. Более того, вряд ли такой взгляд на деятельность Создателя соответствует Библии. В конце концов, Бог несет ответственность за всё во вселенной, включая социальные институты и историю человечества. Представляется разумным, что он хочет, чтобы законы природы постепенно развивались и открывались людьми в ходе социальных и исторических процессов. Таким образом, воля Бога на процветание человечества реализуется с течением времени (р. 245).

Представляется интересной позиция автора, которую он противопоставляет позиции Дж. Финниса о том, что *право*:

1) *находит свое воплощение в обществе*. Это верно как в эпистемологическом, так и в онтологическом смысле. Природу основных благ и принципов практической целесообразности люди узнают, интерпретируя социальные практики. Как правило, исследование указанных объектов начинается с рассмотрения сообщества, к которому принадлежит сам исследователь: какими целями руководствуются члены данного сообщества, какие поведенческие ограничения накладываются. Далее указанные идеи сравниваются с интуитивными представлениями, а также практиками иных сообществ (р. 6). Право, понимаемое таким образом, развивается и изменяется с течением времени (р. 244);

2) *исторически обусловлено*. История человечества – это, по крайней мере частично, история поисков людьми наилучшего способа жить богатой и полноценной жизнью в различных природных, социальных и экономических условиях. Это не то знание, которое можно получить, проанализировать и зафиксировать за один раз. Скорее, это то, над чем человеческие сообщества пытались работать в течение долгого времени. В этом смысле естественное право является продуктом процесса социальной эволюции, охватывающего несколько поколений (р. 6);

3) *детерминировано человеческой природой*. Принципы естественного права указывают человеку наилучший способ жить в процветании и наилучшим образом удовлетворять свои потребности, учитывая природу, которой он обладает, и окружающую

среду, в которой он живет. Изменение указанных факторов привело бы к изменению содержания естественного права (р. 7).

В то же время, в некоторых аспектах позиция Дж. Кроу совпадает с концепцией Дж. Финниса. Так, в первой половине книги (р. 13–134) автор следует традиции «нового естественного права», которая основывает этику на стремлении к определенным «основным благам», необходимым для процветания человека. Он предполагает, что существует девять «основных благ»: жизнь, здоровье, удовольствие, дружба, игра, уважение, понимание, значимость и разумность. Хорошая жизнь предполагает стремление ко всем или большинству из этих благ. В то же время, в отличие от Дж. Финниса, автор исключает религию из своего списка основных благ.

Вторая часть книги (р. 135–240) посвящена философии права. Закон, по мнению автора, представляет собой особый тип артефакта – институциональный артефакт, предназначенный для обозначения границ социального поведения (р. 156). Условия успеха любого артефакта касаются тех его свойств, которые делают его конститутивно способным выполнять свою функцию. Успешное исполнение правом своей функции придает ему статус такого артефакта, и это, согласно позиции Дж. Кроу, является главным аргументом в пользу основного тезиса теории естественного права о том, что право – это, прежде всего, рациональный стандарт поведения (р. 137), а мораль и закон неразрывно связаны (р. 138).

Нельзя не согласиться с Дж. Кроу в том, что причины, по которым право ставится людьми во главу угла и обладает всеобщей обязательностью, а также способы, с помощью которых оно успешно выполняет свои функции, могут быть поняты только на нормативном фоне общечеловеческих ценностей и социальных институтов.

Работа вносит важный вклад в разработку основ теории естественного права. Такое актуальное, содержательное и систематизированное исследование будет интересно всем, кто занимается теорией и философией права.

УДК 34.04

DOI: 10.31249/iajpravo/2024.04.19

СКУРКО Е.В.¹ РЕФЕРАТ КНИГИ: ТАМАНАХА Б.З. [TAMANAHAN B.Z.] СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ТЕОРИЯМ ПРАВА (ЭЛЕМЕНТЫ ФИЛОСОФИИ ПРАВА) = SOCIOLOGICAL APPROACHES TO THEORIES OF LAW (ELEMENTS IN THE PHILOSOPHY OF LAW). – Cambridge: Cambridge UNIVERSITY PRESS, 2022. – 80 p.

Ключевые слова: аналитическая юриспруденция; теория права; социология права; социальный артефакт; эмпиризм; эмпирика.

Keywords: analytical jurisprudence; theory of law; sociology of law; social artifact; empiricism; empiricism.

Для цитирования: Скурко Е.В. [Реферат] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. Государство и право. – 2024. – № 4. – С. 227–231. – Реферат книги: Sociological Approaches to Theories of Law (Elements in the Philosophy of Law). – Cambridge, 2022. – 80 p. = Таманаха Б.З. [Tamanaha B.Z.] Социологические подходы к теориям права (Элементы философии права) DOI: 10.31249/iajpravo/2024.04.19

В 2022 г. в серии «Кембриджские элементы» рубрики «Философия права» вышла монография именитого представителя теории и социологии права, сравнительного правоведения Брайана З. Таманахи (Школа права Вашингтонского университета) «Социологические подходы к теориям права».

На основе эмпирических данных и данных социологических и естественных наук автор изучает различные подходы в теории

¹ Скурко Елена Вячеславовна, старший научный сотрудник отдела правоведения ИНИОН РАН, кандидат юридических наук.

права, выдвигаемые аналитической юриспруденцией. Среди затронутых тем – теория права как артефакт, теория права как социальный конструкт, идеализация представлений о функциях права, ложный тезис о «социальной эффективности права», ошибки в поисках ответа на вопрос: «что такое право?», и существует ли взаимосвязь между эмпиризмом и аналитической юриспруденцией.

Аналитическая юриспруденция, подчеркивает автор, утверждает, что право – это социальный артефакт или социальная конструкция, оно поддерживает общественный порядок, направляет и координирует социальное поведение, обеспечивает соблюдение социальных и моральных норм, является инструментом социального контроля либо инструментом, служащим социальным целям. Теория юридического позитивизма доказывает, что право основано на социальных источниках, социальных фактах и социальных установках. В связи с этим автор проводит мысль о том, что поскольку право – это социальное явление, следовательно, теория права может и должна многое почерпнуть в общественных науках (р. 1). Между тем, по мнению исследователя, по целому ряду ключевых вопросов аналитическая юриспруденция упорно стоит на позициях, несовместимых с эмпирической реальностью, где развивается и функционирует право.

Б.3. Таманаха исходит из того, что право зависит от природных особенностей человека, а также требований общественной жизни. Право – исторический продукт, который развивается в зависимости от окружающих его культурных, социальных, экономических, политических, технологических и экологических факторов. Эти влияния могут быть как внутренними, так и внешними по отношению к данному обществу. «Их воздействие проникает посредством права в поры общества и общественных отношений, т.е. право воздействует на общество многообразными интерактивными и динамичными способами. Проявления права различаются в различных обществах, а со временем эволюционируют, приобретая самобытные для того или иного общества и условий жизни формы и функции» (р. 3).

Современные правовые системы, по мнению автора, функционируют на основе узкоспециализированных знаний, норм, практики и институтов, которые поддерживаются в ходе деятельности профессиональных юристов. И, хотя право в целом отражает

моральные нормы общества, оно, на практике, может быть «узурпировано» сравнительно узкими группами лиц, влияющих на правовое развитие. В результате право и юридическая практика могут войти в противоречие с преобладающими общественными нормами, представлениями и интересами. Б.З. Таманаха считает, что право – это инструмент, который, в конечном счете, может быть поставлен на службу интересам тех, кто, с одной стороны, имеет общественное влияние, а с другой – может, ссылаясь на правовые нормы, использовать его в личных целях. Право не только служит разрешению споров, но зачастую само оказывается втянутым в социальные, экономические и политические конфликты. В этом, по мнению ученого, состоит реалистичное понимание «права в действии» (р. 3).

Теория права как артефакт (artifact theory), которую, в частности, критикует в своей работе Б.З. Таманаха, была в центре внимания исследователей философии права на протяжении двух последних десятилетий (р. 4). «Артефакт» принято определять как объект, который искусственно производится с определенной целью. То есть артефакт, во-первых, создается с определенным намерением, во-вторых, должен выполнять определенную функцию, в-третьих, та функция, для реализации которой создается артефакт, определяет, какого рода будет сам этот артефакт (р. 5). Отношение к праву как к артефакту, по мнению автора, изначально представляется странным. Действительно, юридические нормы и институты, а также правовые системы в целом нельзя считать намеренно сконструированными объектами, подразумевающими, в том числе, наличие автора или «создателя», а также конкретную цель, функцию или набор характеристик – и т.п. Следовательно, поборники теории права как артефакта, чтобы привести свою теорию в соответствие с принятым понятием об артефакте, вынуждены существенно ослабить значение и связи между «авторами», «намерениями», «объектами», «признаками» и «функциями», когда говорят о «праве как артефакте» (р. 5).

Правовые системы не похожи на футбольную команду или конкретную игру, которую футбольная команда проводит; не похожи они на оркестр или конкретный симфонический концерт, который он исполняет, пишет автор. Принципиальное отличие (среди многих других) заключается в том, что на практике дей-

ствия законодательных, исполнительных и судебных органов, уполномоченных лиц зачастую не увязаны друг с другом, и они не преследуют общей цели «создания правовой системы», в то время как у футбольных команд есть план и схемы игры, а у оркестров – симфонические партитуры. Официальные лица в государстве понимают, что их действия взаимосвязаны – однако многообразными и неоднозначными способами: законодатели знают, что законы, которые они принимают, должны соблюдаться; предполагается, что судьи должны применять закон, принятый законодательной властью, а исполнительная власть, прокуратура, полиция и т.д. должны выполнять закон и обеспечивать его соблюдение. На первый взгляд, возможно, это напоминает «общее намерение», за исключением того, что эта в высшей степени идеализированная картина скрывает реальность разногласий и противостояния внутри множественных групп должностных лиц на всех уровнях (федеральном, региональном и муниципальном). Различные должностные лица выполняют разные роли, несут разную ответственность и преследуют различные цели (в том числе личные и идеологические), которые порождают множественные конфликты. Судьи регулярно интерпретируют законы не так, как того хотели бы законодатели; прокуроры и полиция регулярно не обеспечивают соблюдение законодательства в том виде, в каком оно написано, а иногда игнорируют или обходят судебные постановления; государственные чиновники разных уровней регулярно вступают в конфликт; и т.д. Кроме того, нередко упоминаемый разрыв между «законом в книгах» и «законом на практике» свидетельствует о том, что расхождения внутри правовых систем носят повсеместный характер (р. 14).

Теория права как социального конструкта, которую анализирует Б.З. Таманаха, очевидно, должна опираться и развиваться из представления о «социальном конструкте». Речь идет о том, что социальный мир – это продукт наших осмысленных действий и их намеренных и непреднамеренных последствий. Хотя он постоянно формируется благодаря таким действиям, социальный мир объективно существует до нас – и переживает наш уход. Люди рождаются, занимают определенное место в обществе, принимают участие в общественном взаимодействии, преобразуют язык и культуру, знания, стереотипы, социальные практики, институты и

учреждения, – словом, все, что в совокупности определяет «социальный мир», состоящий из больниц, школ, автозаправочных станций, банков, фабрик и заводов, правительственных учреждений и судов, продуктовых магазинов и всего прочего в обществе (р. 17). Так, аналитическая юриспруденция охотно и широко признает, что право – это социальная конструкция, однако, подчеркивает Б.З. Таманаха, крайне редко объясняет, что это влечет за собой, за исключением того очевидного факта, что закон создается нашими действиями (р. 18).

Аргументируя свою позицию эмпирическим материалом, исследователь утверждает, что представители философии права, аналитической юриспруденции и других исследовательских направлений в теории права должны интересоваться и принимать во внимание «эмпирическую реальность» права, «право в действии». Б.З. Таманаха подчеркивает, что его работа принесет пользу для исследования не только в отношении конкретных вопросов, которые он затронул, но и для демонстрации ценности большего эмпирического вклада в правовые исследования вообще (р. 60).

В частности, автор обращает внимание на то, что аналитическая юриспруденция должна быть открыта для эмпиризма, поскольку право – социальный институт. Более того, все здание аналитической юриспруденции построено на эмпирическом фундаменте, однако слишком часто эмпирические по своей природе тезисы вводятся в аналитическую юриспруденцию без действительного эмпирического обоснования: исследователи, руководствуясь интуицией, делают заявления о «самоочевидных трюизмах» и слишком узко привязывают свои выводы к определенному времени и месту, претендуя при этом на «универсальность». Теория права должна соответствовать социальной реальности; в противном случае она рискует превратиться в сложные, ничем не обусловленные, спекулятивные теории с ограниченной «назидательной» ценностью. Если аналитическая юриспруденция действительно стремится понять природу права как социального института, позволяющего людям «действовать открыто, а не в темноте», то философский прогресс будет достигнут путем построения теории права на эмпирически обоснованном базисе (р. 61).

Социальные и гуманитарные науки
Отечественная и зарубежная литература
Информационно-аналитический журнал
Серия 4

**ГОСУДАРСТВО
И
ПРАВО
2024 – № 4**

Техническое редактирование
и компьютерная верстка В.Б. Сумерова
Корректор О.В. Шамова

Подписано к печати 25.10.2024

Формат 60×84/16

Бум. офсетная № 1

Усл. печ. л. 14,5

Цена свободная

Тираж 300 экз.

Уч.-изд. л. 11,3

(1–110 экз. – 1-й завод)

Заказ №

**Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук**

Нахимовский проспект, д. 51/21,

Москва, 117418

<http://inion.ru>

Отдел печати и распространения изданий

Тел.: (925) 517-36-91

e-mail: inion-print@mail.ru

Отпечатано в типографии
АО «Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5, к. 6